
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир ОВЧИНСКИЙ. Мины на российском наркополе	3
Виктор ИЛЮХИН. Почему я возбудил уголовное дело против Горбачева	10
Валерий БАЙНЕВ. Где наше поле Куликово?	79
Али КАЗИХАНОВ. Эти ужасные советские люди...	87
Игорь БОЙКОВ. России нельзя уходить с Кавказа	132
Леонид ЖУРА. «Десталинизация» и «честные выборы»	140
Максим КАЛАШНИКОВ. Время великой расплаты	146

ПРОЗА

Евгений БОГДАНОВ. Расстрел. Роман-дознание	20
Алла ЛИНЁВА. Вишенка. Повесть	100
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. Рассказы	184

ПОЭЗИЯ

Диана КАН. Ведомая светом. Стихи	95
Наталья АРТЁМОВА. Опаленные гроздья калины. Стихи ..	97
Андрей ШЕНДАКОВ. Солнце на руках. Стихи	156

Владимир АРХИПОВ. Рассветный ветер. Стихи	157
--	-----

РУССКИЙ ВОПРОС

Владимир СМЫК. Русская церковь и русский вопрос	160
Евгений ЕЛЬШОВ. Вспомнили о русском характере...	174
Альфред КОХ. Верхи-то могут, а вот низы уже не хотят	179

ДОСЬЕ «МГ»

Максим ХРУСТАЛЁВ. Точка еще не поставлена	204
Артур БАГИРОВ. За что убили Николае Чаушеску?	216
Андрей САВЕЛЬЕВ. Бандитский рейд	223

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Александр МОЛОТКОВ. Русская идея сегодня	228
---	-----

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	252
--	-----

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Елена ТОКАРЕВА. Без образования	268
--	-----

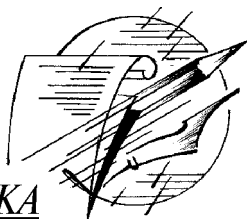
ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского	273
--	-----

МИНЫ НА РОССИЙСКОМ НАРКОПОЛЕ

То, что происходит в современной России в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, иначе чем кризисом не назовешь. С одной стороны, налицо все необходимые атрибуты для активной борьбы с распространением наркотиков: с 2003 года действуют специализированные органы наркоконтроля, создан Антинаркотический комитет для координации деятельности других государственных органов на этом направлении, в 2010 году президент России утвердил Стратегию государственной антинаркотической политики. Но с другой стороны, наркоситуация в стране продолжает стремительно ухудшаться. В 1990 году в России диагноз «наркомания» был поставлен всего 4,6 тысячи человек, в 1996 году — уже 30,4 тысячи, в 2000 году — 73,3 тысячи, а в 2010 году — 358 тысячам человек (!).

Это касается только медицински установленного диагноза. Потому что с цифрами, связанными с наркотиками, вообще творится чехарда. По данным Министерства здравоохранения и социального развития, число больных наркоманией в 2010 году составляет 358 тысяч человек, а потре-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

бителей инъекционных наркотиков — 386 тысяч. Всего же зарегистрировано потребителей наркотиков — 555 тысяч.

Неискушенному уму трудно понять, чем большой наркоманией отличается от потребителя наркотиков и тем более от потребителя инъекционных наркотиков.

Цифры медиков — не единственные. Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков неоднократно приводила следующую цифру: 2,5 миллиона (!) российских наркоманов «сидят» только на опиатах. Эксперты ООН уверены, что реальная цифра потребителей наркотиков в России превышает 6 миллионов человек.

Последние 20 лет в геометрической прогрессии растет число выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Если в 1990 году их в РСФСР было зарегистрировано около 16 тысяч, то в 2009-м — уже 238,5 тысячи, то есть в 15 раз больше.

Но и эти цифры наркопреступности далеки от реальности. Логика подсказывает: если наркоманов миллионы, то им должно соответствовать и количество правонарушений. Ведь каждый факт приобретения наркоманом очередной дозы — уже преступление со стороны наркодилеров.

Проведенный автором совместно с Леонидом Кондратьевым статистический анализ показывает, что рост числа учтенных наркоманов начиная с 1995 года заметно опережает число уголовных дел, связанных с наркотиками. Иными словами, уголовные репрессии к наркосбытчикам «не поспевают» за эпидемией наркозаболеваний. И разрыв в этой «гонке» только нарастает (см. диаграмму).

Из социологических исследований ясно, что официальная статистика не отражает масштабов наркоэпидемии. Опросы в «престижных» школах и вузах показывают, что каждый третий студент и старшеклассник пробовал тот или иной вид наркотиков. А в таких социально неблагополучных городах, как Нижний Тагил (где особенно высок уровень населения, имевшего конфликты с законом), с ними знакомы более половины всех подростков и молодых людей в возрасте до 28 лет.

Смертность от наркотиков исчисляется десятками тысяч. Доктор медицинских наук Валентина Киржанова установила тесную связь между уровнем общей заболеваемости наркоманией и смертностью, связанной с употреблением наркотиков. Выявлена зависимость между наркоманией и инвалидностью вследствие туберкулеза, между зарегистрированным уровнем инъекционного употребления наркотиков и инфицированием парентеральными гепатитами В и С.

Число больных наркоманией оказывает долговременный эффект на рост числа ВИЧ-инфицированных лиц. При росте количества зарегистрированных наркоманов на 10 процентов контингент зарегистрированных и впервые выявленных ВИЧ-инфицированных лиц через год возрастает почти на 30 процентов.

Наркотестирование становится необходимым элементом при призывах на службу в Вооруженные силы и... приеме на службу в правоохранительные органы! В ноябре 2010 года первым тест на наркотики прошел в порядке примера замминистра внутренних дел по кадрам.

Многие связывают ухудшение ситуации с афганским наркотрафиком. Действительно, до начала 90-х годов прошлого века 80 процентов всех потребляемых наркотиков в РСФСР были местного производства — из республик СССР. Теперь их основная масса имеет афганское происхождение.

Российские правоохранительные органы соответствующим образом реагируют на эту новую тенденцию. Как никогда прежде, Россия активизировала международное сотрудничество в борьбе с наркотрафиком. В рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) ежегодно проводятся антинаркотические операции «Канал». Долгие годы Россия пыталась наладить проведение совместных операций такого рода с силами Коалиции и НАТО, находящимися в Афганистане. В октябре 2010 года эти усилия увенчались успехом — проведена первая совместная операция по уничтожению нескольких нарколабораторий на территории Афганистана. Руководитель российского Наркоконтроля Виктор Иванов планирует уничтожить около 180 таких нарколабораторий непосредственно в Афганистане.

На конференции «Группы Помпиду» по антинаркотическому сотрудничеству в Европе в ноябре 2010 года в Страсбурге Виктор Иванов выдвинул идею разработки антинаркотической стратегии Восточного полушария. Безусловно, международные усилия — это важнейший элемент в комплексе мер борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Но он должен лишь дополнять меры по наведению порядка внутри страны.

Что же касается внутренней российской антинаркотической политики, то именно здесь заложены некоторые «мины», постоянно взрывающие наркоситуацию.

Мина первая связана с антинаркотической уголовной политикой. Цифры привлеченных к уголовной ответственности постоянно растут. Но реальное лишение свободы за незаконный сбыт наркотиков получают лишь 49 процентов подследственных, условное — 40.

В ноябре 2010 года Госдума приняла в первом чтении законопроект, ужесточающий наказание за употребление наркотических, психотропных веществ и прекурсоров. Ужесточается уголовная ответственность за сбыт наркотиков или их аналогов в СИЗО, тюрьмах, школах и вузах, на объектах спорта, а также в ночных клубах в виде лишения свободы на срок от 5 до 12 лет со штрафом до 500 тысяч рублей.

Вместо нынешней двухзвенной системы дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (крупный и особо крупный размеры) законопроект устанавливает трехзвенную (значительный, крупный и особо крупный размеры), а также более строгие санкции за их совершение.

Но что даст это ужесточение, если одновременно в стране провозглашается политика гуманизации и либерализации уголовного наказания? Министр юстиции Александр Коновалов прогнозирует сокращение заключенных на треть. А это фактически директивное указание судебной системе «экономить» репрессии. Такой подход затронет и лиц, осуждаемых за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. И по-прежнему почти половина всех осужденных наркосбытчиков будет находиться на воле. К слову, каждый второй из них — сам наркоман. Если в местах лишения свободы какое-то лечение возможно, то на воле оно исключено.

В этих условиях государство должно решить: возможно ли распространять общую политику гуманизации на сбытчиков наркотиков? Ведь шизофрения ситуации дошла до того, что летом 2009 года в недрах Минюста родился законопроект по «декриминализации» так называемого простого сбыта наркотиков (без отягчающих обстоятельств) и перевода его в разряд административных правонарушений.

Мина вторая. Даже та наиболее опасная часть сбытчиков наркотиков, которая отбыла наказание в местах лишения свободы, после освобождения остается без всякого контроля. Система административного надзора за лицами, которые отбыли наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе членами преступных сообществ — наркодилерами, была разрушена в начале 90-х годов. Проект Федерального закона «Об административном надзоре» по непонятным причинам «завис» в Госдуме.

Мина третья связана с отсутствием в современной России системы принудительного лечения наркоманов. 25 октября 1990 года Комитет Конституционного надзора СССР своим Заключением №8 «О законодательстве по вопросу о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страда-

---

ющих алкоголизмом и наркоманией» фактически совершил «переворот» в наркополитике. Он приравнял потребление наркотиков «к неотъемлемому праву человека, который ни перед кем не обязан бережно относиться к собственному здоровью». Юридическую ответственность за потребление наркотиков без назначения врача объявили несовместимой с новой демократической Россией. Отменили систему административной ответственности (штраф или арест до 15 суток) и меры уголовного характера за повторное потребление наркотиков в течение года после административного наказания. Хотя сама угроза их применения ощутимо сдерживала рост числа наркоманов. В 1993 году упразднили механизм принудительного лечения наркоманов в лечебно-трудовых профилакториях. Конечно, ЛТП не были панацеей от наркотиков. Но из прошедших через них 1,5 миллиона пациентов не менее 10 процентов излечились. 150 тысяч человек были возвращены к жизни.

В Беларуси в январе 2010 года принят закон об ЛТП. Приняты в эксплуатацию пять крупных профилакториев, достраивается шестой, каждый на 450 человек. Этот опыт доказывает эффективность уже в современный период. Он опирается на сильную правовую базу в виде целевого закона и современные формы лечения и трудовой терапии.

В 2008 году Госдума попыталась поставить на обсуждение вопрос о принудительном лечении. Законопроект разрабатывался в недрах Наркоконтроля. До этого вопрос о восстановлении ЛТП поднимало МВД. Все попытки были торпедированы. Однако очевидно, что пока государство не вернется к проблеме принудительного лечения, фактически воду будем черпать решетом.

В вышеупомянутом законопроекте, только что принятом в первом чтении Госдумой, предлагается вновь привлекать к административной ответственности потребителей наркотиков — ввести штрафы и подвергать административному аресту до 15 суток. Что даст арест без принудительного лечения? Опять какое-то половинчатое решение с нулевым эффектом.

Зато появляются всякого рода суррогаты принудительного лечения вне государственного воздействия на наркоситуацию. В Свердловской области функции государства по принудительному лечению наркоманов фактически взяла на себя общественная организация «Город без наркотиков». Но принуждение не от государства всякий раз порождает патологические формы социальной активности.

Мина четвертая. Отсутствие системы принудительного лечения наркоманов предполагает наличие добровольной

системы. Увы, здесь тоже видны лишь развалины прежнего госмеханизма. Конечный фонд государственных наркологических учреждений позволяет пролечить в стационаре не более 2 процентов состоящих на учетах наркобольных.

По данным Минздравсоцразвития, в России есть только 12 наркобольниц, 4 наркологических реабилитационных центра (в Китае — 600), 118 наркодиспансеров со стационарами. И, самое главное, средняя длительность пребывания на койке — 14,4 дня. За этот срок можно только провести детоксикацию, но не вылечить.

На заседании Государственного антинаркотического комитета 24 сентября 2010 года обсуждался вопрос о пилотном проекте — разработке механизмов и процедур социальной реабилитации наркозависимых, которые могли бы стать моделью типовой региональной инфраструктуры антинаркотической деятельности на уровне субъекта РФ. Фактически это признание развала государственной базы реабилитации. Вместо нее 350 негосударственных субъектов с платными услугами, деятельность которых лежит вне нормативно-правового регулирования или какого-либо контроля.

На руинах наркологии появились секты, реабилитационные центры, созданные криминальными структурами. Они используют бесплатный рабский труд алкоголиков, наркоманов, вышедших из колоний людей.

Мина пятая. Привычная борьба с наркобизнесом практически заканчивается. Уже сейчас вся торговля наркотиками, инструкции по их изготовлению и применению все больше перемещаются в киберпространство. Там же идет активная пропаганда наркотиков. Но существующая оргструктура правоохранительных органов мало приспособлена для работы в киберпространстве. Создание и расширение спецподразделений по борьбе с киберпреступностью проблему не решит. Необходимо обучение всех правоохранителей современным методам противодействия преступности в киберсреде.

Мина шестая. Наркопреступность все чаще становится этнической преступностью. Этнические сообщества наиболее сплоченны, могут действовать в конспиративном режиме. Бессмыслен тезис о том, что «преступность не имеет национальности». Сомнителен и запрет упоминать в СМИ национальность преступников (такой законопроект обсуждается в Госдуме).

Мина седьмая. Неправильно считать, что создание Наркоконтроля освобождает от участия в борьбе с наркопреступностью другие правоохранительные органы и спецслужбы. В США длительное время действуют специализирован-

---

ные подразделения по противодействию незаконному обороту наркотиков — DEA. Но по-прежнему 80 процентов всех изъятий наркотиков и всех уголовных дел дает уголовная полиция.

В России — почти аналогичная ситуация. В 2005—2010 годах, уже после создания органов наркоконтроля, 60 процентов всех выявленных наркопреступлений приходится на органы внутренних дел. Но развернувшаяся в ходе реформы МВД кампания по освобождению милиции от «излишних» функций привела к тому, что в проекте Федерального закона «О полиции» задача противодействия незаконному обороту наркотиков вообще не ставится. Это вызовет явное снижение ее активности.

Почему нужно «разминировать» российское антинаркотическое поле? Да потому, что без этого все усилия по снижению опасности наркоугрозы будут во многом блокироваться, и страна продолжит погружение в болото наркотумана.

Виктор ИЛЮХИН,
депутат Государственной думы,
заслуженный юрист России

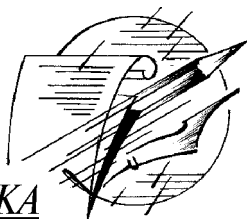
ПОЧЕМУ Я ВОЗБУДИЛ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПРОТИВ ГОРБАЧЕВА

Действительно, 4 ноября 1991 года, будучи Начальником Управления Генеральной прокуратуры СССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, я возбудил уголовное дело в отношении президента СССР М. Горбачева за измену Родине. Это было в моей компетенции, для этого были и объективные основания. Однако продолжения расследование дела не получило. Бывший Генеральный прокурор СССР Н. Трубин отменил мое решение, а я был уволен со службы.

Причины, которые заставили меня возбудить уголовное дело в отношении Горбачева за измену Родине, не носят личного характера, как некоторые хотели бы видеть. Мне не приходилось общаться с ним, хотя мы один раз и обменялись рукопожатиями.

В Горбачеве тех лет уживались как минимум три лица: Горбачев начала перестройки, Горбачев ее апогея и Горбачев реального распада Советского Союза.

Первый — действительно всколыхнул страну, объявив курс на обновление, курс, который был положительно воспринят.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Второй — после того, как огромные массы людей пришли в движение, вдруг обнаружил, что не знает, куда их вести, а может быть, не хотел и не мог. Время действий сменилось пустой говорильней, шараханьем из стороны в сторону, топтанием на месте, распадом экономики и государственности.

Третий — оказавшись в состоянии депрессии и без всякой опоры в массах, полностью выпустил руль управления страной. Невоможно быстро скатился вниз, к финалу своей карьеры, однако, и падая, продолжал разрушать некогда могучее государство.

Трагедия политика Горбачева, склонного к постоянным компромиссам, безвольного и удивительно поддающегося влиянию извне, заключается в том, что он на седьмом году правления оказался ненужным ни правым, ни левым. Он потерял всякую поддержку в массах, и те отвергли его.

О Горбачеве еще будут говорить, и мнения могут быть самые разные.

Запад, например, уже назвал его человеком конца XX века. Немцы нарекли Горбачева «великим немцем». Это их оценки. Но могут ли так назвать своего, пусть бывшего, но все-таки президента русские и армяне, украинцы и азербайджанцы, буряты и молдаване, татары и мордва? Нет, не могут. Слишком много бед и несчастий обрушилось на них в горбачевскую «эпоху». Ожидаемое от перестройки обновление обернулось для многих большой трагедией. Реальностью стала гражданская война в Закавказье, в Молдавии, Таджикистане.

Поэтому главное обвинение Горбачеву все-таки должно быть сформулировано в сфере национальной политики — за развал государственности.

Горбачев, начав «раскапывать старые могилы», забыл, что они дурно пахнут, и от этого зловония могут задохнуться окружающие. При его правлении весь Союз превратился в археологические раскопки. Правда, никто не подумал о том, где складывать «находки», как потом проводить границы, делить территории и людей разных национальностей и вероисповеданий, давно перемешавшихся между собой.

Горбачев не заметил, как он постепенно, вкупе с националистами советских окраин и постоянно потакая им, вырыл для всех нас огромную яму. Именно они в борьбе за политическую и личную власть умело разыграли очень тонкий, очень болезненный национальный вопрос. Именно на спекуляциях вокруг него они, именуя себя демократами, пришли к власти в Грузии и Армении, в Прибалтике и Молдавии, в других регионах. Это была цель, и ради нее забыли о мире на земле, о благополучии народа, который, ввергнув в пучину междоусобиц, вновь предали.

Национальные распри, как цепная реакция, покатались по Союзу, начавшись с карабахских событий. Прими тогда Горбачев вместе со своим политическим окружением твердое решение по НКАО, потуши в самом зародыше начинавшийся пожар, уверен, удалось бы избежать распада страны в целом, гибели сотен, тысяч ни в чем не повинных людей. А потушить можно было.

Я хорошо знаю и помню события в Закавказье, ибо длительное время возглавлял там следственные группы по расследованию преступлений, совершенных на почве межнациональной розни. Общался с сотнями беженцев, как из Армении, так и из Азербайджана, избитых и обобранных «до нитки». Видел глаза детей, наполненные ужасом и страхом. Нельзя без содрогания в сердце видеть и слышать об этих трагедиях. Так называемые горбачевские переживания в Форосе не идут в сравнение с болью и страданиями тысяч людей, живших в Закавказье.

Настоятельные предложения бывших КГБ, МВД и Генеральной прокуратуры СССР о силовом разоружении вооруженных формирований в Закавказье не находили поддержки. Мы были убеждены, что разоружать надо. Если бы тогда, в 1989 году, в этом вопросе руководство страны проявило твердость, возможно, удалось бы избежать там гражданской войны.

Наверху опасались, что насильственное разоружение с использованием воинских формирований будет сопряжено с кровью. Это действительно так, ее не удалось бы избежать. Но была бы пролита кровь самих бандитов, виновных лиц. Теперь же все чаще бандиты проливают кровь невинных людей, женщин и детей.

Для России не осталось бесследным и «заигрывание» Горбачева с автономиями. В противостоянии с Ельциным, пытаясь ослабить его позиции, он пошел на то, чтобы автономии также участвовали в обсуждении и подписании Союзного Договора как равноправные субъекты Союзной Федерации.

Я уверен, что Горбачев сделал роковой для страны шаг, пойдя на обсуждение и подготовку нового Союзного Договора, который использовали как ширму для развала всей государственности. Конечно, так поступил не только он один, но и республиканские лидеры.

Всё дело в том, что за время перестройки у нас в обществе набрали силу те, кто поставил цель демонтажа прежней системы и замены ее на старые капиталистические отношения. Те, кто организовал и возглавил этот процесс, хорошо поняли, что покончить с ранее закрепленным в конституциях стра-

---

ны и республик общественным строем сразу во всем Союзе неимоверно сложно и, может быть, невозможно. Поэтому Союз решили расчленить на части и реставрировать капитализм отдельно в каждой республике.

Мысль об отказе от союзного договора 1922 года мне все больше и больше напоминает «тройного коня», с помощью которого начались деструктивные процессы.

Не случайно в это же время три Прибалтийские республики потребовали предоставления им экономической самостоятельности. Там хорошо понимали, что разрушение единого государства, независимо от того, под какими «благовидными» формами оно произойдет, даст Латвии, Литве и Эстонии возможность без проведения всенародного референдума выйти из Союза. Идею о новом договоре подхватили, обосновали теоретически и довели до абсурда, до отказа от Союза вообще.

В Харькове на съезде демократических партий, состоявшемся в январе 1991 г. накануне Всесоюзного референдума о будущем нашего государства, однозначно решили: «нет референдуму», «нет Союзу». Против референдума и Союза в то время выступили Б. Ельцин, А. Собчак, Г. Попов, С. Станкевич и другие лидеры «демократических» течений.

Как известно, создание СССР провозглашено 30 декабря 1922 года в составе РСФСР, УССР, БССР и Закавказской республики, в последующем к нему присоединились другие республики. На базе соглашений об образовании Союза и вхождения в него были приняты конституции СССР 1924, 1936 и 1977 годов, а также республиканские конституции.

Союз был скреплен юридически и, самое главное, для большинства людей он стал необходимостью, жизненным пространством. Правда, оппоненты заявляют, что старый Союз ряд республик не устраивал; возникло много споров, разногласий, в том числе по причине засилья в нем Центра.

Однако еще и еще раз необходимо было все трезво оценить и взвесить. Во-первых, нельзя путать волю народа с волей политических деятелей. Только народ, нации, а не парламенты и президенты имеют право на самоопределение. Что касается воли большинства граждан, то она твердо была высказана на референдуме 17 марта 1991 года, люди хотели жить в едином Союзе.

Во-вторых, если возникла необходимость его обновить, перераспределить полномочия между центром и республиками, то это следовало бы сделать путем внесения изменений в конституции, разработки и принятия других законов. Если же кого-то Союз не устраивал, то из него можно было выйти,

---

но опять-таки в соответствии с конституциями и иными нормативными актами, через референдумы в республиках. Правовая база для этого создана. Сами же референдумы по вопросу проживания в Союзе недопустимо было подменять голосованием за независимость: это несопоставимые понятия.

И неплохо бы еще раз всем нам заглянуть в материалы, закрепляющие образование нашего Союза в двадцатых годах. Записанные в них положения по своей значимости и смыслу были и остаются прогрессивными, юридически выверенными и точными. Есть чему и поучиться. Сам же Договор 1922 года не предусматривал процедуры подписания нового Договора или его денонсации. Возможны лишь два варианта: уточнение, изменение отдельных конституционных положений или выход из Союза конкретной республики.

И здесь естественно возникает весьма закономерный вопрос. Мог ли Горбачев, имея, конечно, желание и волю, не допустить развала Союза? По моему мнению, ответ должен быть только утвердительный. Да, мог.

Идеи единого союзного государства были сильны в Верховном Совете СССР, а также у съезда народных депутатов страны.

За Горбачевым оставались еще армия и правоохранительные органы. И самое главное: Союз нашел большую поддержку на референдуме в марте 1991 года. Что еще надо для лидера? Только желание сохранить страну. Желание и волю, волю и конкретность

Однако сейчас все больше и больше убеждаешься, что этого стремления у Горбачева не было. Были пустые, длинные речи, топтание на месте. В результате союзная государственность вопреки мнению большинства народа оказалась разваленной.

Разваливать начали с хорошо организованной и глубоко продуманной кампании дискредитации опять-таки армии, КГБ, прокуратуры.

МВД разложить не представляло большой сложности. Достаточно поставить во главе этого ведомства «демократа» — дилетанта В. Бакатина, и цель достигалась без особых усилий.

С другими оказалось сложнее. Армию разлагали, травили, унижали и оскорбляли со всех сторон и по любому поводу, начиная с тбилисских событий и кончая спекуляциями вокруг, в общем-то, здорового движения солдатских матерей. В тбилисских трагедиях оставил свой след и Собчак. Сколько гнева, сколько молний обрушил он на командование Закавказского военного округа, на Министерство обороны страны фактически за то, что тогда 9 апреля 1989 г.,

---

благодаря использованию солдат удалось предотвратить страшную бойню. Тогда остановили большую беду, потом не смогли, армия вынуждена была занять нейтралитет.

Нападки на прокуратуру сопровождались сменой ее руководителей. За три года в кресле генерального прокурора побывали три лица.

КГБ СССР расчленили, раскрыли методы разведывательной и контрразведывательной деятельности. Из страны хлынул поток утечки секретной стратегически важной государственной информации. Не знать о нападках на армию и правоохранительные органы Горбачев не мог. Мы об этом ему частенько докладывали. Однако он фактически ничего не сделал для предотвращения развала государственных структур. Он предавал своих бывших друзей, единомышленников, которых еще совсем недавно уверял в своей дружбе и верности. Предал коммунистов в ГДР и Чехословакии, Польше и Монголии, в Прибалтике и Грузии, в Армении и России. Он предал целиком всю партию. Предал Рубикса, Хоннекера, предал рижский ОМОН, прокурорских работников в Литве и Латвии, до конца оставшихся верными Союзу и законности. Такого предательства мир еще не знал.

Будучи предателем по своей натуре, он сколотил себе и такое же окружение из таких же перевертышей: А.Н. Яковлева, А.Собчака, Г.Попова, В.Бакатина, Э.Шеварднадзе и других. Эти люди известны у нас в стране своим лицемерием, лживостью проповедуемых идей.

Они много и долго твердили и продолжают твердить о крахе социализма, о несостоятельности самой социалистической идеи. Конечно, за годы перестройки социалистический уклад жизни так раскачали, так опошили, что у людей действительно появились сомнения и разочарования в нем. Но ведь за годы разрушений можно вызвать отторжение от любой идеи.

А потом, будем откровенны, мог ли социализм торжествовать, процветать и успешно шагать дальше, когда организаторами и руководителями его «построения» в стране на протяжении десятков лет были откровенные и скрытые его враги типа Горбачева, Ельцина, Шеварднадзе, Яковлева и других? Конечно, не мог.

В то же время мы хорошо помним возможности и достижения социализма. Что бы ни говорили, а страна была второй в мире. Имела самые надежные гарантии социальных прав людей. Шагала вперед так, что на Западе возникали чувства глубокой обеспокоенности, растерянности и определенного смятения.

В 1989 году, после назначения на должность начальника управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, я получил доступ к обширной информации о событиях в Союзе, в том числе и закрытого характера.

В управление усиленно стали поступать обращения граждан некоренной национальности, а также военнослужащих из Прибалтики. В них сообщалось о грубых нарушениях жилищных, трудовых прав. Такие обращения участились после принятия в 1990 году Литвой, Латвией и Эстонией деклараций о независимости, которыми приостанавливалось на их территории действие союзных законов.

Так называемые народные фронты, саюдисты, комитеты за освобождение и прочие сумели полностью взять под свой контроль средства массовой информации.

Антисоветскую кампанию поставили на широкую основу, в нее включились на государственном, правительственном уровне. В руководстве компартий республик, в законодательных и исполнительных структурах вызревало открытое предательство не только союзных идей, но и интересов собственного народа.

Однако вместо принятия решений шло заигрывание с сепаратистами. Более того, эмиссаром в Прибалтику Горбачевым был направлен А.Яковлев, человек, который, как я полагаю, никогда не был поборником союзной государственности, да и российской тоже. Известны его доклады по возвращении из поездок, суть которых в том, что в Прибалтике идут нормальные здоровые процессы и ни о каком выходе из Союза никто там не ведет серьезных разговоров. Его дезинформация в конечном итоге обернулась нарушением границы, территорий, забвением прав и свободы сотен тысяч проживающих там людей.

После августовских событий 1991 года в стране начался государственный переворот, весьма утонченный, весьма коварный и разрушительный. Горбачев и Ельцин взяли в нем на себя роль первых скрипок.

6 сентября 1991 года в средствах массовой информации промелькнуло сообщение о признании Государственным Советом СССР независимости Латвии, Литвы, Эстонии. Это произошло буквально на следующий день после окончания работы V внеочередного съезда народных депутатов СССР. И что еще примечательно, после того, как 5 сентября Буш заявил о признании независимости названных республик, Горбачев заторопился. Он не мог послушаться, отстать от американского президента, бывшего шефа ЦРУ, поэтому и подписал постановления ГС-1, ГС-2, ГС-3 о независимости республик.

При поступлении текстов постановлений к нам в управление я поручил их тщательно изучить и высказать суждение об их правомерности. Изучали несколько сотрудников, однако вывод у всех был однозначный — постановления не соответствуют Конституции СССР и Закону СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», принятому 3 апреля 1991 года.

В республиках Прибалтики не проводились референдумы по поводу выхода из СССР, они были подменены или опросом населения, или голосованием за независимость республик. Не был установлен и переходный период для рассмотрения всех спорных вопросов. Кроме того, Государственный Совет под руководством Горбачева М. С. превысил свои полномочия и принял решение по вопросу, относящемуся к компетенции Верховного Совета СССР.

4 ноября 1991 года я принял твердое решение о возбуждении уголовного дела в отношении Горбачева за измену Родине. Скажу сразу, что я не посвящал в это никого из своих сотрудников. Я знал, какой гнев, какой карающий меч может обрушиться после этого. Потому и решил все сделать сам, не подставляя под удар других.

Для наступления уголовной ответственности не всегда достаточно только лишь самого факта нарушения закона. Необходимы последствия в виде причинения существенного ущерба. Они были в то время и сейчас налицо: нанесен огромный ущерб суверенитету, территориальной целостности, государственной безопасности и обороноспособности страны. Кроме этого, было совершено откровенное предательство некоренного населения, ему причинен материальный и нравственный ущерб, за который тоже необходимо нести ответственность. В Прибалтике многих людей превратили в людей второго сорта, о которых, несмотря на свою клятву, за был президент.

Горбачев умышленно пошел на нарушение Конституции. Проекты постановлений готовились при непосредственном его участии. Он вынес их на рассмотрение Госсовета и участвовал в их обсуждении, да и сами решения скреплены его подписью.

Мог ли Горбачев поступить иначе? Конечно, мог и должен был это сделать. Он же не попытался даже разъяснить членам Госсовета то, что здесь допускается поправка Конституции. В конце концов, он мог восстать, отказаться участвовать в этой позорной, предательской сделке. И если уж говорить о преднамеренности поступков, то последующее поведение Горбачева ее подтверждает. Ведь по его указанию вско-

---

ре будут заключены дипломатические отношения СССР с Латвией, Литвой, Эстонией. Здесь он решения принимал единолично.

К сожалению, чаще всего о серьезных ошибках, глубоких просчетах и незаконии наших государственных лидеров, об их ответственности за нанесенный огромный неисчислимый ущерб обществу, народу мы начинаем говорить тогда, когда эти лидеры уходят в небытие. А надо ставить вопрос об ответственности при их жизни, чтобы хоть как-то избежать потерь или уменьшить их.

Вот почему я не только возбудил дело в отношении Горбачева, но и сделал его достоянием широкой гласности. К сожалению, расследование не состоялось по вине бывшего Генерального прокурора СССР Трубина. Но я глубоко убежден, пройдет не так уж много времени — и еще возбудят дело против Горбачева, его клики, нынешних российских разрушителей. Суд истории — само собой, но кроме него должен состояться правовой суд: за кровь и слезы русских, осетин, армян, азербайджанцев и других, за унижение и надругательство над некоренным населением в Молдове и Прибалтике, за утрату территорий, за развал экономики, за бедственное положение простого народа.

Горбачев ушел со своего поста, как он заявил, в силу сложившейся ситуации по принципиальным соображениям. Его заявление — верх лицемерия и цинизма. О каких принципиальных соображениях и идейных расхождениях можно вести речь, если их у него просто нет. Он ушел в силу того, что оказался ненужным, изжившим самого себя на посту государственного деятеля. Ушел один из предателей, время выгонит с исторической арены и других.

Испив всю горькую чашу до дна, мы, россияне, с тревогой смотрим в будущее своей страны. Россия повторяет многие пороки горбачевской перестройки. В первую очередь — слепое ориентирование на Запад, слепое копирование его схем, уклада жизни, без учета российской действительности, пресмыкание перед ним, что неизбежно приведет к раковой опухоли на теле нашего общественного организма.

По прошествии многих лет с момента возбуждения мною уголовного дела в отношении Горбачева меня нередко спрашивают: «Не ошибся ли я тогда и повторил бы свой шаг, если бы имел сейчас на то полномочия?»

Время, на мой взгляд, подтвердило мою правоту. Пространство бывшего СССР переполнено человеческим горем и страданиями, залито кровью и полыхает огнем национальных распрей и междоусобиц. Это всё плоды и последствия губи-

---

тельной горбачевской перестройки, подхваченной и продолженной авантюрным и бездарным политиком Б. Ельциным и его последователями.

И если я возбуждал уголовное дело только по одному эпизоду антиконституционных, преступных деяний Горбачева, то потом их выявлено множество, вполне конкретных, осязаемых и подпадающих под действие Уголовного кодекса.

Если говорить коротко, то это одностороннее уничтожение в 1987 году наших высокоточных и малоуязвимых оперативно-тактических ракет СС-23. Уничтожение состоялось в ущерб СССР на основании договоренностей, достигнутых между американцами и Горбачевым с Шеварднадзе. В 1990 году они передали США 51 тыс. кв. километров акватории в Беринговом море. В результате этого СССР потерял важный стратегический район, 10 процентов от всего улова ценных пород рыбы в стране. Само соглашение Горбачев и Шеварднадзе пытались скрыть от Верховного Совета СССР.

В апреле 1991 года Горбачев получил от бывшего президента Южной Кореи Ро Дэ У чек на сумму 100 тыс. американских долларов, которые были изъяты в августе 1991 года следователями прокуратуры при осмотре его кабинета в резиденции президента. Моя оценка — это не что иное, как взятка.

Перечень опасных деяний Горбачева можно было бы продолжить, однако и приведенных примеров вполне достаточно, чтобы оценить всю пагубность его правления. И не только пагубность правления, но и мерзость, бесстыдство самой личности Горбачева, давно утратившего способности к реальной оценке собственных поступков.

От редакции

В феврале этого года скоропостижно ушел из жизни известный прозаик, лауреат ряда литературных премий Евгений Николаевич Богданов. Незадолго до кончины он передал в редакцию нашего журнала рукопись своего нового романа «Расстрел», в котором проследил исторические параллели революционного хаоса XX века и горбачевской перестройки. К глубокому сожалению, роман выходит к читателям уже после смерти автора. Но мысли и чувства Евгения Богданова продолжают жить вместе с нами, запечатленные талантливym художественным словом.

РАССТРЕЛ

РОМАН-ДОЗНАНИЕ

Глава первая

1

Черти принесли гостя.

Первый порыв был такой: а не шел бы ты, Витя, в баню? Но в рассуждении надвигающегося безденежья вынужден был внимать раннему визитеру. Хотя и глаза еще не продрал, и того досаднее, не успел поправиться от популярного на Руси утреннего недомогания.

До пресловутой либерализации цен и мигом последовавшей инфляции, до обрушения книжных издательств, брошенных государством на произвол судьбы, до разграбления Литфонда его же собственными сотрудниками (а Фонд ссужал кое-какие деньги и оплачивал сто четыре дня в году по большичному), наконец до разрыва с женой Валерией, на сей раз, кажется, окончательного, с хлопаньем двери и мыканьем по чужим углам, — до всех этих катаклизмов визит коммерческого издателя не вызвал бы у Глеба Елахова никакой иной реак-

ПРОЗА

ции, кроме легкого удивления и последующего вежливого, но решительного отказа. Хватало ему и своих замыслов, притом, что каждый сюжет он возвращал в себе годами, а за перо брался, когда откладывать дальше становилось невозможно, как роженице роды.

А тут пожаловали с узкой конкретной темой, да еще и с жесткими сроками исполнения.

Визитер Виктор Дмитриевич Искорин, бывший сокашник по институту, смолоду кующий карьеру как активист-общественник, затем как комсомольский функционер, а ныне издатель-частник, был человек непьющий и некурящий, умеренный во всех смыслах. Утренний вид Елахова, его прибежище, стойкий сивушный запах — все это произвело на гостя удручающее впечатление.

Мостясь на краешке загвазданной красками табуретки, он озирался в поисках какого-нибудь опрятного уголка, где можно было бы остановить взгляд без риска оскорбить зрение.

Опрятные уголки на глаза ему не попались; жилищем Глеба Сергеевича Елахова была мастерская живописца Давыда Зыскина, абстракциониста, прозванного коллегами *Грязный Додя* за принципиальное отрицание всех и всяческих санитарных норм. Месяца три назад Додя укатил в Африку, не то в Уганду, не то в Нигерию, по приглашению вождя племени, большого любителя русского авангарда. От рождения не умывающиеся туземцы, по-видимому, пришлись Зыскину по душе, поскольку разделяли его гигиеническую доктрину, — во всяком случае, в ближайшее время в Москву он не собирался, о чем извещал в письме. Возможно также, что за то время, как шло письмо, художник был съеден в честь какой-нибудь красной племенной даты.

Просторная мастерская была устроена в двух уровнях; верхний уровень, небольшой по площади, куда вела сквозная деревянная лестница, назывался у Зыскина то полатами, то антресолями, в зависимости от душевного состояния. Та же часть, что была внизу, имела несколько наименований. Глеб знал лишь три: спальня, кают-компания, профилакторий или ЛНТП, то есть профилакторий лечебно-нетрудовой. Данную минуту это место выглядело именно нетрудовым, если судить по загаженному окурками, опивками и объедками круглому столу, по изжеванной постели, по не проспавшемуся, восседающему на ней писателю.

Два окна, забранные шторами-жалюзи, цедили полосатый свет на стопы холстов, рам, подрамников, на пыльные стены, на всевозможную глиняную, гипсовую и стеклянную

дребедень. В центре, посреди захламленного пяточка, сугулился долговязый мольберт с небольшим холстом. У Искорина это сооружение вызвало ассоциацию с приговоренным узником, которому связали за спиной руки и прикрепили к груди табличку с надписью «Государственный преступник». Или с какой иной, но в том же пенитенциарном духе.

Виктор Дмитриевич смигнул мимолетный образ, перевел глаза на обитателя этой свалки.

— Итак? — спросил он в ожидании ответа на только что сделанное предложение. — Что скажешь?

— Надо подумать... — Растрепанный ус писателя съехал в заросли бороды, выпятив седой кустик.

Вот уж и седина в бороде, а все недоросль, вздохнул издатель.

Кустик оказался перышком из подушки. Скосив глаз, Глеб вынул его, осмотрел, бережно положил на стол.

Речь шла о том, чтобы Глеб Елахов написал роман о последнем царствующем Романове для серии документально-художественных произведений, охватывающих историю романовской династии — от Ипатьевского Мураз-Четинского монастыря до особняка горного инженера Николая Николаевича Ипатьева в Екатеринбурге. В производстве уже находились первые книги серии: о Михаиле Федоровиче Романове, его некоторых потомках, в частности, обо всех трех Петрах; предполагалось использовать и дореволюционные, и эмигрантские публикации, и современный заказной новодел. Уже и реклама была запущена, и заказы первые поступали...

— Ну? Что решил?

— Десять тысяч. Мертвыми американскими президентами. Аванс десять процентов.

— Бог мой, куда катится эта страна... — Искорин повел острым плечом, что означало у него приступ негодования. — Елахов, ты ли это, бессребреник, рыцарь изящной словесности?!

— Жизнь дорожает, барин. Плюс галопирующая инфляция.

— Две тысячи и ни центом больше.

— За всё про всё?!

— Одну в качестве аванса. В рублевом эквиваленте. Вечно живым вождем мирового пролетариата.

— Хм...

— Елахов, ты и представить себе не можешь, сколько у меня накладных расходов!.. При переиздании — возможно! — доплату еще.

— Возможно?

— А может, нет.
— Это грабеж.
— Но послушай, ты просишь каких-то жалких десять процентов аванса, а я даю тебе сразу пятьдесят. В качестве предоплаты! Вдумайся.

Глеб вдумался.

— То есть так и так ты даешь тысячу?! Витёк, мне нравится твое чувство юмора!

— Мне тоже. Иди умойся, я пока оформлю официальное соглашение. У меня издательство, а не... — Искорин хотел сказать *а не частная лавочка*, но прикусил язык, сообразив, что его издательство как раз и есть частная лавочка.

— А не... *что?* — Не дождавшись сравнения, Глеб предложил подняться на антресоли. — Там найдешь бумагу и пишущую машинку.

— Благодарю покорно, все мое ношу с собой.

— Ну, как знаешь!

Вскоре из бокса послышались фырканы и плеск воды, затем оглушительный рев:

Жи-изнь не-во-мож-на!!! Повернуть назад?!

Ну и глотка, вздрогнул от неожиданности Искорин.

Но время, блин, на миг не остановишь!!!

Вынув из кейса договорные листы, Виктор Дмитриевич стал заполнять нужные графы аккуратными, каллиграфической красоты буквами. Ненадолго споткнулся на содержании заказываемого романа. С одной стороны хотелось обусловить его подробно, с другой — не хотелось и ограничивать авторскую фантазию: Елахов был силен именно неожиданностью художественных решений. В конце концов, оговорил лишь жанр: семейный роман из жизни последнего русского императора. Поразмысливши, дописал: «В историческом интерьере».

Елахов явился с расчесанной бородой, с лихо подкрученными усами, с идеально прямым пробором.

И совершенно наг.

Виктор Дмитриевич, невольно подивясь на его атлетическую фигуру, буркнул:

— Елахов, что за манеры?

Глеб извиняючись поклонился, прикрыл срам ладонями и взшел наверх, где сберегалась парадная его одежда.

— Кстати, Витя, — окликнул он гостя, — как насчет освежиться?

-
- Это ты о чем?
- О портвейне номер тридцать три.
- Упаси Господи. Где ты берешь эту гадость? Его уже сто лет как не производят.
- Купил по случаю у грузина.
- Тогда немного, пожалуй, можно...
- Поднявшись наверх, Искорин не удержался от невольного восхищения:
- Ну у тебя и здоровье... Ведь только что еле жив был.
- Глеб, облаченный в белый свитер крупной рельефной вязки, в черные джинсы, сидел, вальяжно заложив ногу на ногу, всем существом излучая свежесть и бодрость духа.
- Итак, я объявляю свое решение. Заказ... принят!
- А я и не сомневался. Вот договор. Подписывай.
- Глеб ослепительно улыбнулся; взяв ручку с письменного стола, поставил размашистую закорючку.
- И в расходном ордере. За предоплату.
- Глеб расписался и в расходном ордере.
- Осмотрев подпись, издатель проговорил задумчиво:
- Как бы мне не пролететь с тобой...
- Обижаешь, отец родной.
- Смотри же, не подведи! — Пригубив вино, действительно недурное, Искорин заговорил горячо, искренно, словно бы убеждал самого себя в успехе рискованного предприятия. — Понимаешь ты, народ хочет знать свою историю! Не по школьной программе и не от залпа «Авроры», а от истоков!
- Каких? От тетивы лука? Так про те времена порядком уже написано.
- Да, но в каком ключе? Нищая невежественная страна, вековой гнет и дикость. А вспомни толстовское про десятый век, когда была не свобода даже, а воля! Чувешь разницу?
- Твое здоровье, ленинский стипендиат! — Глеб опрокинул стакан в бородатый зев.
- При напоминании о ленинском стипендиатстве Искорин слегка поморщился, но смолчал. Спросил строго:
- Когда думаешь приступить к работе?
- Классик сказал: всякий шедевр есть изобретение по форме и открытие по содержанию! На то и другое необходимо время.
- И все же, когда?
- Как в материал войду. Я должен знать о предмете все. Ну, или почти все. Вообще-то, если бы не нужда, не взялся бы. Не умею я на заказ работать.
- Когда-то надо и начинать, — наставительно произнес Искорин. — Писанием для души нынче не проживешь.

Серьезное выражение на лице писателя вернуло ему уверенность: Глеб Елахов был тружеником, осилит. В чем можно было бы упрекнуть его, так это в маниакальном стремлении к совершенству.

2

Издательский дом «Контакт» Искорин построил на обломках столичной «Литеры», издательства, учрежденного в агонии перестройки. Учреждали для писателей Москвы и Московской области: их насчитывалось до двух тысяч. Назначенный в «Литеру» главным должностным лицом, Искорин на всякий случай подстраховался, зарегистрировав несколько дочерних фирм, в необходимости которых легко убедил не смыслящее в коммерции руководство, и разбросал по ним основные фонды. Дальнейшее было делом техники. Спровоцировав учредителей и кураторов на конфликт (что было отнюдь не сложно, учитывая амбиции и тех, и других) хлопнул по столу заявлением об уходе. А вскоре, согнав средства из филиалов в единый адрес, уже оформлял лицензию на «Контакт». Не без взяток, банкетов и обещаний ему удалось выбить бесхозный особнячок, где и поместилось вновь образованное ТОО. В правление вошли наиболее преданные сотрудники из несчастной «Литеры» и главы фирмочек, отмежевавшиеся от нее в знак солидарности с бескомпромиссным руководителем. Двухтысячный отряд писателей московского региона остался с носом. Фигурально — с носом председателя творческого союза.

Точно таким же носом, с такими же сизыми, узорными капиллярами, обладал и коммерческий директор «Контакта» Цвиллинг, без подсказок которого финансовый трюк Искорина вряд ли был бы осуществим.

Бывший бухгалтер Совмина (полное имя Арон-Лейба-Шмуль-Борух Гершевич), помимо недюжинного коммерческого таланта, сочетал в себе еще два, казалось бы, несовместимых качества: был завзятый иудаист и запойный пьяница. Искорину импонировали лишь его деловые качества; в остальном они расходились диаметрально. Если пьяница Арон Гершевич, сохранив членство в КПСС, был поборником мировой кибуцы, то трезвенник-атеист Искорин ратовал за общинно-былинное государственное устройство. Из КПСС он вышел следом за многими, вложив в заявление о выходе всю желчь, накопившуюся за годы принудительного оброка, — оброком и ничем иным считал он членские, в твердом проценте взносы, удерживаемые с любого заработка. Более всего раздражало правило, по которому взносы взимались не с

реальной суммы, получаемой на руки, а с первоначальной, до вычета всех налогов. В заявлении о выходе из партии написал: «Прошу приостановить мое членство в КПСС до полного и окончательного построения коммунизма».

Подъехав к офису, Виктор Дмитриевич бросил машину на попечение охранника, хозяйским взором обласкал аккуратный, чисто прибранный дворик, сверкающие медью дверные ручки и прошел к себе. Кабинет его был не велик и не мал, но именно того размера, каковой требовался для работы. Мебель строго функциональна — ничего лишнего. И никакого предбанника с длинноногими секретаршами: всяк знал свой угол и свое дело.

Первым он вызвонил по интеркому Арона Гершевича.

Игриво, слегка расслабленно осведомился, услышав хриплое «да»:

— Господин Цвиллинг?

— Товарищ Цвиллинг! — прорыдал динамик. — Жил товарищем и умру товарищем!

Так, начинается, дернул плечом Искорин. С раздражением, встав из кресла, отправился к коммерческому директору.

Старик занимал комнату-пенал в ширину окна; на обеих длинных стенах висели портреты Генеральных секретарей. На полу под окном, на красном плюшевом коврике сумрачно белел парковый бюст Владимира Ильича.

— Арон, какого рожна... — начал было Искорин и онемел, не окончив фразы.

Арон Гершевич стоял на коленях перед гипсовым изваянием, обнявши его за горло и орошая слезами и поцелуями:

— Прости, Ильич, не сберегли, просрали твое наследие...

— Ну, это уже фетишизм, Арон! Опять приглашать нарколога? Или на этот раз психиатра-сексопатолога?

— Витька-а... — промычал Цвиллинг в сердечной муке, — зачем ты разрушил КПСС?

— Черт знает что... — плюнул в сердцах Искорин.

Цвиллинг нанес святыне поцелуй в темечко, в родничок, и восстал с колен.

— Знаешь ли ты, какой день сегодня?

— Ветреный и сырой. Довольно гнусный.

— Сегодня Ильич приехал в Питер из эмиграции!

— Лучше б не приезжал.

— Не издеваться над чувством верующих!

— Все ясно, — мрачно сказал Искорин.

— Я сказал: стоять! Пришел факс из Новосибирска. Скупают на корню первые два тома из царской серии.

— И ты молчал?!

— Я не молчал. Я пел «Интернационал».

— Арон! Сейчас тебя отвезут домой, поставят капельницу. Чтобы завтра к десяти ноль-ноль был как стеклышко!

Распорядившись об отрезвлении коммерческого директора, Искорин заглянул к бухгалтеру. Передал елаховский договор.

— А этот косарь вы ему из своих выдали? — сметливо спросил бухгалтер, разглядывая незамысловатую подпись Глеба.

— Без комментс. — Объяснять свои действия подчиненным Искорин не считал нужным.

3

Дела-делишки, помянутые Глебом при расставании с работодателем, были тоже книжные, связанные с издательством госбюджетным, которое еще как-то пыталось выжить. Скользкий путь финансовых спекуляций, на который оно ступило, привел к массовому увольнению сотрудников, к производственной чехарде и к надвигающемуся банкротству. Книжку нужно было успеть выпустить, пока это орденонное, головное в стране предприятие не рухнуло окончательно.

Едва Глеб поднялся в редакцию художественной литературы, как на него немедленно накинулись с требованием аннотации.

— Но я же давал аннотацию! — возмутился он.

— Глеб Сергеевич, не будем терять время на пререкания! И без того придется отправлять досылком!

— Да где же старая-то аннотация?!

— Ее забраковали книготорговцы. Еще на той неделе!

— Так позвонили бы!

— Звонили; ваша супруга сказала, что вас нет и никогда не будет.

Ну, Лерка, ну, змея, разозлился он, ведь знает же телефон Зыскина!

— Хорошо, сейчас я вам ее напишу, — сказал он, пристраиваясь на подоконнике с авторучкой и листом бумаги.

Пока аннотацию таскали со стола на стол, позвонили из типографии: в оригинале недостает четырех страниц — с сорок первой по сорок пятую. Пришлось восстанавливать их по памяти.

Уже в белом калении он поехал в Литфонд выкупать путевку в Ялту, в Дом творчества. Этой путевкой ему морочили голову с января.

И вот выяснилось, что одноместных номеров нет. В порядке неслыханного одолжения выписали полулюкс. Лягнув за собою дверь, Глеб поехал на Сретенку замиратья с Леркой.

Собственно, поехал не ради замирения, а за версткой повести, которую, как сообщили в редакции журнала, ему выслали на домашний адрес. Кроме того, нужно было порыться в своих бумагах, отобрать что-нибудь подходящее для романа.

Замирение с ходу перешло в выяснение отношений:

— Елахов! Мы, кажется, договорились, подшофе ты не появляешься! А от тебя разит!

— Не так, Валерия, не так! Вот как надо: эй, паразит, чем от тебя разит?

— О-о-о...

Не дожидаясь традиционной сцены, Глеб попросту улизнул с книгами, с дневниками, а главное, с долгожданной версткой. Ее велено было вернуть в редакцию не позднее пятницы, а уже началась среда, надо было поторопиться. В мастерской Зыскина он поднялся наверх, на антресоли — всего лишь полистать, полюбоваться полиграфическим воплощением своего труда, да так и просидел всю ночь, переживая авторский одинокий энтузиазм. К пятнице он разгреб все свои дела и вечером уже чаевничал в купе скорого поезда.

В Симферополе его встретили, причем в микроавтобусе ждал уже и попутчик, старый поэт-песенник Юнковский Михаил Владимирович, владелец знаменитой в литературных кругах никелированной, с золотым медальоном фляжки. В дружеской, подогретой спиртным беседе старик высказал пожелание, чтобы при нужде Глеб непременно рассчитывал на его консультацию по кое-каким древним генеалогиям, — понеже он есмь потомок князя. Пусть и монгольской крови, Мурзы-хана Джунка, приехавшего в Московию еще при царе Василии, батюшке Иоанна Грозного, и что родословное древо собственно Михаила Владимировича прослеживается аж с XVII столетия. Совсем нескучно они скоротали путь и даже несколько огорчились, когда молчаливый шофер объявил:

— Приехали.

— Как, уже?! — всполошился старик с досадой.

— Увы, ваша светлость, — подтвердил водитель.

— Тогда сделай еще кружок! — приказал поэт.

Глава вторая

1

Где бы и на какой бы срок ни поселялся Глеб, будь это Дом творчества, гостиничный номер или палата в писательской ведомственной больнице (исключение составляла лишь студия Доди Зыскина), всюду свое пребывание он начинал с

мебели: упорно двигал ее из угла в угол, добиваясь оптимального соотношения света с поверхностью письменного стола. Второй задачей, которую он себе ставил, было расширение жизненного пространства. Эта задача решалась почти всегда при переносе кровати к стенке; по разумению администрации, кровать как пик человеческого существования ставится всегда посередине комнаты. Третий принцип был — ничего лишнего. Порядок освобождает мысль, — к этой истине он безуспешно пытался приобщить и Додю, запретившего перемещать у себя что-либо хотя бы на миллиметр. Здесь, в ялтинском Доме творчества, в новом корпусе, войдя в свой номер, он с удивлением обнаружил, что переставлять ничего не надо, все стоит на своих местах в соответствии с замыслом мозговитого архитектора. Отсутствие банного полотенца и папильфакса от архитектора не зависело, — все это, вероятно, переместилось в квартиры обслуживающего персонала. Тем более не зависела от него и пища, скудная и безвкусная, подаваемая жизнерадостными официантками на обед и ужин (завтракать Глеб не ходил вообще). Не зависели также и прочие неудобства, списываемые дирекцией на издержки недавнего новоселья и обустройства. Корпус функционировал уже третий (последний для *москалей*) сезон, а отделочные работы все еще продолжались. На цокольном этаже не действовала сантехника, и вода из раковин вытекала на пол, образуя не высыхающее озерко, — что не могло не вселять оптимизма относительно запасов пресной воды в Крыму. Кучи строительного мусора, вид на которые открывался из окон Глеба, уже поросли кустами и выглядели естественным продолжением Крымских гор.

Обследуя номер придирчиво и педантично, Глеб нашел, что в платяном шкафу неплотно доходит дверца, и, выщелкнув из ножа отвертку, подтянул шарниры.

Аскетизм черно-белой мебели пришелся ему по вкусу, и он опять мысленно похвалил умницу архитектора. Вот только кресло было чуточку низковато. Не поленился, сходил на рабочий двор, нашел четыре пробки от бутылок из-под шампанского, насадил на ножки. Сел, примериваясь к столу, — как раз. К черной полировке столешницы, чмокнув четырьмя присосками, прильнула импортная пишущая машинка «Колибри».

Распаковав багаж, он развесил одежду, разобрал туалетные принадлежности. В дорожном его наборе имелся не только дезодорант, но и освежитель воздуха. Кипятильник, джез-ву, кофе он пристроил на холодильник, в *зону пищеварения*, сигаретные пачки выложил на батарее за тюлевой шторой — для подсушки.

Теперь предстояло, не нарушая третьего принципа, достаточно распределить архив, записные книжки и справочную литературу. Почти все поместилось в тумбах письменного стола и в шкафу для посуды. Сама же посуда украшала, по видимому, домашние серванты обслуживающего персонала.

В одной из папок хранились частные документы начала XX века — стопроцентные реалии действительности, которую Глеб собирался реконструировать. Изучая их под углом своего замысла, он отметил, что дореволюционный канцелярит, в сущности, мало в чем отличается от советского: практически один корневой состав, весьма похожие формулировки, в частности юридические. Видать, назначение канцелярита как государственного инструмента для обезличивания человека — незыблемо при любой власти. Поразмышляв об этом, философ продолжил приготовления. В дело пошли стеклянные дверцы шкафа. Скотчем он приклеил, как в рамы вставил, две литографии семьи Романовых; ниже — купчую некоего тобольского иерея и его страхового Полись, заверяющий, что «Правление Общества Взаимного Страхования Отъ Огня приняло на свой страхъ Селютина Сергія Фіодоровича домъ деревянный, крытый железомъ, въ сумме Одна тысяча рублей. Сльдуція по сему Полису премія и прочий сборъ въ сумме Шестнадцати рублей Двадцати осьми копеекъ получены. За убытокъ могущаго произойти возгоранія и пожара Общество обязуется отвечать согласно Устава, утвержденного гь. Министромъ Внутреннихъ Дель 10 іюля 1883 года, и договора съ Бюро Россійскаго Союза городскихъ Обществъ взаимнаго страхования. 11 февраля 1913 года оный документъ подписали: Председатель Правленія Рукосуевъ, Члены Правленія Буркинъ и Голубцовъ, а также делопроизводитель Витиеватыхъ, каковой проставилъ номеръ и приложилъ печать».

Далее, предположил Глеб, как с оформлением документа было покончено, делопроизводитель, доводившийся иерею зятем, мог позволить себе тонкую, с политическим обиняком остроту: «Теперь, папаша, не страшно будетъ брать на постой опальныхъ-то?» — «Опальныхъ опалило, бояться ихъ боле нечего. Но вотъ почто ты ребятишекъ къ намъ не приводишь? Карповна моя, чай, вся изныла по внучикамъ.» — «Помилуйте, папаша, стужа лютая, съ Рожества дерётъ!» — «Оно такъ, а всё же...» — «Богъ дастъ, на праздники ужо приведу, и маменьке то же сказывайте». — «Въ праздники меня не будетъ — в Нырбе буду праздновать». — «Да что вы-сь?!» Иерей горделиво приподнял бровь: «Ото всего клира на меня единого жребій палъ. Оно и хлопотно, и путь не ближній, и

года немолоденькя. Да ужъ праздник-то больно чувствительный, храни Господь Ихъ Величества и Высочества». — «Завидую!.. Счастливыи путь, батюшка, гладкая дорожка». — «Спасібочки, сын милый».

Дальше возможно так: уговорившись по возвращении Сергея Федоровича посидеть близким кругом у самовара, они простились — делопроизводитель с почтением на бритой физиономии, священнослужитель с полисом в рукаве шубы.

Что же до праздника, всенародно отмечаемого 300-летия Дома Романовых, то депутацию для проведения его в селе Ныробе Чердынского уезда Пермской губернии (куда наладился иерей Селютин) возглавил управляющий Пермской казенной палатой, действительный статский советник и, стало быть, генерал, милейший Николай Александрович Ордовский-Танаевский. Совокупно с ним в санном поезде мчались соликамский архимандрит игумен Хрисанф, благочинный священник отец Василий (Серебренников), представитель служилого сословия Ефим Калугин, сопровождаемые полицейскими и прислугой. На восьмой день пути, ввечеру 19 февраля, экипажи прибыли на конечный пункт. Ныробцы встретили гостей бенгальским огнем и факельным ходом, громким *ура*. Тут уместно, прикинул Глеб, процитировать барона Людвига Ивановича Зедделера. Процитировал: «*Ура* есть боевой кличь русскихъ, им одним свойственный, радостный при встрече царя и военачальниковъ, грозный в сражении, когда русские идут бить врага и водружать знамена на его позицияхъ; съ криком *ура* они поступаютъ въ службу и съ нимъ же выпускаютъ духъ».

Последующим утром под колокольный звон всё местное человечество потекло в церковь. Там в присутствии почетной депутации от городов и весей были отслужены по чину часы, после коих игумен Хрисанф произнес задушевное слово, поведав о праведной жизни и праведнической смерти сосланного в Чердынь дяди первого государя из рода Романовых — боярина Михаила.

— Братья и сестры мои возлюбленные! Три века назад, — напомнил прихожанам о. Хрисанф, — Борис Годунов совершил небывалое каверзное злодейство. Опасаясь авторитета благочестивых братьев Романовых, задумал их извести под корень. С таковым умыслом вступил он в преступный союз с холопом одного из братьев, а именно с казначеем боярина Александра Никитича. Имени богомерзкого раба называть не будем, дабы не осквернять наше светлое поминание. И вот он, не называемый нами иуда-искариот, подкладывает в сундук с личной казной боярина Александра Никитича коренья

преядовитые, припасенные якобы Александром Никитичем для отравления Годунова. Прискочившие сей же час стражники, наущённые где и чего искать, моментально обнаруживают отраву. И тогда Годунов подвергает братьев с их женами, детьми и слугами неслыханным репрессалиям, как то: пытки, кандалы, темницы, а кому виселицу и плаху... Но недолго радовался злодей! Небесный Судия наложил на него вечное клеймо Каина, а братьев Романовых наградил неувядаемыми венцами славы! Того паче, Господь своим промыслом спас отрока Михаила, названного сим именем в честь его дядюшки и нашего чердынского страдальца. Уберег сердешного от погибели, даровав ему Род и стезю Царскую!..

Были помянуты также и предки славной династии: приехавший «из прусс» Гланда-Камбила Дивонович (в крещении Иван Кобыла), Андрей Иванович Кобыла, Федор Андреевич Кошка, Иван Федорович Кошкин, Захарий Иванович Кошкин, Юрий Захарьевич Захарьев-Юрьев, Роман Юрьевич Захарьин-Романов. Никита Романович Романов, Федор Никитич Романов — он же Патриарх Филарет и родитель первого цесаря чествуемой династии. Выслушав слово пастырское, в предшестве тридцати венков и носилок с цепями мученика Михаила, чердынцы потекли к часовне, упокоившей благолепный прах. Под пение небольшого, но слаженного хора инокинь, при поддержке двух опытных детских хоров, пред часовней началась панихида по всем упочившим в Бозе царям Романовым.

Как только последний звук отлетел к небу, на крыльцо взошел генерал Ордовский-Танаевский; прикрепив пенсне к лицу, вынул из-за борта шинели бумажный свиток. (Нет, забраковал мизансцену Глеб, пусть выступит без шпаргалки, а то как-то совсем по-нашенски.) Итак, его превосходительство вышел к публике без фуражки, затянутый в жесткий корсет шинели:

— Ваши преподобия пастыри духовные! И вы, жители исторической слободы! Только что мы слышали слово о том, как триста лет назад принял смерть боярин Михаил Никитич! Только что мы вознесли молитву об упокоении и приобщении его к жизни вечной. В земном его бытие, в этой юдоли слез, жители Ныроба с риском для живота своего облегчали его страдания, чем и как могли. Затем славные их потомки оградили и освятили яму узилищную, воздвигнув на ее месте сначала деревянную, а затем и эту каменную часовню. За триста лет под скипетром Дома Романовых... (Здесь голос сановника преткнулся)... мученичество Михаила стало известно не токмо по всей Руси, но и далеко за ее кордонами. И

вот сегодня из всех уголков Отечества, даже из далекого Приамурья, приехали к нам уполномоченные представители, дабы воздать должное памяти страстотерпца! Призываю вас к минуте молчания.

Гробовая тишина бросила присутствующих на колени.

По прошествии минуты Николай Александрович, взяв без разбега высокую ноту, продолжил речь:

— Хочу также пережить с вами другое, теперь уже радостное воспоминание! Это воспоминание о трех столетиях достославной Семьи Романовых! Ура.

— Ур-р-р-р-а-а-а... — грянула ликующая толпа.

— А сейчас приступим к торжественной части празднования! (Закрыв глаза, Глеб представил явственно, как Ордовский насаживает на голову фуражку, как вскидывает руку к седеющему виску.) Приказываю... возложить венки!

Венки укладывали под игру духовых оркестров. На музоровых черных лентах вилось письмо: «Михаилу Никитичу Романову — от народов Урала, Западной и Восточной Азии»; «Кроткому страдалцу — русскія женщины»; «Мученику Михайле — арестанты Чердынского острога». И были еще венки и букеты от конвойных команд (не отставать же, право, от арестантов), от Общества семейственных вечеров, от причта и старосты Никольской церкви, от Тобольской соседствующей губернии (возложил иерей Селютин), от атамана Амурского казачьего войска генерала Валуева, а также лично от загадочного господина Шкиндера.

К Ордовскому склонился председатель уезда Громбек:

— Ваше превосходительство, позвольте зачитать оду?

— Весьма обяжете, — отвечал поощрительно генерал.

Слушая доморощенного сочинителя, он обдумывал способ, каковым известить государя о проведенных им, Ордовским-Танаевским, Ныробских Чтений. Из чехарды горячих сумбурных слов постепенно стала складываться телеграмма на августейший адрес: «Ваше Императорское Величество! Триста лет назад в Ныробе страдал и приял мученический венец досточтимейший из Ваших предков... В твердой уверенности, что Господь наш ввел Его в сонм святых, мы, с верою подданные рабы Ваши... отворили паломничество к месту Его страдания и кончины... Пускай же крепнет и ширится могущество государства нашего под державной короной Дома Романовых... В день всеобщего народного ликования повергаем к стопам Вашим единое пожелание: да здравствуете Вы, Великий Государь наш... и прочая и прочая и прочая». Вряд ли генералом двигали только карьерные соображения. Николай получал тысячи телеграмм юбилейного со-

---

держания, и телеграмма из Чердыни наверняка потонула среди других; так что наивно было бы рассчитывать на прибыльный результат. Но что примечательно: через два года (очевидно, за заслуги в деле о канонизации святителя Иоанна Тобольского) господин Ордовский-Танаевский, управляющий Пермской Палатой по налогам и сборам, был назначен управлять губернией. Да не какой-нибудь там карманной, а Тобольской, простирающейся на всю Западную Сибирь — от белых водоплавающих медведей до киргиз-кайсацких степных сурков.

2

В те же самые дни Трехсотлетие династии отмечалось, разумеется, и в Тобольске. При въезде в город была воздвигнута ледяная арка, увитая гирляндами из еловых веток. Такие же врата выросли по обеим сторонам Большой Пятницкой и у всех трех Взвозов. Губернаторский дом, храмы, кремль сияли гербами, на которых было начертано «1613—1913». Фирма «Ивань Смирнов» выставила новинку — рябину на коньяке. На бутылочных этикетках чокались рюмками, как бы протягивая друг другу руки через столетия, тучный бородач в боярской меховой шапке и хлыщеватый, пиджачного типа молодой человек с усиками, олицетворяющий новейшее поколение. Над ними, на кольеретке — те же праздничные цифры. Газета «Сибирский листокъ» извещала граждан, что в меховом салоне Л.Е. Перочинского продаются памятные медали. Электротheater «Модернь» демонстрировал кадры Люмиера, отснятые при коронации Николая и Александры, тогда же августейшей четой просмотренные и одобренные.

А в доме, что занимал у иерея Селютина ссыльный маркист — ветеринарный врач Дуновенский Артемий Павлович, участились вечерние посиделки. Агенты, ведущие за ним негласное наблюдение, жаловались начальству на не в меру радушного арендатора, часами вынуждающего торчать на холоде. Гости обыкновенно собирались под вечер, усаживались за стол — это было видно с улицы очень хорошо — и засиживались далеко за полночь.

Более всего филёров раздражали пространные тосты; мнилось, из рюмок уже и дух выветрился, а собутыльники всё фе-фе да фе-фе.

Пьющий агент Раков, глядя на эту бестолочь, глотал слюну: «Ну-ну-ну же! Пейте же, выдыхается!!!» Наконец рюмки опорожнялись.

Тосты по ту сторону окон не совсем отвечали историческому моменту. Формально — да, по содержанию — вовсе на-

---

оборот: состоятельный квартирант проводил семинар по обличению царствующей династии.

— Итак, товарищи, вот мы и подошли к нынешнему самодержцу. Чем же запомнится его правление?

Глеб попридержал оратора, чтобы записать, что представляли собой собравшиеся крамольники. Вот сквозь мутные линзы десятилетий показался организатор сходки Артемий Павлович. Экс-дворянин, мелколиц, востронос, с густыми кустистыми бровями. Сходство с ежиком усиливает прическа-бобрик. Хотя и при бабочке, но в домашней атласной куртке. А кто сидит на отшибе? Степан Заборов. Из рабочей семьи, самоучка. Крутолоб, с залысинами и нечистой бугристой кожей. Одет в косоворотку, простые штаны навывпуск. Большевик и, кажется, здесь единственный. Остальные либо меньшевики, либо эсеры, либо просто сочувствующие. Далее сидит Майстриук. Угрюмый хохол, рубщик мяса в казенном доме. Коренаст, присадист, маленькие глазки и тяжёлый взгляд любителя бычьей крови. Еще один важный поборник социальных преобразований — Поцелуев Антон Минаевич. Дворянин из мелкопоместных. Этот как земский служащий — в сюртуке с галстуком. Страдает излишним весом, потлив, одышлив. Самуил Цвиллинг, местный уроженец. Из молодых да ранних. Сословная принадлежность темная. В шестнадцать лет успел поучаствовать в революции Девяťсот пятого, приговорен к смертной казни, по малолетию пощажён. Отсидев пять лет, выслан в родной Тобольск. В гражданскую войну прославился на Урале неслыханной жестокостью и фанатизмом. Ефим Смакотин, бомбист... Человечек хилый, болезненно честолюбивый. Сын прачки и спившегося портного. Так, кто еще не охвачен? Ах да, господа семинаристы и гимназисты, этих набилось до полудюжины.

— ...Итак, император Николай Кровавый. Чем запомнится его правление? Ходынкoй, японским позорищем, Гапониадой. — Дуновенский свел брови в единый куст, подвигал хоботком носика, словно принюхивался к лесной опушке. — Противу сказанному, а скорее вследствие сказанного, предлагаю здравицу нашему императору!

Самуил Цвиллинг вопросительно вскинул курчавую бороденку, тугодум Майстриук прищурил глаз до размеров мухи, большевик Заборов едва не подавился куриной косточкой. Земец Поцелуев, напротив, подмигнул докладчику, догадываясь, куда тот клонит. Молодежь, не догадываясь, возроптала.

— А вот выпью и объясню. — И Артемий Павлович выпил с видимым аппетитом. Закусив рыбкой, приступил к разьяс-

---

нению своего госта. — Николай Второй есть самый темный из всех предшествующих ему монархов. Разве что в таком вот захолустье, как наш хиреющий городишко, можно, пожалуй, встретить подобную ему личность. Посудите сами! Вместо веры и религии — грубое суеверие, спиритизм, церковные маскарады...

Постойте, господин марксист, о чем вы, встрепенувшись от размышлений, искренне возмущился Глеб. Николай был глубоко набожный человек, и тому есть неисчислимое множество подтверждений. Существуют свидетельства известных церковных деятелей. Взять хотя бы такое: когда в обществе громко заговорили о восстановлении патриаршества (1905 г.), упраздненного Петром Первым, на встрече с Синодом Николай сам поднял этот вопрос, заявив, что вполне разделяет чаяния общественности: «Ныне как никогда я понимаю, *что* значит патриаршество для сплочения нашей Родины». — «Но, Ваше Величество, кого же рукополагать, где взять достойного кандидата?» — «Он пред вами. По соглашению с императрицей я оставлю Престол моему сыну. Она и брат мой Михаил станут регентами до его совершеннолетия. Я же приму постриг и священный сан». Повисла пауза; сановные слуги царя небесного в смущении отмолчались, унизив тем самым царя земного. Их молчание, в общем-то, было красноречивее всяких слов: избрание Предстоятеля лишало их материальной власти над приходами и монастырями. Как собственно и вышло через двенадцать лет, когда институт патриаршества был воссоздан, а Синод распущен. Что же касается *Ходынки* и *японского поражения*, господин коновал, то и тут вы глубоко не правы, ибо не вполне владеете информацией!..

— ...Наряду с этим у места будет сказать о полном непонимании Николая творимой им же самим истории. Просто какая-то безнадежная душевная глухота! Словом, типичный чеховский обыватель и более ничего-с! — вновь представил Глеб речь Дуновенского.

— Пожалуй, по характеру наш предмет, — одышливо вставил Антон Минаевич Поцелуев, — ближе к гоголевскому Манилову. Ежели вообразить Манилова, заболевшего ипохондрией.

Цвиллинг, поддержанный затем всей компанией, поспешно захохотал. Ни Гоголя, ни Чехова он не читывал, но стороной слышал, что писали они смешно, — таки надобно хохотать.

— Ну, не суть важно, — сказал Дуновенский, берясь за штоф. — По натуре Николай отнюдь не изверг и не злодей.

Нет, это тихий семьянин, большой любитель фотографирования и физических упражнений. Он даже по-своему симпатичен... в том смысле, в каком этот эпитет применим к человеку не холодному и не горячему, не особо преступному и не очень-то добродетельному, не слишком умному, но и не глупому, не ангельски кроткому и не дьявольски бессердечному. Просто, знаете ли, образчик милой обывательской сединки!..

В этом месте Глеб закусил губу, однако разглагольствований ветеринара перечеркивать не стал, следуя принципу плюрализма.

— ...Но на свое несчастье он дал себе труд родиться наследником огромной империи, притом в эпоху, когда, понимаете ли...

— Будь ласка, — нетерпеливо сказал Майстрюк, теребя кисточки-завязки на рубахе с вышивкой, — ближе к делу!

— Пожалуйста! Введением конституции и парламента царизм мог бы связать себя с буржуазией и таким образом продлить свое существование. Но, к счастью для нас, Николай упрям и не пошел на демократические реформы, тем самым взрыхлив почву для семян будущей революции. И в этом его неопенимая услуга нашему делу!

Собрание потянулось чокаться, оживилось, заговорило.

— ...Ну а Алиса, эта импортированная царица, ничуть не ярче своего супруга. Всеми конечностями цепляется за придуманную ею же лубочную Русь с пейзажами и сарафанными девками, чем успешно расшатывает столыпинскую новую государственность... за что ей также низкий поклон! — Артемий Павлович, коротко поклонившись, подергал носом (так ежик обнюхивает червивую сыроежку). — Императрица Александра Федоровна, в девичестве Алиса Виктория Бригитта Луиза Беатриса принцесса Гессен-Дармштадская, не то чтоб слаба умом, но в силу немецкого происхождения — совершенный мистик, во всяком случае, обнаруживает все признаки умственного расстройства на этой почве. Вот ее близкое окружение: поначалу киевские слепые монахини, затем дурачок Митя Попов из Козельска, далее французик-целитель, так называемый святой Филипп. Николай было удостоил его степенью доктора медицины, да вмешалась Военно-медицинская академия. Навела справки и обнаружила, что у месье Вашо никакого образования нет вообще и что у себя в Лионе он подвизался в качестве подмастерья у мясника, затем появляется Маша Диевская, юродивая из обители близ Сарова, и наконец наш покровский мужик Распутин... Всё это почерпнуто мною из поврежденной прессы и,

---

уверен, для вас новостью не является. Но сам факт пребывания Распутина у Престола, да чуть ли не в царской опочивальне... Сие говорит о многом!

— Чем грязней, чем поганей окружение Николая, тем нам больше на руку, — высказался большевик Заборов и для наглядности сжал кулак.

Самая пора настала Заборову вставить слово:

— Сегодня мы получили предписание Центрального Комитета. Распутина негласно опекать и оберегать. Ильич не исключает и прямого контакта с ним для использования против царствующей четы. И даже более: против всей династии. Понятно, втемную.

— Це як?

— А чтобы сам не знал, что действует в наших интересах! То есть, как ты говоришь, калял Романовых в хвост и в гриву.

Артемий Павлович Дуновенский, будучи теоретиком, чуврался всякой практической деятельности, по возможности избегал ее, в особенности после ареста и высылки из столицы. Поэтому поспешил вернуть разговор в привычное, уютное поле политического просвещения:

— Однако давайте подведем итоги нашему заседанию.

— Так сказать, намотаем услышанное на ус! — поддержал его Поцелуев, также политический сибарит.

Самуил Цвиллинг проворчал с досадой:

— Только и делаем, что подытоживаем да на ус мотаем...

— На твой немного и намотаешь, — ехидно заметил Ефим Смакотин, и это была его первая дошедшая до всех реплика. (Не забыть бы, пометил на полях Глеб: этот тип постоянно грызет ногти, как и кумир его, революционный упырь Нечаев.)

— А у тебя вообще ничего не растет! — огрызнулся Цвиллинг.

— Подведем итоги! — с нажимом повторил докладчик. — Итак, Александр Первый, фигурально говоря, был неудавшийся декабрист; братец его Николай Первый, он же Николай Палкин, как мы установили, — прирожденный жандарм; Александр Второй — мягкотелый либерал сороковых годов, напуганный радикализмом шестидесятников; Александр Третий — заурядный земский начальник. Ростом почти с Петра, по интеллекту же более близок, пожалуй, к другому великану — Собакевичу из «Мертвых душ». Наш государь по сравнению с ними ну просто душка. Воспитан, начитан, с англазированных привычками, спортсмен и фотографист. Надо однако помнить, что ни один царь, даже такой патологический изувер, как Иван Грозный, не стоил России столько народной крови, сколько им уже пролито и сколько еще прольется...

Бомбист Смакотин прервал его исторические пассажи, вызывая сплюнув кусочек ногтя:

— Пора бы уж вместо всей этой болтовни перейти к делу! Кто там к окошку ближе, задерните наконец штору!

Штору задвинула худосочная, с костлявым тазом девица Ищкина, ремингтон-машинистка, — к негодованию мерзнущего под окном агента. Смакотин же извлек из кармана тряпичный сверток и развернул. На ладонь выкатилась бомба — слегка приплюснутая, как репка.

— Вот эта штука разнесет любого тирана в клочья!

— Фима, вы держали *это* при себе весь вечер? — побледнел хозяин. Прочие отшатнулись.

— Да, а что? Правда, похоже на табакерку?

— Ну, знаете! Впредь ко мне с подобными табакерками не ходить!

— Наше главное оружие на сегодня, — качнул брылями Поцелуев, — это политическое просвещение! Надо вовлекать в наш кружок как можно больше честных людей — интеллигенцию, ремесленников, мелких торговцев и так далее. И вооружать знаниями...

Заборов проговорил веско:

— Рабочих, рабочих вовлекать надо! И студентов. Мелкие и прочие торговцы нам не товарищи.

Цвиллинг, подрабатывающий у брата, торговца нитками-мулине, обиделся:

— Чем тебе не угодили пролетарии от коммерции?

— Тем, что жулики. Взять хотя бы твоего братца Моню.

— Мой Моня — жулик?!

— А то кто ж! Вчера опять обсчитал мою хозяйку на пять копеек!

Поцелуев, дабы предотвратить конфликт, попросил немедленно налить в бокалы. В комнате опять возникло веселое оживление; зазвучал смех, зазвенели рюмки. Сходка, кажется, удалась.

3

Агент Раков, возвращаясь в участок на одеревенелых ногах, ругался:

— Политические... Раньше политические были люди как люди, твердые, обстоятельные... А эти? Пьянь!

Навстречу ему шла ватага подгулявших мастеровых. Бережась, шпик попятился от греха в тень, ан нет, заметили, загоготали радостно, окружили. В расстегнутых полушубках, в шапках набекрень, жаркие от вина, под-

---

хватили, воткнули башкой в сугроб. И кинулись врассыпную. Несчастный согладатай выкарабкался на дорогу, заорал вслед:

— Сволочи! Варнаки! Я вас узнал! Ты, углан, я тебя признал, ты Ерошка Елахов! Ястри мать, я тебя достану!

Гм, подумал недоуменно Глеб. Отчего вдруг выскочило имя моего деда, Ерофея Павловича? Положим, фамилия-то ситуации соответствует: на сибирском наречии *елаха* означает пиво, брагу, вообще самодельные горячительные напитки. По семейной легенде Елахой звали и его пращура.

Он усмехнулся было причуде своей фантазии и замер с открытым ртом. Разум нащупывал нечто неуловимое, близкое, ускользающее, как предрассветный летучий сон. Так бывало уже не раз: в памяти вдруг всплывали слова, значения которых он не знал и которые не слышал прежде, либо же высвечивались исторические подробности, не ведомые ему ни из книг, ни из каких-то других источников. Подчас воображение рисовало пейзажи, не виданные им прежде — ни на выставках, ни в альбомах. В данном случае с вторгшимся в его писательское воображение именем деда было нечто чуть-чуть иное, нечто похожее на подсказку свыше...

Стук в дверь сбросил его с небес.

— Извините... — В номер скользнул молодой загорелый тип, увешанный фотоаппаратурой, в майке с пальмами, в бермудах и сандалетках на босу ногу. — Здравствуйте, Глеб Сергеевич!

— Чем обязан?

— Я из местной газеты «Кредо». Артем Богучарский, до некоторой степени ваш коллега! Всего несколько снимков и короткое интервью: над чем вы сейчас работаете?

— Вон! — оgrabленно проревел Глеб. Попытался сосредоточиться, но тут зазвонил телефон.

— Да что за бардак?! — схватил он трубку. — Слушаю!

В трубке раздался голос дежурной:

— Глеб Сергеевич?

— Я!!!

— Майстрюк просил передать, что придет к вам в столовую послезавтра, к ужину.

— Какой Майстрюк?!

— Богучарский, корреспондент.

— Минуточку! Вы сказали: *Майстрюк*?

— Ну да, он самый. Богучарский — это он так подписывается. А по жизни Майстрюк. Потомок какого-то допотопного революционера.

Вот так да, ошеломленно подумал Глеб. Призраки прошлого лезли из всех щелей.

1

Отзыв Артемия Павловича Дуновенского о Тобольске задел его за живое. Тобольск был его прародиной; в свое время, в составе писательского десанта он побывал там, выступал на предприятиях, с чтением коротких рассказов, осматривал достопримечательности, так что по остаткам досоветской цивилизации мог судить про то, каков был этот город прежде. Уж никак не медвежий угол.

— Ладно, — сказал он настольной лампе и погладил ее красный раструб, — начнем, как водится, из глубины веков.

В 1891-м город посетил будущий император Всея Руси Николай Александрович.

Его Высочество возвращался из кругосветного путешествия. В Японии, в городке Отсу, ему набил шишку на лбу некто Синдзо Цуда* из нижних чинов полиции, и Александр III через телеграф приказал сыну сворачивать путешествие. Причина же неслыханной грубости Цуда-сана, если не врут тогдашние журналисты (а они по своему обыкновению вралли, как врут теперешние), заключалась в том, что цесаревич пристроился по легкой нужде у какой-то бесхозной будки, оказавшейся кумирней туземного поклонения. И тут, как коршун из конопли, выпорхнул самурай Синдзо в полицейской юбочке и с мечом. И зарубил бы Его высочество, не отбей Его молодые князья из свиты...

Шестого июля наследник-цесаревич отбыл из Томска на пароходе купца Некрасова «Николай» в сопровождении парохода «Казанец». Любознательные челдоны торчали по берегам, чтобы хоть одним глазком взглянуть на будущего царя.

В Сургуте суда сделали остановку. Престолонаследник, спортивного телосложения, загорелый юноша с пластырем на челе, выйдя на палубу «Николая», одарил публику ласковой улыбкой и соблаговолил принять кое-какие скромные подношения.

Уездные дамы преподнесли собственноручно сплетенную корзину с кедровыми орехами — главным сибирским фруктом. Купец Тетюцкий упросил принять дюжину соболей. Остяки и вогулы презентовали оленьи шкуры, живую рыбу. Хлеб-соль вручали местные пароходчики; собственно, они и открыли церемониал встречи. Блюдо работы Корнилова было серебряное, украшенное изображением скачущего по волнам

---

* Вошел в фольклор как ругательство «японский городской». Прим. Глеба Елахова.

фрегата; солонка имитировала земной шар, на котором рифлением был обозначен круиз цесаревича. Что шар, что орлы, шар поддерживающие, были выточены из клыка мамонта.

Вечеру 10 июля речной кортеж прибыл наконец в Тобольск. По звону тысячного соборного колокола взвились парадные стяги на каланчах и высоких строениях. Флагман остановился у частной пристани купца Ширкова, как наиболее удобной в причальных свойствах. «Казанец» пристал к казенной.

Со свитою молодежи престолонаследник сошел на берег. Обожание горячей волной лизнуло его августейшие сапоги, исторглось тысячеустым сервильным вздохом. Подошедши к выставленной загодя трибунке, Его Высочество принял хлеб-соль от города. Блюдо тобольских обществ преподнес отважный городской голова Трусов с ассистентами. Выпленное из корня лиственницы и инкрустированное костью, оно являло собой образец изделия, каковыми Тобольск был знаменит искони. За первой делегацией представилась другая — от тюменских уездных граждан. Уездные граждане поднесли хлеб-соль на блюде серебряном с позолотой. Третье блюдо — от ремесленников — было построено из березы и аппликатировано рыбьим зубом. Четвертое — фаянсовое, с золотым вензелем, преподнесли почетный бухарец Айтмухаметов и инородец Соломон Шкиндер.

Отщипывая и вкушая от каждого каравая, цесаревич поперхнулся, закашлялся и с испугом, никак, впрочем, на лице не отразившемся, ждал подношений еще от каких-нибудь депутатий. К счастью, таковых больше не оказалось. Голова же Трусов отважился, и весьма уместно, предложить крющо-ну, провозгласил здравицу.

Хор грянул «Славься». Гимн подхватили и местные и наземные, заполонившие луг у пристани. Его Высочество вышел на деревянную мостовую. По обочинам ее выстроились резервисты пехотного батальона и чиновники в вицмундирах.

Город украшали цветы и зелень, на видных местах сияли электрические инициалы царственного путешественника. Общей иллюминации, к сожалению горожан, не приурочивалось, так как приплывтие ожидалось в дневное время.

Поднявшись в карете по Никольскому ввозу, Его Высочество с окружением направился в Софийский летний собор. Там, на паперти, его встречало восхищенное духовенство во главе с владыкою Иустином. Приложившись к кресту и принявши окропление, высокий гость проследовал под своды храма, где ему спели долгая лета.

И ни престолонаследник, ни верноподданные престола не могли и предположить, что через четверть века встретятся, но уже по иному поводу и в ином качестве.

2

Обладая смолоду характером открытым и простодушным, Глеб Елахов легко сходился с людьми, охотно поддерживал дружеские отношения. В первые дни в Ялте он присматривался к отдыхающим и к тем, кто приехал поработать вдали от домашней и городской суеты. Работающих не высмотрел, зато полно набилось всякого рода клерков. Кого-то он знал по имени, некоторых — в лицо, но держался от них поодаль. Эти люди годами, десятилетиями паразитировавшие на советской литературе, получали какие-то премии, пособия, а также иные тайные милости, тогда как основная масса писателей с трудом сводила концы с концами. Больше всего его раздражали манеры клерков. Манеры эти проявлялись в своем обращении с именами известных деятелей культуры и в обязательном наклоне тарелки с супом *от себя*, то есть к сидящему визави. Невольно приходило в голову, что суп они поедают с единственной целью — наклонять в нужный момент тарелку, дабы продемонстрировать знание политеса. Что думают о нем самом, Глеб узнал вскоре же, случайно услышав свою фамилию с ядовитой приставкой *de*. Что ж, усмехнулся он, по первой жене я граф! Покойная Ирина своим высоким происхождением не кичилась, напротив, всячески его скрывала даже поначалу и от него, — сам случайно наткнулся на геральдические бумаги... Как знать, если бы не авария на шоссе, унесшая ее жизнь, и по сей день жили бы душа в душу. И был бы у Глеба надежный тыл — мечта каждого литератора. Валерия, вторая его жена, ни в чем не желая уступать предшественнице, однажды, уже в горбачевскую пертурбацию, заявила о своей голубой крови и даже размахивала какой-то грамотой, приобретенной в ООО «Родовое древо». Брак с ним объявила морганатическим, — выходила замуж за перспективного литератора, а оказалась женой нищего сочинителя. Глеб объяснил ей: писатели бывают либо хорошие, либо богатые. Он — из первых. Не поняла юмора и не оценила.

Вытряхнув пепельницу в корзину, как бы сбросив вместе с окурками отвлекающие ассоциации, Глеб переключился мысленно на графа подлинного, генерала Ордовского-Танавского. Высочайшим Указом пожалованная генералу должность вышла удручающе кратковременной: через год с небольшим разверзлась Февральская революция. Так что но-

---

воиспеченный градодержатель не только не успел насладиться плодами своей карьеры, но и обжить губернаторские хоромы.

Располагались оные на Большой Пятницкой, в доме № 1. Одним из первых решений революционной власти было переименование улиц и площадей. Переименовали и Большую Пятницкую, и граф, противу собственного желания, сделался жителем улицы Свободы. Возмущению его не было берегов — слег с жестоким сердечным приступом.

Он лежал на обширной, выписанной из Москвы кровати, под откинутым балдахинном; лампадка у образов оттеняла тяжесть его недуга и вероятность трагического конца*. За окном суетились манифестанты, дразняся красными бантиками, орали злобное, якобинское. Даже это историческое окно, из которого в младенчестве вывалился случайно автор знаменитого «Соловья», не вызывало у негодеяв ни уважения, ни почтения.

Хуже того, на третий день смуты и помрачения умов бунтовщики проникли к нему в альков. Поначалу Николай Александрович предположил, что адвокат, либерал Пигнатти, пришел справиться о его здоровье. Но для чего явился пренеприятнейший Дуновенский, этот жалкий политический оппонент Пигнатти? Зачем здесь купчины Курицын и Фурдеев, вовсе не имеющие отношения к медицине? Зачем вот эта скобленая приказничья рожа и эти чумазые мастеровые? В частности, вон тот мордастый, подмигивающий босяк? Слава Богу, он не видел еще угрюмых фронтовиков и выпущенных на волю преступных типов, толпящихся на пороге.

— Гражданин Ордовский-Танаевский! — выступил вперед Пигнатти. — По поручению Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также как временный комиссар губернии... — Ему отчего-то вдруг сделалось трудно говорить, ведь репетировал же все утро, и споткнулся на первой фразе!.. Марксист Дуновенский вздернул хоботок носа, с насмешкой внимая его потугам.

— ... имею честь сообщить, кхм, что волею освобожденного народа, исходя из революционной целесообразности...

Голос окончательно отказал Пигнатти, и Дуновенский вынужден был вмешаться:

— Господин губернатор! Именем революции вы освобождены от занимаемой должности. Извольте считать себя под арестом.

---

* Скончается много позже, в 1950 г., в Сербии, в чине рукоположенного священника. — *Прим. Г. Елахова.*

На Ордовского-Танаевского приговор не произвел ни малейшего впечатления. Внимание его было поглощено поведением развязных мастеровых. С нарастающим беспокойством наблюдал он, как тот самый противный моргун беспардонно расхаживает по спальне.

Кто же это расхаживает, подумал Глеб. Да вот же кто: независимый депутат Павел Фомич Елахов! Избран в Совдеп не столько за начитанность и революционность, сколько за непререкаемый авторитет: на спор выдувал враз до получетверти самогона. Отсмеявшись, Глеб сделал себе пометку: объяснить, что четверть — это четвертая часть ведра, а в ведре помещается, как известно, двенадцать литров. Ранее введя в сюжет своего деда, он уже не сомневался в правомерности появления и своего прадеда.

Итак, Павел Фомич подошел к картине, стоящей на полу по причине незавершенности обустройства, лицевой стороной к стене. Полюбопытствовал развернуть, поглядеть на изображение. В багетной раме, писанный маслом, изображен был Николай II в мундире полковника от инфантерии.

— Стой, несурзанный предок! — возмутился Глеб.

Но тот уже нацелил палец с корявым ногтем, с маху ткнул в левое, затем в правое око бывшего императора и залюбовался полученными отверстиями.

— Что такое?! — На губах у губернатора закипела пена, глаза вылезли из орбит.

Члены депутации озадаченно оглянулись.

— Ваше превосходительство!!! — вскричал комиссар Пигнатти. — Что с вами?!

— В кандалы... — прохрипел Ордовский, — ...через повешенье!

И замертво пал в подушки.

Павел Фомич поспешил убраться на всякий случай. На улицу высыпали и остальные.

Пигнатти вцепился в армяк кузнеца, насколько возможно поближе к шее:

— Ты па к-а-акому праву?! Муж-жик!

Павел Фомич попятился:

— А чё, чё такое?

— Я тебе покажу чё! — сорвавшись со связок, дал петуха Пигнатти. — Ты куда приперся? В кабак? Я тебя спрашиваю!! Арестовать! Заковать! В тюрьму негодяя, экстренно!!!

Выборные стали засучивать рукава. Приказчик Петрушка Шамаков (он же скобленая рож) наскакивал петушком, прочие делегаты супились.

Дуновенскому стало не по себе. Затея с арестом недужного губернатора не нравилась ему изначально. Накануне он настойчиво и безуспешно отговаривал Пигнатти от этой акции, столь же бессмысленной и нелепой, как, впрочем, и вся деятельность губернского комиссара. Чего стоил один только указ о запрете копчения колбасы и о переносе в кремль праха жертв революции 1905-го, мирно покоившегося на тюремном кладбище...

Павел Фомич рванулся к солдатам-фронтовикам:

— Братцы, это куда они гнут?! За патрет царской личности, что я невзначай попортил, в тюрьму трудящего человека?!

Фронтовики, галдя, загородили его стеной. Бывший ефрейтор Обухов просипел с клёкотом в отравленной германским ипритом глотке:

— Не шали! Не трожь народного депутата!

Пигнатти шумно втянул воздух тонкими розовыми ноздрями и, не издав более никакого звука, ступко зашагал прочь. Его калоши печатали на снегу клеймо фабрики-изготовителя, как бы скрепляя карательный приговор. За ним подались и не остывшие еще купцы, грозили охальнику кулаками.

Вослед им Павел Фомич покрикивал:

— Давай, шевели копытами! Отошли царски-те времена!

Фронтовики допытывались, что и как.

— Как?.. У меня с императором свои счета. Ишо когда он в наследниках только числился.

— У тебя? С императором? Обскажи.

Павел Фомич не заставил себя упрасивать:

— Плыл он, значит, ребята, на пароходе аж из самой Японии. Ну и зашел в Тобольск. Народ, понятно, вокруг его корабля на лодчонках вьется, уря кричит. Я тоже в лодке, но по другому делу. Я как раз осетра поймал и тяну его на буксире. Здоровенный попался, в лодку не поместился... Вот он, осетёр-от, уря это услышал, проснулся и возбунтел. И попёр сдурю на корабль, под самые под колеса. Стал я нехорошо кричать. С парохода свесились, глядят на меня, скалятся. А наследник-от, я его враз признал, спрашивает: что за шум, рыбачок, отчего кричишь? Парень я был не из робкой дюжины, отвечаю: осетринку, мол, продаю, ваше помазанное Высочество! Наследник приказывает: поднять на борт. Сей же час моего осетёрушку цап багром! И — на палубу. А мне лесенку подвели. Дескать, карабкайся. Ну, вскарабкался. Здравсте, говорю, как съездилось, что новенького и вобче? Здравствуй, говорит, и ты, рыбачок, как звать тебя величать? Павлом, говорю, Фоминым сыном. Присаживайся, говорит, Пал Фомич, вот хоть вот на это кресло и покалякаем!

-
- Врешь! — разинули рты слушатели.
— Истинный крест!
— Валяй дальше, Паша!
— Ну, слово за слово, то да сё, разговорились, а про осетра-то и позабыли...
— Романовы, они таковские, — с видом знатока прохрипел Обухов, — за осетра кого хошь уболтают...
— Тем же порядком ссаживают меня обратно. И остался я, братцы, без рыбного в постный день!
— Ясное море... — расчувствовались фронтовики.
— Во осетёр был... Кит!

До февраля семнадцатого Павел Фомич рассказывал другому. Наследник спрашивал у него: «Что за шум, рыбакчок?» и Павел Фомич отвечал с поклоном: «Да вот хочу вас свежей рыбкой попотчевать!» И заканчивалась история тоже иначе: «Тогда подает мне Его Высочество два червонца...» Понятно, в марте семнадцатого эта подробность улетучилась из его памяти. Цесаревич спросил участливо, имеются ли у него детки. На что Павел Фомич отвечал, не моргнувши глазом: «Так точно, двое», хотя молодуха его ходила первой беременностью, будущим Ерофеем. Наследник-цесаревич вручил монеты: «Это для твоих деток». — «Премного благодарен!» — поклонился в пояс, прослезившись даже, находчивый рыбакчок. Позже оправдывал себя так: «Кто знал, чё там у Маньши в утробе зрело? Свободно могла быть двойня!» Но вторым дитём, дочерью Ефросиньей, разрешилась Маньша только на третий год.

— ...Однако портить картины тоже не по-людски, — осудил его косторез Усольцев: как работник, имеющий отношение к изобразительному искусству.

— Ага?! — затрясся щекой кузнец. — А что Ероха мой этим самодержавием на войну угнать, это как? По-людски?!

Усольцев отвел глаза, два его сына сидели дома. Дойдя до базара, разошлись всяк в свою сторону. Павел Фомич побрел на Малопосадскую. Дома, отобедав чем Бог послал, сел писать Ерофею. «Свободный гражданин народа Ерофей Павлович! Сердечно поздравляю Вас с окончанием самовластья. Сообщаю новости. Сестра твоя Ефросинья собралась замуж, да и пора уж, двадцатый год с Покрова пошел. Жених усердный, худого за ним не слышно. Хоть и чарышник*, а чарка его не бьет, и табак отродясь не курил, не нюхивал. У нас здесь тоже случилась катавасия и теперь хожу в звании депутата. Но про то разговор при встрече. Приезжай скорее, любезный сын, моченьки нету ждать...»

---

* Обувной мастер.

Отца с сеструхой Ерофеей оставил в четырнадцатом году, когда его, скуластого отчаянного углана, забрили в армию и спровадили воевать германца. Дали винтовку, две пачки патронов и прочее снаряжение. И парень как должно служил царю и отчеству, с прилежанием исполнял приказы, а подчас удивлял талантами настоящего следопыта. Не иначе, сказывалась кровь охотников-инородцев. По преданию, род Елаховый основал кузнечий мастеровой Елаха, женившийся на вогулке. Будто бы однажды, отправившись поохотиться, набрел на стойбище, повстречал там приглянувшуюся молодку, кинул на плечо, как бирюк овцу, и припер домой, в посадскую слободу, — к великому огорчению околоменцев, имеющих дочерей на выданье. Вогулочку окрестили, потом уж она выучилась говорить по-русски. От нее и пошли скуластые, смуглые на лицо Елаховы.

Через нее, очевидно, от далекой таежной родни унаследовал Ерофей охотничий зоркий глаз, терпение и выносливость. Вскоре его заметили и отличили. За штурм Галича получил он свой первый Георгиевский крест. Вторым и третьим наградили за бои на Варшавском фронте, четвертым за поход во вражеские окопы. Личным подвигом рядового Елахова было вызволение молоденького штабс-капитана князя Андрея Михайловича Воротынского. Из всей команды лазутчиков-пластунов уцелел один только Ерофей — он и вынес князя, раненного в обе ноги. Может быть, не случись февральская, по выражению Павла Фомича, катавасия, так бы и воевал себе. Но наступило иное время, жизнь закрутилась-завертелась веретеном, так что и не понять стало, кто прав, кто крив, где путь, где опуток... На фронте он был находчив и расторопен, а тут оробел, растерялся, как оставший от матери сеголеток. Одно ему было ясно, что коловерть эта сильнее всякого разума и можно совсем пропасть, коли не держаться надежного человека. Таким человеком показался ему вольноопределяющийся Степан Заборов*. Доверившись земляку целиком и полностью, Ерофей подчинился ему, как подчинялся своему ротному. Степан оказался революционером ленинского замеса, выполнял тайные поручения РСДРП(б), подчас опасные. В дела свои Ерофея не посвящал, да Ерофей и не набивался. Главное, Степан содержал себя в чистоте, руки не распускал, пользовался авторитетом. Окажись он эсером или кадетом, или еще каким-нибудь хреном с редькой, то и тогда Ерофей шел бы за ним послушно. И раз уж надо кому-

---

* В качестве вольноопределяющегося Заборов прошел затем курс полковой школы и сдал экзамен на унтер-офицерский чин.

то драть глотку перед людьми, то пусть им будет Степан Архипович... И снова бесы кружили его в вешнем поле, но теперь, у плеча Степана, он чувствовал себя уверенней. Очу- хался только в Питере, когда Степан поздравлял его: «Ну вот, Ероха, императора, слава Богу, сверзили, и начинаются, бра- тец мой, прекрасные времена!» И значит, по всему выходило, что не шутейно, как дедами на престольный праздник, учи- нилась ватарба, а взаправду вершилось дело в лихие деньки- денечки. И что сборища эти, когда один лез на стацию и баз- лал оттуда, а потом его сдергивали и уже другой рвал на гру- дях рубаху, доказывая непонятно что, и эта пальба на Садо- вой по жандармам и казакам, которые прятались в подворот- ни и бросали, сукины дети, коней; и всё остальное прочее — реквизиции, самосуды, захваты казенных складов — это тебе не вечёрки с девками, а дело жгучее, баснословное, и, к при- меру, воротись прежняя власть, по темечку не поглядят. Но опять же, внушал себе Ерофей, может, прав Архипыч, может, начнутся мирные времена? И не придется больше сушить окопную грязь, брать вражеские деревни, где под каждой стрехой ружье, и откуда пульнут — не ведаешь. Большевики ли, меньшевики ли одержат верх, а всё ж добро, коль войне шабаш и пора до дому, до родных осин.

Всё путём, вот только с царем неладно. Поторопились. Баской был царь, любо-дорого поглядеть, и царица при нем что надо. Обходительная, каких еще поискать. Степенная, одним словом, женщина, чего бы ни мололи срамные солдат- ские языки. Особо жаль было хворого худенького царёнка, которого ему довелось видеть дважды и оба раза на руках у боцмана-гувернанта. Да и дочек, как их не пожалеть — ти- хие, ласковые, заботливые. Кто лежал в лазарете в Царском, соврать не даст. Не морговали черной костью, посудыны за лежачими выносили. До чего уветливые девицы, доброго им здоровья...

Ну а, снявши голову, по кудрям не плачут. Зато свобода, хоть сейчас полезай на Адмиралтейский шпиль и плюй с него во четыре стороны. Свобода-то свободой, но чем ее больше, тем меньше воли. Временное правительство опять турнуло его на фронт. Которые половчей, да хоть тот же Степан с *партейцами*, дезертировали, окопались в Питере, раство- рились в праздной солдатской массе...

На сей раз Ерофея до позиций не довели — поезд попал под бомбу австрийского аэроплана. Не помог и поясок с мо- литвой Серафима Саровского, оберегающий от ранений. Поясок этот он получил к Рождеству в подарок от самой ца- рицы; таил его от Степана — тот бы непременно приказал

выкинуть. Это третье по счету ранение оказалось настоль удачным, что больше на фронт не слали, держали в резерве, в самой что ни на есть близости от Царкосельского Александровского дворца. Там, под надзором армии и полиции, куковала семья Романовых...

Как-то вечером, прогуливаясь в саду, Ерофей столкнулся с высоким, темноволосым военным в штаб-офицерском чине, в полевой форме, при усах кубиком.

— Отчего не приветствуете, солдат? — строго спросил штаб-офицер.

— Виноват, господин полковник, задумался!

— Задумался — это хорошо. Нынче каждый русский должен думать, думать и думать!

— Так точно, господин полковник!

— Молодец! А что это у тебя блестит? Ого, и первой степени даже...

Здесь надо будет объяснить, пометил Глеб, что на шинель прикреплялся только один «Георгий», подтверждающий или не подтверждающий (в зависимости от степени) наличие остальных. Вданном случае «Георгий» первой степени означал наличие трех других крестов, то есть второй, третьей и четвертой степеней.

— ...Полный бант?.. Дважды, нет, четырежды молодец! Где воевал? — Внимая ответу, полковник оценивающе осмотрел георгиевца и остался удовлетворен осмотром. — Значит, так: служить тебе под моим началом, в роте преображенцев.

Ерофей скис, идти в строевую часть, пусть и в гвардию, ему нисколько не улыбалось, манило домой, да и тут, в резервном полку, было куда с добром: и хмельно и сытно, и спи сколько вылежишь.

— Не слышу благодарности, — построжал полковник.

— Рад стараться, ваше высокоблагородие...

Вот уж попал, так попал, уныло подумал он: из кулька в рогожку...

— Что-о? Громче!

— Служу Отечеству!

Так Ерофей Елахов попал к Евгению Степановичу Кобылинскому, формирующему отряд Особого назначения.

Форма преображенцев состояла из русских сапог, шаровар, гимнастерки, шинели и фуражки без козырька, для особенных дней — круглые каракулевые шапки. Ерофея обжулили, не выдали сапоги, якобы из-за отсутствия таковых на складе. Стрелок пришел раз, другой, подходящих не было. Испросясь в увольнение, отправился на толкучку. Там на трофейный серебряный портсигар выменял неплохие сапожки американского производства, о чем извещали стельки.

Глава четвертая

1

Подредактировав написанное, Глеб откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Что-то я упускаю, подумалось вдруг с тревогой. Что-то бесспорно более важное, чем проходные частности и неточности. Что-то крайне необходимое для полноты картины. Но что это важное и необходимое? Пепельница была полна окурков, мозг отказывался выдавать ответ. Глеб сунул в рот новую сигарету, прикурил, оказалось, не с того конца, чертыхнулся. И накликать: черти не заставили себя ждать, принесли уборщицу, расшумевшуюся с порога:

— Хоть топор вешай! Надо ж, какое хамство! Покиньте номер, мне прибираться надо!

Еще раз помянув черта и всех его чертенят, Глеб вышел.

В неподвижных зарослях, ограждающих подступы к Дому творчества, стояла знойная тишина, лишь невидимые цикады пилили чем-то тупым по твердому. На соседней горе, на безлесом склоне задумалась местная поджарая коровенка. Но не цикады, не тем более задумчивое животное нарушили вдруг полуденную тишину. Сделал это поэт-песенник Михаил Юнковский. Он стоял на высоком пне, тянулся жилистой шеей к вершинам сосен, кричал утробно:

— Че-ку-у-ш-ку!

Сверху ему отзывалось искаженным эхом:

— Ху-фу, ху-фу!

— Да не ху-фу! — Старик топнул ногой. — А че-ку-у-ш-ку!

— С кем это вы, Михал Владимирович? — улыбнулся Глеб.

— Горлинок обучаю. Дикае и орут неправильно.

Глеб сложил ладони рупором и сымитировал:

— Ху-фу, фу-ху!

— Ну вот, и ты туда же! Глухие вы все, что ли?

— Я ж без подготовки, — сказал Глеб в свое оправдание.

Попробовал еще раз: — Ко-су-у-ш-ку!

— Уже лучше, — сказал поэт.

Из-под горки послышался недоуменный женский голос:

— Что это горлинки разорались?

Мужской голос предположил:

— К дождю, наверно.

Михаил Владимирович ухмыльнулся. На свет извлеклась знакомая уже фляжка.

— Милости просим. Как почетный гость пей первым.

Глеб отхлебнул, закашлялся.

— Спирт?

— Самогон! На ореховых перегородках. Да, по цвету производит впечатление коньяка. — Старик выковырнул из нагрудного кармана блузы конфетку в фантике, развернул, протянул Глебу. — Закусывай, чтобы не окосеть.

— Спасибо. — Глеб откусил краешек и вернул закуску.

— Ну, как твое сочинение? Продвигается?

— Заклинило, Михал Владимырьч...

— И что? В первый раз, что ли?

Глеб вздохнул:

— Так-то оно так, но всякий раз почему-то впадаешь в панику.

— По тебе не скажешь.

— Учусь владеть собой у своего героя.

— Да уж, у Николая этого не отнимешь...

— Понимаете, сгоряча забежал вперед, а целый пласт сюжетного времени от четырнадцатого года и до семнадцатого не закрыт. Только вот сейчас дошло. Матерьяла-то, в общем, горы, но охота изладить что-нибудь этакое... — Глеб щелкнул пальцами, — нестандартное! Может быть, как-то... опосредованно, что ли? Скажем, через какое-то одно, но яркое событие. Или через какую-то знаковую фигуру... Не знаю!

— А не проще — через самого царя? Взял бы его дневник в качестве трафарета и пошел раскрашивать. Записи у него сухие, бесцветные, так что знай себе мажь кисточкой! Что скажешь?

— Не знаю. Может, кто другой так и сделал бы... — ответил не сразу Глеб. Как, однако, укоренилось это предвзятое отношение к «Дневникам» несчастного Николая... Тут-де и скудость мысли, и бедность красок, и унылое однообразие: какая была погода, с кем завтракал да с кем обедал, что делал в часы отдыха и т.д. И при этом все начисто забывают, что «Дневники» были писаны для себя, фиксировали то, что трудно удержать в памяти, вот именно по причине рутины жизни. Такими же, подумал он, были и дневники изысканного стилиста Бунина: что за погода стояла, да что ел, что пил, в каком количестве, в каком обществе... Только Бунин писал это в расчете на будущую книгу (ею стали «Окаянные дни») и потому некоторые записи развертывал, уснащал деталями. Николай же вел дневник для личного потребления, чтобы, вычитав какую-то подробность, ничего не значащую для чужого глаза, или какое-то ключевое слово, припомнить, что было пережито этим днем.

— Моя задача, Михал Владимырьч, — продолжал он вслух, — не летопись, не житие, р о м а н! — Последнее слово он произнес с некоторой долей самоиронии.

— Да у тебя же сумасшедшие возможности! — загорелся старик. — В четырнадцатом началась Первая мировая, так? Стало быть, вот тебе генерал с гипертрофированным честолюбием! Вот немецкий агент или какой-нибудь, как теперь говорят, агент влияния из прогермански настроенной русской знати... Да возьми военно-промышленные комитеты, частные благотворительные фонды, или эти, частные лазареты! С одной стороны, бесстыжее воровство, приписки, подлоги, с другой — истинные патриоты, работающие на армию, на отечество! Хватай любого, верти, раскручивай! Чуешь, какой простор? А царский двор, а дворцовые страсти? А извечные интриги августейших родичей? Да наконец Распутин! Без него картина вообще неполная!..

Распутиным, его убийством, Глеб планировал завершить год тысяча девятьсот шестнадцатый. Именно в шестнадцатом, в ночь на 17-е декабря, в ночь убийства Распутина, началась эпоха русского беспредела.

— ... Не сомневайся, впрягай его! Он мужик дюжий, до конца шестнадцатого, до своей кончины, по крайней мере, он тебе сюжет вывезет!

— До отравления, расстреливания и утопления в Малой Невке, — подытожил Глеб.

В студенческие еще годы он собирался написать о Распутине что-нибудь вроде очерка или документальной повести. Уже тогда его не устраивала официальная, исторически сложившаяся оценка этой неординарной личности. Простой мужик, челдон синепупый, сумел подняться в самые верхи общества, сделаться духовным наставником царствующей четы и, ведь подумать только, не в какие-то древние времена, когда явь и сказка бродили об руку по Руси, а в просвещенный век — век пара и электричества!

— ... И вот что я еще скажу, — Юнковский вошел в роль мэтра, — в случае творческого затора начинай исподволь, полегоньку, с хорошо знакомого матерьяла. А что человеку лучше всего знакомо? Его собственная биография! Подбирай факты своей биографии и подкладывай под то, что пишешь.

— У артистов это называется поиск опорных точек. Я всегда так и делаю. Эмма Бовари — это я, утверждал Флобер.

— Ты меня не совсем понял! Речь идет не о твоих личных переживаниях и эмоциях по тому или иному случаю, которые ты используешь. Речь о прямых фактах твоей биографии! Видишь ли... судьба всякого исторического писателя непостижимым образом, напрямую, связана с его героями. Какая-то анафемская закономерность! — Старик почмокал

задумчиво губами-вишенками. — Может, потому что не писатель выбирает тему, а тема выбирает его? В общем, пошарь во лбу, наверняка что-нибудь да найдется.

— Уже.

— Уже нашлось?!

— Нет, уже шарю...

2

Впервые на живой след Распутина он натолкнулся в далекой юности. Жил он тогда в Тюмени у тетки Инны, жены областного чина, обвиненного в волюнтаризме и сосланного в район с понижением, — Глеб сторожил их квартиру в элитном доме. Незадолго до этого, с треском провалившись на вступительных экзаменах в Институт кинематографии, он вернулся домой, в родимые Юраши и готов был провалиться вообще сквозь землю, лишь бы не ежиться под ехидными взглядами родичей и соседей. Теткина просьба пришлась как нельзя кстати. В тот же день Глеб сел в междугородный автобус и к вечеру был в Тюмени. Тетка просила пожить у нее временно, не дольше месяца, пока не восторжествует поправная справедливость, то есть пока ее супруга не воротят из ссылки.

Время шло, торжество справедливости отчего-то не наступало, и волей-неволей Глебу пришлось устраиваться куда-нибудь на работу. С соседом по дому Шишкиным, бывшим дядюшкиным коллегой, ссаженным на культуру (в наказание всё за тот же хрущевский волюнтаризм), его свела тетка Инна. Приехала хлопотать о муже, попутно похлопотала и за племянника. Шишкин ее уважил как боевую подругу товарища по несчастью. Встретив Глеба во дворе дома, спросил без лишних слов:

— Ко мне, в Управление культуры, пойти не хочешь? Котелок у тебя молодой, должно быть, варит в какой-то степени.

— А что за работа?

— Будешь внедрять культуру в отдаленные точки области. Везить людям книги — источник знаний.

— В качестве экспедитора? — разочарованно уточнил Глеб.

— Зачем? В качестве библиотекаря на колесах! Романтика и всё такое.

— Гм, я подумаю...

— Подумай и приходи.

Глеб пришел в Управление в тот же день и вышел из него заведующим библиотекой-автомобилем, как значилось в его новеньком удостоверении.

В свое распоряжение он получил штук четыреста брошюрок по животноводству и полеводству, старенький грузовичок ГАЗ-51 и водителя Ивана Акимовича Шестакова.

В первую экспедицию выехали уже по снегу, когда осеннее бездорожье сменили зимники. Выехали в воскресенье, затемно, часов в пять утра. Глеб не выпался, дрожал от холода. Иван Акимович, натешившись лязгом его зубов, милостиво врубил печку. Скоро в кабине стало тепло, привычно запахло потным железом, машинным маслом и табаком. Свет подфарников яичным желтком прыгал по колее. К полудню развиднелось. Иногда прорывалось солнце, раздвигало сумрачный частокот тайги. Ехалось хорошо, ходко. Потом зимник пошел по вырубкам, и руль завертелся в руках Ивана Акимовича, как пропеллер.

3

В Покровское прибыли поздней ночью, разыскали заезжий дом. Держала его от совхоза старушка Зотовна, крепенькая и общительная, тут же и проживающая. Закусили, чем Бог послал, напились чаю. Иван Акимович захрапел сразу. Глеб, напротив, не мог уснуть. В окошко вползла луна — полная, яркая, скрасна от мороза; во мшоновых стенах что-то пошелкивало, потрескивало, шуршало. Вдруг скрипнули половицы. В дверной проем скользнула бесплотная фигура в белом.

— Молодые люди, к вам дама...

— Акимыч! — сдавленно вскрикнул Глеб.

— Чего? — промычал шофер. Приподняв голову, вскочил, как подброшенный, зашарил по стене в поисках выключателя.

Вспыхнул свет.

Старуха древняя, напудренная, нарумяненная, с нарисованными бровями, с диадемой в всклокоченных волосах, кокетливо улыбалась беззубым ртом.

— Позвольте представиться... Титулярного советника Енотова наследная вдова Изиды. Рада вашему появлению, господа! Какой чудный, волшебный вечер, не правда ли?

— Тут, бабка, командировошные! — опамятовался Иван Акимович. — Так что давай к себе! Вечер ей. Ночь уже, язви тебя в шары-те!

— Хам!.. — Гостья, приподняв оборки, опустилась в изножье Глеба. — Скажите, корнет, давно ль вы из Петербурга?

— Во дает, — поскреб под мышкой Иван Акимович. — Все парморотки отбило у старушонки. А ну кыш домой!

— Это ты мне-е, холоп?!

— А то кому же! Еще и обзывается, каргулетка...

— Муж-жик! Ничтожество! Мизерабль!

На шум прибежала Зотовна, увела негодующую гранд-маман. Вернувшись вскоре же, повинилась:

— Уж вы не сердчайте, милые! Так-ту она тихая. Редко когда на нее найдет. Такие годы!

— Да, не молодка, — отметил Иван Акимович. — Поди, не первая башка на шее.

— Что и говорить, старинного порождения. Ее Распутин из Петербурга выписал, в училки для дочерёшек. В одиннадцатом году.

Глеб был потрясен.

— Тот самый Распутин?!

— Какой ишо, — усмехнулась Зотовна. — Григорий Ефимович, самый он. Тут они ямщину с отцом держали. Я малёсинька была, а помню. Бывало, соберет мужиков Григорий-то, и ну подбивать на пляс; который всех перепляшет, тому червонец. На червонец можно было коня купить, або корову с телкой. Щедрый был человек, помогал людям. А уж как только попы его ни страмили! В чем только ни обвиняли! Старики рассказывали, комиссии приезжали — из Тобольска, из Тюмени, из Петербурга. Всё дотакивались, какого, мол, поведения. А что дотакиваться, когда весь на виду! Охохнюшки... Да вы лежите, лежите, умаялись, чай, с дороги. А то желаете, я вам наливочки нащежу?

Постояльцы не отказались.

Утром Иван Акимович ушел прогревать мотор, хозяйка утряслась по делам службы, и Глеб оказался предоставлен самому себе. Он любил эти утренние чаепития. Можно было со вкусом поразмышлять о делах насущных, полистать блокнот, куда он записывал все сколько-нибудь интересное: наблюдения за природой, отрывки уличных диалогов, смешные сценки. К тому времени он уже печатался, правда, пока что в местных газетах, да и то нечасто, но все-таки; он уже знал наверное, кем станет в будущем. Словом, в такие незамутненные утренние часы ему хорошо думалось и мечталось.

Тем утром все его мысли вращались вокруг визита реликтовой старушенции. Какая тайна застряла в ее склерозе? О чем она собиралась говорить с ним? Почему назвала корнетом?

Где-то за стеной женский голос выводил тончайшие фиоритуры. Поначалу Глеб решил: радио. Но ошибся. На двери, ведущей в хозяйскую половину, разошлись гардины, льняные, с цветочками и мережкой, и в кухню, напевая, вошло полупночное видение — в кисейном платье, с бантиком на тощей шее.

— Наконец-то мы тет-а-тет!
— Вы меня с кем-то путаете! — растерялся Глеб.
— Вы Дувидзон или не Дувидзон?!
— Простите?
— Ваш псевдоним «Паганини»?
— Почему? «Сергеев». Но я им почти не пользуюсь.
— Понимаю, новый конспиратив. Вот это письмо передайте лично Михаилу Фридриховичу Коттену. Remetre en mains propres*! Лично в руки генерал-майору. — Старуха сунула ему бумажку, сложенную тугим квадратиком.
В то же мгновение растворилась входная дверь; из клубов пара возникла Зотовна с представительницей местного Гиппократы: хорошенькой фельдшерницей Любочкой. Изида, изменившись в лице, прошипела Глебу:

— Съешьте депешу, ну же!

— Не понял...

— Тупица! Пришлют же такого...

— А-я-йя, Изида Аркадьевна! Опять у вас нарочные с берегов Невы? — Любочка с укоризной повертела варежкой у виска. — А я уж считала, что вы в порядке! А вы, значит, за свое?

Наследная вдова презрительно отвернулась.

Фельдшерница сбросила шубку, варежки, прижала ладони к печке. Согревши пальцы, обошла окаменевшую в позе Ермоловой пациентку, заглянула под веки, посчитала пульс.

— Лёгенький рецидивчик, — поставила она диагноз.

...Лишь теперь, спустя три десятилетия, Глеб докопался до сути этого странного приключения.

Глава пятая

1

К лету 1914-го отношение революционеров к Распутину резко переменялось. Ранее большевики, используя «старца» для охулки самодержавия, всячески его лелеяли и негласно оберегали. Взять хотя бы статью «Како веруеши?» в одном из номеров Петербургского «Современника» за 1912 год. Статья решительно опровергала измышления прессы о его принадлежности к хлыстовству. Автор — признанный знаток сектантства, издатель и публицист Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, конфидент Ленина и будущий деятель Совнаркома (официальная должность — управделами). Распространяя грязные слухи, облыжные письма и документы об интимных связях Григория с венценосной парой, журналис-

---

* Передать лично в руки (франц.).

ты, как правые, так и левые, не щадили и малолетних императорских дочерей, — инсинуации охотно подхватывала высшая столичная аристократия, охочая до всякого рода эротических аномалий. И вместе с тем, революционное подполье охраняло личную безопасность царского фаворита, окружив его собственной агентурой. Одним из агентов была беззаветный товарищ Килька, Акилина Лаптинская, медсестра, втершаяся в дом «старца». (Опять эти кавычки, подосадовал на себя Глеб. Кавычек он не любил вообще, не переваривал органически, считая их гасителями метафоры. Здесь же был вынужден их поставить, здесь слово «старец» означало не возраст — об ту пору Григорию шел сорок четвертый год — а его социальное положение. Язык, однако, утратил слово в этом значении, поскольку ушло само понятие старчества как формы духовного окормления. Кавычки же придавали слову ироническую окраску. После некоторого раздумья Глеб нашел выход: будет писать слово с ером, с твердым знаком по-современному.) Ну так, в 1912 году старец был нужен большевикам для компрометации императора. Был нужен в 1913-м. А в 1914-м сделался вдруг не нужен. И не нужен настолько, что ЦК РСДРП принимает решение о его физическом устранении. Почему?

В 1912 году антироссийская коалиция в составе Франции, Великобритании и Северо-Американских Соединенных Штатов не сумела втянуть Россию в нелепую войну с Турцией. Коалиция очень рассчитывала, что Николай выступит на стороне славян, своих православных братьев. И просчиталась. Турция, с которой сцепились Греция, Болгария, Сербия и Черногория, была союзником кайзеровской Германии, а у кайзера с русским царем был личный клятвенный уговор о вечной любви и дружбе. 21 июня 1912-го в Балтийском порту Вильгельм нарочно встретился с Николаем, дабы напомнить об этой взаимной клятве. Напоминание было лишним, — русский император, в отличие от германского, слово держать умел.

Балканская авантюра кончилась тем, что братья по вере перегрызлись между собой, а Первая мировая война, благодаря невмешательству России, отодвинулась на два года. Самой России балканское столкновение, в котором сложили головы многие русские волонтеры, ничего не дало, кроме разве что гениального марша «Прощание славянки», написанного простым военным трубачом Василием Ивановичем Агапкиным.

Нисколько не оправдались и упования революционеров, размечтавшихся о войне и военной же катастрофе, как это

было в 1905-м. Оставалось одно: раскачивать и далее царский трон. «Ба! — осенило головастого Ильича. — А подать-ка сюда покровского брандахлыста!»

В очернении самодержца, а, следовательно, в дискредитации самодержавия, одиозный мужик опять стал козырем. Сей же час большевики спутали карты Охранному отделению, готовящему ликвидацию Распутина руками авантюриста Бориса Ржевского. Охранка, располагая агентурной сетью в революционных организациях, пребывала в уверенности, что держит оные под контролем и всегда сумеет пресечь их подрывную деятельность. РСДРП, симметрично имевшая в правоохранительных структурах своих людей, была уверена, что в критической ситуации сумеет выкрутиться. И обе одинаково заблуждались, не подозревая, что пользуются услугами одной и той же провокатуры.

Что же до международного капитала, то у него хватало искусных шулеров, чтобы использовать в многоходовом пасьянсе и охранку, и РСДРП, и петербургские, охочие до перверсий, аристократические круги, азартно вистующие против собственного государя.

А держава, этим государем ведомая, день ото дня набирала вес в мировом сообществе. К 1913 году она была уже сильное государство с неуклонно развивающейся экономикой, мощной промышленностью, высокопродуктивным сельскохозяйственным производством. Петр Столыпин пал под пулями параноика, но столыпинские реформы уже давали ощутимые результаты. То был год высочайшего взлета нации. Ни Францию, ни Британию, ни Америку, ни другие страны рангом помельче, но не менее алчные и завистливые, такой расклад не устраивал. Раз так, значит, надо втянуть Россию в какую-нибудь военную передерягу. А это неизбежные финансовые надсады, мобилизация, то есть изъятие из производства рабочих рук. Это — как минимум — обескровить страну, пустить по миру. Как максимум — расчленить на части и превратить в колонию. (Что почти удалось в конце XX века. И по минимуму, и по максимуму. Всего-то и потребовалось приласкать Генсека и его супругу. И процесс пошел...)

Весной 1914-го Ленин впал в черную меланхолию. Как подвигнуть к бунту обеспеченного рабочего и зажиточного крестьянина?! Процветающая Россия была ему отвратительна: в такой стране революция невозможна. Архинужна кровавая заварушка! Предпочтительнее с поражением в ней России. Таким образом, интересы марксиста-революционера без осадка и взвесей слились с интересами мирового капитализма.

Вот тут-то Распутин, заклинающий Николая не ввязываться в войну, не то что бы стал не нужен, но опасен мировому капиталу, так же как, с точки зрения Ильича, и мировому пролетариату, не ведающему ни сном, ни духом о своей исторической роли в развитии человечества. Чего уж говорить про столичный свет, про монархические круги, возненавидевшие покровского мужика за сам факт его земного существования.

Приговор был вынесен. Агент охраны, по совместительству агент РСДРП (или наоборот), репортер Вениамин Борисович Дувидзон взялся за исполнение. Домашняя учительница Енотова, по всей видимости, была внедренная в дом Распутина информанткой Охранного отделения. Вениамин Борисович, для товарищей просто Веник, выходец из местечковых мешан Киевской губернии, прибыл в Покровское в июне 1914 года инкогнито. Охранкой ему предписывалось встретиться с Енотовой, вручить инструкции и причитающийся гонорар. Но оборотистый журналист посчитал встречу не обязательной, а деньги себе не лишними, и на связь не вышел.

Это первое покушение на Распутина, как известно, не удалось: Хиония Гусева, больная сифилисом террористка, сумела лишь ранить святого старца. Злоумышленница приехала в Покровское порознь с Дувидзоном и без помощниц, в последний момент отказавшихся участвовать в преступлении. В нужный час она подкарауливала старца у его дома. Закутав лицо платком, дабы спрятать ноздри (одни только и оставшиеся от бывшего носа), Хиония укрылась за кустом акации, цветущей обильным цветом, кышкала на мальчишек, собирающих сладковатые лепестки — ребячье, известное во все времена лакомство. Ладонь, сжимающая рукоять ножа, вспотела, не так-то просто пронзить железом живую плоть, пушай она и сосуд дьявола.

Дувидзон избрал наблюдательным пунктом пожарную каланчу, откуда прекрасно просматривалось место грядущей акции. Заблаговременно составленный им отчет об убийстве старца лежал в редакции «Петербургского курьера», и редактор одного ожидал сигнала — телеграмму с кодовым словом *выехал*, после чего сенсацию можно было пускать в набор. Дошлый Вениамин заготовил и обширное интервью с Хионией. Этот опус, озаглавленный «Исповедь Гусевой», следовало печатать в случае, если покушение не состоится или состоится не в полной мере. Дешеша в этом случае должна была начинаться словом *задерживаюсь*. Редактор получил вариант 2: «Задерживаюсь тчк Ранен живот Распутин тчк

Ваш Д тчк». Как было задумано, «Курьер» тут же напечатал «Исповедь», поперчив ее сообщением о теракте. Сенсацию подхватили прочие газетенки.

Без десяти четыре Григорий вышел из калитки своего дома. Путь преградила нищенка.

— Чё тебе, скорбная? Денежку? — спросил он ласково. — Счас, счас, сиротинушка!

Григорий полез в карман, Хиония выхватила нож...

Далее все пошло-поехало поперек плану.

— Ах, ты, стервь! Ах, дрянь! — Взрычавший от боли старец незамедлительно дал ей в ухо, чем и спас себя от второй, быть может, смертельной раны.

Экстремистка отлетела на две сажени, однако ж орудия своего не выпустила.

Григорий, зажавши рану — убийца проткнула ему живот, вгорячах побежал к церкви. Хиония погналась за ним. У моста Дорофеевых ее бег прервали прохожие мужики; отняли нож, скрутили и повели в управу, озадаченно матерясь при этом:

— Эка гнусина злымская, хрен ей в чавкало!

К увиденному не остался равнодушен и Дувидзон. Его эпитеты, адресованные исполнительнице теракта, по своему чувству намного превосходили изречения покровчан. А, спустившись вниз, сам был изловлен ими как личность в шибкой степени подозрительная.

— Не смей до меня касаться!

— Ишь ты, какая фря, касаться его не смей.

— Гоношистый, коровья шаньга...

— А ежели дать ему, как водится, по сопатке?

— Што дальше... К чёмеру с глаз долой! Будем ишо с ним вошкаться.

Репортер, испугавшийся зловещего слова *чёмер*, а оно означало всего лишь чёрта, да и то как риторическую фигуру, заверещал:

— Рюки прочь! Черносотенцы! Каряул!!!

Мужики, прицепив лиходея к пряслу, отошли в сторонку помозговать. От рукоприкладства решено было воздержаться, уж больно хлипкок. Лучше бы оттартать к исправнику. Оттартали. А через непродолжительное время, к всеобщему изумлению, задержанный был выпущен на свободу. Притом безо всякого протокола (?!)...

Что-то в этой истории не срастается, подумал Глеб. Какие объяснения дал Дувидзон в управе? Сомнительно, чтобы исправник действовал по своей воле: хочу посажу, хочу отпущу. Было, наверняка было указание сверху. Вот только воп-

---

рос: откуда? Из Тобольска? Из Тюмени? А может, из Петербурга?.. Ладно, пока вычленим главное: Распутин на несколько недель оказался нейтрализован. Кому это вышло на руку? Да всем, кроме России-матушки: и мировому капиталу, и добровольной его союзнице, большевистской партии. И, само собою, российским доморощенным милитариям. Итак, старец лежит на больничной койке... Примчись он по вызову Семьи в Петербург к расхворавшемуся как раз царевичу, не исключено, что сумел бы уговорить царя не ввязываться в войну. Тяжело раненный, балансируя между жизнью и смертью, он шлет Николаю отчаянное письмо (которое тот будет хранить до самой своей кончины в Екатеринбурге): «Грозна туча над Рассеей, беда-бедёхонька, горя много и просвету нет, все войны хотят, и невдомек, что себе и тебе на гибель. Не попусти безумным. Ну, победят Германию, а Расея? Не было от веку горшей страдальицы, сызнова в крови утонет. Слезы щек моих не хватают...»

На кон в те роковые дни, как и два года тому назад, опять легла славянская карта: словно из рукава фокусника свету явился Гаврила Принцип, боевик молодежной подпольной организации «Млада Босна». 28 июня в Сараеве этот недоросль палит в машину эрцгерцога Франца-Фердинанда, австро-венгерского наследного принца (и, кстати, противника надвигающейся войны). Две пули оказались смертельными для него и для его супруги Софии Хотек, герцогини Гогенберг..

А на следующий день — кровавый эксцесс в Покровском. Совпадение удивительное, наводящее на совершенно определенные размышления...

Месяцем позже австро-венгры созрели для сатисфакции. Их унижительный по форме и содержанию ультиматум был принят сербами практически целиком. И все-таки Австро-Венгрия, понукаемая Германией, разрывает с Сербией дипломатические отношения. А уже 28 июля, в знак объявления войны, подвергает Белград артиллерийской бомбардировке.

На царя и на правительство обрушилась настоящая лавина писем и телеграмм с требованием защитить братьев-славян от тевтонского посягательства. Извне прессовали французы и англичане: Франция грезилась принадлежавшими ей когда-то, а на ту пору немецкими, землями Эльзас-Лотарингии, Англия — морями и океанами без немецкого, набирающего силу флота. Все требовали от России вооруженного вмешательства в новый балканский кризис.

Все, кроме русского трудового народа, чьим доверенным лицом у Престола был покровский мужик Распутин.

Николай мучился, не решаясь отдать приказ о военной мобилизации. Медлил, но понимал, что промедление смерти подобно: чтобы собрать рекрутов, экипировать, обучить азам военного дела, потребуется немало времени и усилий. Россия не Дойчланд, она велика и обширна и не имеет дорог, тогда как дураков во всех эшелонах власти по-прежнему избыточно.

16 июля была объявлена частичная мобилизация. Ход дипломатически безупречный: если Вильгельм заинтересован в мирном улаживании конфликта, значит, немедленно вступит в переговоры, а это предпочтительнее боевых действий. И верно, по телеграфной связи Вильгельм клянется не воевать с Россией, предлагает остановить призыв. Николай, получив телеграмму, приказывает отменить. Однако приказ отчего-то не исполняется; хуже того, о нем не поставлен в известность посол Германии.

Вспыльчивый Вилли, узнавший о том, что рекрутирование продолжается и что русские войска перемещаются в западном направлении, дает согласие своему Кригсрату на войну с Россией. Империя упрямого кузена Ники объявляется врагом немецкого государства. А ведь изначально кампания планировалась кайзером лишь против алчной Республики и коварного Королевства.

Не ведающий о саботаже в своем правительстве, Николай был искренне возмущен Вильгельмом. Ответный ход с его стороны... и хрупкий мир рухнул, превратился в пылающие руины.

А мир оказался ввергнутым в Первую мировую.

2

Михаил Владимирович Юнковский всячески избегал политики. Стоило в его присутствии произнести фамилию какого-нибудь эфирного пустослова, причем не важно, в каком контексте, осудительном или одобрительном, тотчас же отвлекал внимание собеседников на красоту ландшафта, на чертовски прыгучих белочек и другую живую прелесть. Что могло отбить у него охоту к политическим разговорам? Родился в Малороссии, в городке Путивль, в девятнадцатом... в мае, кажется. Что такого особенного поведал мне о своих монголо-татарских предках? Зачем вскоре попросил забыть о беседе в «рафике»?..

Докапываясь до правды об интригах и покушениях, нацеленных на сибирского чудотворца, Глеб вышел на командира корпуса жандармерии, по заведенному порядку являющегося также и главой полицейского департамента, на Вла-

---

димира Федоровича Джунковского. Сей государственный муж был потомком князя Мурзы-Джунка, прилепившегося к Московии в XVI веке и основавшего целый клан, из коего вышли даже и некоторые московские воеводы. Сугубо русская ветвь Мурзы повелась от полковника Кондратия Джунковского, и (осенило Глеба) она-то, по-видимому, и продолжилась в мае 1919-го (!), явив миру нашего современника Михаила Владимировича Юнковского. Сопоставив факты, он пришел к выводу, что Юнковский — предположительно псевдоним, ставший затем, через паспортный стол, фамилией, либо же (что еще вероятнее) фамилия отца, по понятным соображениям записанная в метрики в другой, на латинский манер, транскрипции: *джи* заменили на *йот*.

Из архивной справки на генерала Джунковского следовало: в декабре 1917-го (то есть уже при большевиках!) вышел в отставку ввиду хронической болезни сердца, с мундиром и пенсией от казны в размере 3270 (!) рублей. В сентябре 1918-го Джунковский поехал на Украину, в город Путивль к родственникам, а, скорее всего, к тайной своей пассии, некоей «О.М.», с которой поддерживал интимную переписку и которая через девять месяцев после его отбытия произвела на свет будущего поэта. Отчество Юнковского косвенно подтверждало догадку Глеба. На обратном пути, на станции Орша генерал случайно был опознан кем-то из бывшего революционного подполья и препровожден в Москву, в камеру ВЧК. И тут начинаются чудеса: по ходатайству Луначарского, привлечшего к кампании видных деятелей искусства (?!), бывший главный жандарм империи оказывается на свободе. За какие заслуги и перед кем? Единственно за услуги большевикам. В той же истории с неудачным покушением на Распутина именно негласным приказом шефа полиции объясняется сказочное освобождение двойного агента Венички Дувидзона. Более того, безносая террористка Гусева отправилась в Покровское не без участия его ведомства. Целью неудавшегося теракта, как давно уже понял Глеб, было не просто физическое устранение святого старца, занимающего миротворческую позицию, но и лишение цесаревича Алексея его чудотворной помощи. Иными словами, смерть Распутина означала бы его устранение как целителя. Сокрушительный удар по Николаю и Александре.

О том, что наследник неизлечимо болен и что во всем свете один Григорий умеет облегчить его страдания, скрывалось от общества самым строжайшим образом. Джунковский же, имея всюду глаза и уши, этой информацией обладал. Хитрый лис, он все делал скрытно, таясь даже от самого близко-

---

го окружения. Его пространные «Воспоминания» не дают ни малейшего представления о подлинном его лице, о тайном особнячестве революционером. Однако же управделами Кремля Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич на всякий случай купил рукопись, заплатив мемуаристу немалую по тем временам сумму в пятьдесят тысяч. Дешевле было бы, следуя бесхитроственному ленинскому завету, ликвидировать автора и его творение. И только Сталин, придя к власти, избавился от докуки: зачистили как классового врага.

Глеб разводил руками: до чего же въедлив страх, привитый в эпоху культа, в данном случае страх возможной огласки происхождения. Даже спустя несколько десятилетий старик не смог от него избавиться... Ведь как он, должно быть, судит: если общественность вдруг дознается, *чей* он сын, то, кто бы ни пришел к власти, тень родителя черной меткой ляжет на его имя. Устоят коммунаки — он сын жандарма, душеителя революции, — о порочных связях своих вождей они и в бреду не скажут. Победят так называемые демократы — припомнят сотрудничество папаши с большевиками, им на чужие секреты решительно наплевать.

Бедный, бедный Михал Владимирович... Неужто не знает, что коммунаки и демократы выпорхнули из одного гнезда. А ворон ворону — как известно... Что до сегодняшних молодых людей, то они вообще бы его не поняли. Молодежь зорко следит за модой, а ныне сделалось модно иметь предка с громкой исторической биографией, кем бы ни был, хоть преступником, хоть героем.

3

Начавшуюся войну с кайзером российская пресса в первые дни и недели называла Второй Отечественной. Пустоцветье разнообразных партий, движений и группировок вдруг вспыхнуло и засияло радугой патриотического экстаза. На светских раутах, в буфетах и ресторанах, в трактирах и вовсе в простых распивочных звучали тосты во славу русского оружия, во здравие батюшки государя. Толпы ликующих обывателей дефилировали по Невскому и по Тверской, по всем главным губернским и уездным улицам, громили лавки и заведения с немецкими фамилиями на фасадах. И, наконец, 3 сентября город Санкт-Петербург сменил имя на Петроград.

Госдума впервые выступила солидарно с правительством, проголосовав за военные кредитования и призвав оппозицию воздержаться от критики в его адрес. В помощь правительству создавались общественные фонды и благотвори-

---

тельные учреждения, формировались частные лазареты и санитарные поезда. Возникли новые общественные структуры: Земский Союз, Союз городов, Военно-промышленный комитет. Да уж, было всякое, и Ее Величество с двумя старшими дочерьми, закончив фельдшерские курсы, работали простыми сестрами милосердия, и армия на полях сражений являла чудеса храбрости, и тысячи юношей добровольцами шли на фронт с единой священной целью положить жизнь на алтарь Отечества.

Эйфория первых побед над немецко-австрийскими супостатами еще больше сплотила общество. Тогда же были написаны эти строки:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С тевтонской сворой темною,
С проклятою ордой!*

В четырнадцатом году песня не прозвучала по той причине, что народ никакой святости в начавшейся господской войне не видел. И проживал он, этот такой-рассякой народ, не в городах с ресторанами и распивочными, а в изнуренных рекрутчиной и разверстками деревнях. Не шибко довольны были и пролетарии. Мобилизация их тоже не обошла, забирала всех, достигших призывного возраста, без скидок и послаблений.

Чем глубже увязала в войне Россия, тем слышнее стал недовольный ропот в ее городах и весях. Когда же пошли известия о военных неудачах и поражениях, возроптали и в Петрограде. Поползли слухи о тайной связи царицы с кайзером, о затеваемом ею сепаратном мире в обход Антанты, заговорили (словно только сейчас хватились), что царица наполовину немка, а посему интересы Германии ей дороже, чем интересы русских и их союзников.

Она была чересчур горда, чтобы опуститься до опровержения грязных клевет и сплетен. Пресса как левой, так и правой ориентации, прозрачными намеками и обиняками преподносила читателям чудовищные измышления. В салонах поливали грязью вообще в открытую: «Алиса-то, муха гессенская, подумать только, была в фривольных сношениях с генералом от кавалерии, ну да, с Орловым, да, Александром Афиногеновичем! Информация от придворного анонима». — «А нынче сыскала замену кавалеристу, завела ямщика-с!» Кривда о шашнях с Орловым резонанса не получила: все же генерал свиты, да и умер, царствие небесное, о восьмом годе.

А бред о старце укоренился и дал побегу. «Чем еще объяснить эту странную, бессмысленную привязанность? Что как не свидания — эти их встречи в доме Вырубовой, скрываемые от придворных чинов и слуг!.. А укромные чаепития и беседы? Об чем можно парлякать и спикать с неотесанным мужиком? На каком наречии?! Для чего сиволапого приглашать регулярно в Царское, гонять нарочного, посылать мотор?..» В ход пошло письмо императрицы, присланное Распутину на покровский адрес, похищенное монахом-расстригой Илиодором и по сходной цене проданное газетчикам. Попав из когтей да в зубы, целомудренное по чувству, глубоко набожное это письмо было столь искусно искажено, что прочитывалось как любовное излияние. Письмо, снабженное скабрёзными комментариями, широко ходило в печатных и рукописных копиях. Если потом, уже при советской власти, в очернении Александры Федоровны принял живейшее участие классик соцреализма граф Алексей Толстой (автор пригнобленного сочинения «Фрейлина Ея Величества. Интимный дневник А. Вырубовой», а также пьесы «Заговор императрицы»), то в те предреволюционные годы к очернению царицы, ее фрейлины и святого старца приложил руку основоположник пролетарской литературы, оказавший профессиональное и материальное содействие Илиодору в издании пасквиля «Святой чортъ». В недавнем прошлом иеромонах, в скором будущем мастер заплечных дел (будет нанят в ЧК для исполнения тайных казней), Илиодор — мирское имя Труфанов Сергей Михайлович — безбожно оболгал старца, но и не только: объектом его наветов была и царствующая чета. Скрывающийся в Христиании* пасквилянт письменно предложил Ее Величеству купить у него рукопись «Святого чорта», указывал даже цену: 60 тысяч; в случае отказа грозил распечатать во всех газетах. На грязную эту сделку государыня, естественно, не пошла, проигнорировав наглое предложение. И мятежный монах, профинансированный буревестником революции, угрозу осуществил.

Так слагалась, разрасталась Распутиниана, вылившаяся с годами в мощный поток бульварной литературы. Ладно бы, упражнялись тогдашние борзописцы, недоумевал Глеб, так ведь и нынешние варят на той же липе! Что на Западе, что у нас... Прежде чем убрать с глаз долой библиографическую справку о борзописцах, паразитирующих на Распутине, он выделил одного, особенно плодовитого, да и то потому лишь, что некто с такой же фамилией мелькнул среди ипатьевских

---

* Ныне Осло.

палачей. Не худо бы разобраться с этой парой однофамильцев, не родня ли? Как говорится, яблочко от яблоньки, от хорька помёт...

Из головы не шел скрывающийся за границей Илиодор. Вот он в суконной тройке, в штиблетах на пуговичках, бредет по булыжной улице, карябает взглядом унылые, с немецким акцентом, надписи на домах, медленно закипает. Не мил уроженцу донских степей здешний поганый климат! Это внезапное пекло в августе, посереде дождя... Раздражают замкнутые, себе на уме, провонявшие водорослями аборигены, их долговязые фру и фрекен, пожирательницы трески... Ну ничто не мило! Еще этот жид — набившийся в провожатые вертлявый Миней Кваранг — тараторит без умолку и без толку, уши пухнут от паразита...

В отелишке, где проживал Труфанов, спиртное давали лишь с часу дня, а душа стенала, жажда чарку безотлагательно, корила за вчерашнюю невоздержанность. О цели прогулки провожатому он не сказал, да и вышло бы несолодино. Миней был корреспондентом по Скандинавии от московского «Русского слова», газеты для беглого человека бесполезной. Объяснил ему причину столь раннего променада нуждой в бумаге. Дескать, корпел всю ночь, извел всю до листика, а у портье, скотины, в запасе не оказалось.

Миней, торопивший его с завершеньем «Святого чорта», тотчас вызвался проводить до писчебумажного магазинчика, где товар недорог и весьма недурного качества.

В лавке, куда они наконец пришли, снулый приказчик, получив десятикрановую купюру, долго копался в ячейках кассы, затем вообще ушел, пробурчав что-то нечленораздельное.

— Что он сказал, Миней? — спросил Труфанов, терпение которого уже лопалось.

— Сказал, не имеет четырех эре, пошел за ними к хозяину.

— Да мать твою перетак! — выругался распоп, пред глазами которого плавала рюмка ледяной водки и еще это, пенистое, ячменное, в оловянной кружке... — Пошли отсудова!

— Как можно! Нас не поймут или поймут неправильно!

— Да чхать мне на эти его эре!

Не дожидаясь спутника, Труфанов вышел из помещения. Было душно, млосно от жары и сырости, угнетали низкие кошомные облака. Вдруг с моря дохнуло свежестью, оваяло, охолодило душу, и тут — есть Бог на свете! — на другой стороне улицы он увидел изображение кружки с пивом. Толстая пена сползала с ее краев — маня и раня воображение.

Экс-монах прынул в бар, как спасенный в рай.

В полутемном зале, у стойки, одиноко восседал импозантный герр — в пенсне, с торчащей из-под усов трубкой.

Взгромоздясь на соседнюю табуретку, Труфанов щелкнул призывно пальцами.

Чернявый крепыш-буфетчик вынырнул из-за портьеры, спросил учтиво:

— Фрюштюкэн бир?*

Труфанов растопырил для наглядности пятерню, затем указал на пустой стакан:

— Фюнф водка ин айн гляс!**

— Русиш сто грамм? — улыбнулся герр.

— Русиш двести. Оберст, унд цвэй бир! Унд шнеллер!*** — приказал Труфанов. Затем, резко выдохнув, сглотнул на раз, по-казацки, пять жалких сорокаграммовых мерок.

— Bravo, руссе!

— А то! — важно отвечал монах.

Буфетчик поставил перед ним воужделенное пиво в литровых, оросившихся конденсатом кружках.

Герр с интересом пронаблюдал, как моментально исчезло содержимое первой кружки, беззвучно поаплодировал. На что Труфанов, отерев ладонями татарскую поросль вокруг губ, поделился мнением:

— Умеют варить, собаки...

Герр с улыбкой задал ему вопрос:

— Ви есть кто?

— Ми есть пилигрим.

— Все людьи есть пилигрим! Унзер вархафте Хаус**** там, — трубка взметнулась вверх, к потолку, декорированному рыбацкой сетью. — Одер там... — Мундштук указал вниз, в ноги, на половицу. — М-м?

— Одер в Германии, — веско сказал Труфанов, — а хаос, он везде хаос, что в Норвегии, что в России.

— Я биль Россия, биль Кавказ. Отшень карашо!

— Это уж кому как...

Герр рассмеялся и попросил счет, добавив что-то приглушенной скороговоркой. Затем повернулся к Труфанову:

— До сфитання, руссе!

Взгляды их встретились, и в этот короткий миг между ними скользнуло лучом пролетным странное чувство родственности, близости их судеб. Один уже предал веру, царя и отече-

---

*Подать пива? (нем.)

** Пять порций водки в один стакан! (нем.)

*** Бармен, и пару пива! Да побыстрей! (нем.)

**** Наш истинный дом... (нем.)

ство и был на полпути к мировой известности. Другому предательство предстоит совершить в будущем. Сейчас он в зените славы, без пяти минут Нобелевский лауреат. Через двадцать лет станет коллаборационистом и обретет оглушительное бесславие...

Они уже обменивались прощальным рукопожатием, когда в зале возник Миней.

— Сергей Михайлович! — начал было он выговаривать Труфанову за некорректное поведение, но вдруг осёкся. — Герр Гамсун?! Не может быть! А говорили, что вы в Гримстаде! — И, спохватившись, затарахтел на Deutsches.

— Энтшульдиген, — прервал его суховатым немецким извинением герр Гамсун. Потеснив газетчика, вышел из заведения.

Миней набросился на Труфанова:

— Ну, как можно? Я вас потерял!

— Ну, так нашел же?

— Вы знаете, кто с вами сейчас прощался?!

— Ну, и кто же?

— Азохн вэй!* Величайший европейский писатель, сам Гамсун! Кнут!!!

— Гм, европейский... Я, может, вселенским стану. Пушай он кнут, а я бич Господень. Пороть буду сукина сына Гришку. И эту Алису-неврастеничку, и дурачка Николку...

— Тс-с-с!

— Что такое?

— Ни слова, вас могут услышать!

— Кто? Вот этот тетерев? — отмахнулся Илиодор. — Да он по-нашему ни бельмеса!

Не успел Глеб подумать, что хорошо бы нечестивца тут же и осадить, как буфетчик с бесстрастным выражением на лице отчеканил на чистейшем русском:

— Так точно! Ни бум-бум.

— Что-что-что? — И без того выпуклые глаза Кваранга едва не выпали из орбит.

— Счет... — осипшим голосом попросил Труфанов.

— За вас уплочено-с.

— Чудны дела Твои, Господи! — С этими словами монах-расстрига поспешил вон, вдогонку за не менее перепуганным журналистом.

«Ну, как мы их?» — подмигнул Глебу из Христании оберст Иван Муравко, бывший матрос-потемкинец.

И подвинтил усы.

---

* О, горе мне (евр.).

1

У истоков эпоса о Распутине видное место занимает Джунковский. Досье на старца он собирал уже восемь лет. Однако же ни обвинения в хлыстовстве, оказавшиеся пустым звуком, ни материалы комиссий, снующих между Покровским и Петербургом, ни безликие донесения агентуры (ушел во столько, пришел в эстолько) никак не складывались в доказательство порочного, сектантского поведения Государева Друга. Что-то надобно было придумать новенького... Осенило в Москве. Бывая в Первопрестольной по делам полицейской службы, Джунковский нередко сиживал в ночном ресторане «Вилла Родэ», где после легкого, изысканного ужина любил подымить сигарою у камина. Всё было так и на сей раз.

— Не обеспокою, Владимир Федорович? — напирая на «о», спросил у него высокорослый худой усач в мятой пиджачной паре, в косоворотке, но с щегольской, инкрустированной янтарем тростью.

— Напротив! — живо ответил генерал. — Скрасьте мое одиночество, дорогой писатель!

— Благодарствуйте.

Сколько лет в свете вьется, а все вахлак вахлаком, подумал Владимир Федорович: еще бы смазные сапоги напялил... Вслух, однако, спросил учтиво:

— Каковы успехи с журналом «Летопись»? Как там у вас с главным тезисом: война войне? Есть достойные матерьялы?

— Осточертел мне этот журналишко, дорогой, сил нет! Свое писать некогда. Давно уж задумал одну повестушку, а руки все не дойдут; только сяду, только наострю перо, тут же дерут на части. Кто с набором, кто с обзором, кто с прошением!

— Если вы произносите этак уменьшительно *повестушка*, значит, следует ожидать роман и как всегда превосходнейший?

— Полноте, дорогуша...

— Прошу прощения за любопытство, а как будет называться будущая вещица?

— Пока не знаю. Рабочее название «В людях».

— Мило, мило! — (Ну и названьице, внутренне поморщился генерал, так и несет лакейской.) — И просто, и доходчиво.

По его знаку официант уже держал на подносе бутылку, обернутую салфеткой, и два бокала.

— Действуй, братец, — кивнул Джунковский.

Молодец официант, не уронив ни капли, наполнил бокалы, притом проделал все это на весу, в высшей степени виртуозно. А проделав, не уходил, топтался подле, словно бы что-то хотел сказать, но не мог насмелиться.

— В чем дело? — нахмурился генерал.

Официант дернул стеснительно кадыком:

— Простите, ваше превосходительство, одна персона просит господина Горького на минуточку.

— Что же ты эту персону сюда не привел?

— Упаси Боже, как можно-с!

— Кого еще нелегкая принесла, — озадачился Горький. — Что хоть за персона-то?

— Мужеского полу.

— Простите, Владимир Федорович, что оставляю вас. Обернусь мухой.

— А вот я вас не оставлю, даже и ненадолго! — В шефе полиции проснулся профессиональный интерес: с какими персонами водит знакомство неблагонадежный писака? — Даже и на одну минуту! Не хочу лишаться вашего общества, монами!

Адъютант генерала, сублильный юноша с легким пушком под носом, вскочил, посеменил за ними.

В вестибюле к Горькому метнулся некто лохматый, встрепаный, в сюртуке и бабочке на голой шее, пал в ноги:

— Максимыч, Христа ради не дай пропасть!

— Что с тобой, Диамантов? Встань немедленно! Опять запил?

— Никак нет, батюшка Алексей Максимыч! Пятый день ни капельки во рту не было! Кругом в долгах! Из пансиона изгнан! Сожительницею брошен, друзьями предан! Дворник, аспид, метлой побил!.. Хоть в петлю лезь! Да так и придется сделать, согрешить пред Господом... Ибо отчаянью нет предела.

Джунковский зашептал на ухо адъютантику:

— Подскажите, мой друг, кого эта образина напоминает?

— Да Распутина, ваше превосходительство, просто одно лицо... Что глаза, что нос и всё прочее...

— Распорядитесь, чтобы с субъекта этого глаз не спускали.

— Будет исполнено.

— И свяжитесь с Адриановым, дам указания насчет субъекта. Догадываетесь, какие?

— Никак нет, ваше превосходительство...

— Ну и не надо. Ступайте на телефон.

Пролетарский писатель пенял между тем деклассированному просителю:

— Ты у меня не медаль — на шее висеть! Сколько можно, Иродион?.. Вот тебе четвертной билет, больше не дам, пропьешь. Ступай в номера Оглоблина, доложишь там, дескать, я прислал. И приведи себя в человеческое обличье, смотреть муторно!

— Храни тебя Бог, Алексей Максимыч... по крест жизни... а образ твой... со святыми в благоволении... Что тут еще сказать...

Размазывая кулаком слезы, проситель, поталкиваемый в бока швейцаром, удалился чрез черный ход.

— Кто был сей страждущий? — спросил у Горького генерал.

— Родька Диамантов, артист. Луку у меня играл, во втором составе. И не худо играл, шельмец!

— Если не ошибаюсь, в пьесе «На дне жизни»?

— Просто «На дне», это афишаторы приписали про жизнь-то.

— Я уже понял, вы любите давать доходчивые названия.

— Да как ни назови, а ежели вещь удалась, она под любым названием хороша. Вон хоть покойного Льва Толстого взять. Ну что за название «Живой труп»? Жуть, если вдуматься. А вещь отменная: что ни персонаж, то судьба, страсть, бездна.

— Ну-с, рад был повидаться с вами, душевно рад. Прощайте, Алексей Максимович, — заспешил вдруг Джунковский. — У нас, служивых, всегда работа!

Кивнув адъютанту, он прошествовал в гардероб — к шинели, уже распятой на руках расторопного гардеробщика.

К выходу его сопровождал сам владелец заведения Адольф Родэ, увешенный по жилету цепочками и брелочками. Простившись с генералом, ресторатор увлек писателя в кабинет...

Какие узы связывали этих троих, столь разных людей? Джунковский — аристократ, эстет, выпускник Пажеского училища, свитский Его Величества. Горький — по происхождению мещанин, бродяга и богоборец. И прохиндей Родэ... Что зацепило Глеба, так это открывшаяся информация о рестораторе: при советской власти Родэ пристроился к Дому ученых, и отнюдь не привратником, а директором!..

А вот Горького было жаль. Неважный поэт, но великий прозаик и драматург. Сочинял драмы и мечтал написать трагедию, какие писались в древности на пергаменте.

И не подозревал, что давно уже, с того дня как связался с большевиками, пишет трагедию своей личности. На шагреновой коже своего дара.

2

Ранним морозным утром, затемно, в конспиративную полицейскую квартиру на Алексеевской (при соблюдении всех мер секретности) был доставлен антрепризный артист Диамантов. Внебрачный сын вятского прасола Дормидонтова.

Комната, куда втокнули Иродиона, была самая заурядная, с казенными мебельями, пыльными шторами, чахлым фикусом в деревянной кадке.

За массивным столом листал бумаги московский градоначальник, генерал-майор Адрианов, проинструктированный Джунковским. Дел на артиста было на грош, не более. В политике не замечен, по пьяному делу задерживался околоточным, случалось, сиживал за долги. В целом же аттестация охранного наблюдения была самая положительная. Полковник Мартынов, начальник Отделения общественной безопасности и порядка, склонившись за спиной генерала, давал вполголоса пояснения.

Иродион, еще окончательно не проснувшийся, но уже готовый к неведомым неприятностям, подстерегающим творческого человека на всяком шагу его жизненного пути, сидел посередине комнаты; прислушиваясь, по-гусиному тянул шею.

— Имя, отчество, фамилия? — оттопырил губу Мартынов.

— Иродион, сын Тимонов. На театре фамилия Диамантов, через *i* с точечкой.

— А по паспорту кто ты есть? — продолжал Мартынов.

— Дормидонтов. Через простое *и*.

— Гм, не один ли бес, что Диамантов, что Дормидонтов?

— Относительно бесов ничего сказать не могу-с. Но только диамант — драгоценный камень, а Дормидонтов так, ерунда и дрянь.

— Фамилия ваша природная, — опять мягко вмешался градоначальник, — переводится с греческого как с копьем благодуществующий. Иродион означает: Владыке песнь. Тимон, так же по-гречески, — почитающий.

— Весьма польщен... — Артист позволил себе легкую, в тон, улыбку. — Всегда осызал в себе нечто этакое, византийское!

— Встаньте, пожалуйста.

— Чего-с?

— Встань, приказано! — рывкнул полковник.

Генерал придержал полковника легким шевелением пальца, повторил:

— Встаньте, Иродион Тимонович. И пройдитеесь.

Иродион прошелся.

— Помедленнее. Вот, уже лучше. Хорошо, отлично... Садитесь. Сколько вам лет от роду?

— Столько же, сколько было Спасителю на Голгофе!

Генерал, поморщившись, задал следующий вопрос:

— А что это за странный наряд на вас?

— Как есть по нашему бедному состоянию, рубище слугителя Мельпомены.

— Полковник, распорядитесь одеть господина Диамантова подобающе; рубаху шелковую, допустим, красную и, разумеется, с кушаком, ну там сапоги, порты, в общем, вы понимаете... Да, из верхнего одеяния — шубу. Теперь что у него с бородой? Отчего такая ассиметричная?

— Так драли, вашество-с, и с левой щеки, и с правой, пожаловался артист. — В трактире Житкина военные господа изволили вырвать прядь. А всё от варварской ненависти к искусству!

— Мартынов, бороду привести в порядок.

— Да наш бутырский брадобрей из этой мочалки шедевр сварганит, ваше превосходительство!

— Отставить бутырского брадобрея. Пригласите мастера, из французов. Того же месье Жульена.

— Слушаюсь.

— И чтобы прическа была на прямой пробор.

— Не сомневайтесь, будет ему на прямой пробор.

Градоначальник наконец удостоил Иродиона взглядом, глаза в глаза.

— Скажите-ка, а смогли бы вы сыграть, например, Гамлета?

Артист приосанился, с большим самоуважением произнес:

— Другой бы на моем месте, вашество, ответил да. А я вам отвечу нет. Манерам англичким не обучен. Тоже и драться шпагами не умею.

— А кого смогли бы?

— Из русских авторов — кого угодно! Хотя из Островского, хоть из Толстых — что Алексея Константиновича. Что Льва Николаевича. Из Чехова много чего могу-с.

— А Распутина сумели бы показать?

— Позвольте осведомиться, он из какой пьесы?

— Он из жизни.

— Как, вот этот, который злодей у трона?!

— Он самый. И сыграть его надобно в натуральной жизни.

— Простите, я человек богобоязненный, строгих правил. Конечно, теперь я в затруднительных обстоятельствах... Однако же нет, нет и нет! Ни за какие деньги.

Вторгся, не утерпев, Мартынов.

— А никто тебе денег не предлагает! За так сыграешь, не то упеку в Сибирь! Видишь, какое дело на тебя собрано? — Он потряс для наглядности журналом с записями служебных трат. — На десять лет каторги с поселением!

— Помилуйте, за что-с?! Ежели за канделябр, что я нечаянно из театра вынес, так то было во спасение человекцев, опохмелить товарищей!

— Выйдите, господин Диамантов, — подавив улыбку, приказал Адрианов. — Побудьте где-нибудь рядом.

Полковник вызвал звонком агента Ошуркина, ражего дентину под два метра ростом, распорядился:

— Посиди с ним в передней.

Диамантова увели.

— Рожа, конечно, мерзкая, но какое сходство! — поделился впечатлением Адрианов.

— Так точно, сходство небывалое, Ксан Ксаных!

— Хотя, конечно, всяк человек на кого-нибудь да похож... — Генерал покосился неволью на подчиненного, вылитого примата, вздохнул. — Когда будет готов, снимите с него фотографии для филёров. И приглядывайте, чтобы с настоящим Распутиным не перепутали. Снабдите отличием, скажем, в одежде что-нибудь этакое, знак какой-нибудь, шапку, что ли, особенную. Словом, обдумайте досконально, взышу.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Дайте ему денег... рублей пятьсот... нет, лучше тысячу. Чтобы хватило на хороший загул. Двадцать пятого марта он должен появиться на Каланчевской площади, натурально как прибывший с петербургским поездом.

— Понято, ваше превосходительство!

Градоначальник подал на прощанье руку, и Мартынов сердечно пожал ее, думая про себя: ну уж дудки, такие деньги какому-то... Дам пару сотен и будет с него по глаза и уши. Наставляя Диамантова, каким подобающим (а правильнее сказать неподобающим) образом прилюдно себя вести, Мартынов велел питаться ухой, полбяной кашей, закусывать репой с луком, пить ограниченно и лишь мадеру.

— Ваше превосходительство, лучше сразу на эшафот! — взмолился Иродион. — Не приемлет возвышенная душа таковые блюда! Организм осквернять не буду-с.

— Еще как будешь! А про эшафот подумаем. — Мартынов захохотал. — Тебе как больше нравится? Обезглавливание или четвертование?

— Грех так шутить, — горько сказал артист.

Теперь у него были деньги, был карт-бланш пировать сколько душе угодно и без опаски, но ощущения счастья не было. Хуже того, не отпускало ощущение надвигающейся беды. Оно усилилось, когда учили мерзопакостным выражениям в адрес государя и государыни. Расписываясь в обязательстве

о молчании, Диамантов ощутил озноб в становой жиле, точно бы сама смерть погладила по спине.

Понял: расписывается под собственным приговором...

3

Просматривая груды книг о Распутине, всюду Глеб наткался на безобразную сцену в «Яре». Хорошо покуролесил Иродион, с выдумкой. Тут и циничные обнажения, и речи богохульные, и пристаивания к хористкам; видать, в самом деле был недурной артист. Верный своей натуре, прежде чем выступить в образе Распутина, пару дней он провел с приятелями на Кузминских дачах. Сумев увернуться от наблюдения. Поэтому слежка Московского охранного отделения началась не 25 марта, а 27-го, то есть когда подлинный Распутин уже выехал из Москвы и когда опухший с перепоею его двойник объявился на перроне Николаевского вокзала.

Джунковский не сразу дал ход компрометирующему досье, дал ему вылежаться. 1 июля попросил высочайшей аудиенции, где и вручил «Записку» о пресловутом кутеже в «Яре». Не выгорело; с подачи государя близкий к царской семье Николай Саблин, капитан императорской яхты «Штандарт», взялся за расследование эксцесса. Сравнив даты из «Записки» с донесениями приставленных к Распутину наблюдателей, уличил автора в подтасовке и, следовательно, в инсинуации. Джунковский слетел с подмостков без промедления, без соблюдения протокола, предусмотренного для таких случаев как отставка высокопоставленного лица.

Но копия «Записки» уже была пущена по рукам. Попала она и к депутату Госдумы правоверному монархисту Владимиру Митрофановичу Пуришкевичу, и к двоюродному брату царя, двадцатипятилетнему великому князю Дмитрию, и к просто князю, молодому Феликсу Феликсовичу Юсупову (по титулу он еще и граф Сумароков-Эльстон), — к трем главным участникам кровавого преступления.

Что представлял собой Пуришкевич, склочный сорокашестилетний фат, Глебу стало ясно из дневника его, изданного в Киеве в 1918 году — позёрство и эпатаж. Номер второй — великий князь Дмитрий. Неглубокий, легко внушаемый и мягкий от природы юноша. Как все подобного склада люди, в критической ситуации мог проявить неожиданное бесстрашие, — образно говоря, выказать героизм зайца, который, случается, нападает на своего преследователя. Что еще? Состоял в предосудительной связи с Феликсом, бисексуалом, любимцем света. Феликс Юсупов... Красавчик, богат несметно. Ради пушного восхищенья своей особою, всегда готов был

ко всякому сумасбродству, сколь порочно оно бы ни было. Пуришкевич называет и двух пособников: польского доктора Лазаверта и поручика С. Лазаверта он описал, по-видимому, близко к правде, оттого и персонаж получился довольно выпуклым: дюжий дяденька то апоплексически багровел, то белел до молочно-восковой спелости, пока вообще не упал в обморок. Проку от него оказалось мало. Немного проку было и от поручика С. (Сухотина), всё путавшего и всё делавшего не так, как задумывалось изначально; тем не менее, имя его прогремело наравне с Пуришкевичем и Юсуповым.

В ужасе от происходящего Юсупов сделался невменяем. И было от чего потерять рассудок: два часа пичкал отравленными сладостями, стрелял, и, казалось бы, по всем признакам застрелил, а мертвец вдруг встает на ноги и уходит прочь. На истерический вопль его примчался куривший в другой комнате Пуришкевич, ахнул, кинулся за ускользящей от расправы жертвой. Трясущаяся рука сжимала миниатюрный «бульдог соваж»*. С третьего выстрела пуля настигла цель. Старец упал ничком, но как бы всё еще продолжал бежать, загребая ногами снег. Четвертый выстрел. Теперь обезумел и Пуришкевич, пустившийся в пляс на трупе, — примерещилось, что Распутин еще жив. Григорий же никакой дьявольской неуязвимостью не обладал. Среднего роста, далеко не богатырского телосложения, в детстве едва не умерший от болезней, был он обыкновенным человеческим существом. Но убийцам увиделся исполин, которому нипочем ни пуля, ни цианид.

Несостоятелен миф о том, что брошенный в полынью Распутин был еще жив и, поддерживаемый нечистой силой, еще дышал. Воду в легких прозектор не обнаружил. Зато зафиксировал побои, нанесенные ему прижизненно.

По канонам церкви утопленник ни при каких условиях не может быть причислен к святому чину. Для того и топили. Смерть Распутина, как и вся жизнь его, была оболгана. В дни разгульной Февральской смуты осквернили и прах его. Глумящаяся чернь вырыла гроб с останками, выволокла на свет, чтобы сжечь на большой дороге.

Убить и сжечь.

Под этим девизом уральский охлос расправился и с Романовыми.

Продолжение следует

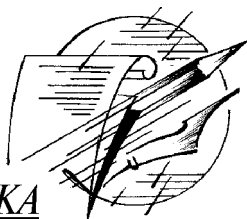
---

* *Sauvage* в переводе с французского означает *дикий, дикарь*, вполне подходящее звание и для владельца. *Прим. Г.Е.*

ГДЕ НАШЕ ПОЛЕ КУЛИКОВО?

Горьковато-солончатый привкус надвигающейся катастрофы сегодня ощущают многие. Даже белорусы, привыкшие к тому, что их Батя-президент традиционно не дает свой народ в обиду, сегодня чувствуют смутную тревогу. А как же иначе? Если могучий авианосец по имени «Россия» из-за огромных рыночно-капиталистических пробоин пойдет ко дну, то и белорусам, дрейфующим вблизи него на своем небольшом спасительном плоту, мало не покажется.

А беспокоиться, действительно, есть о чем, если даже отцы-вдохновители нашего рыночного, частнокапиталистического «чуда» нынче выдают такое: *«Россия шаг за шагом погружается в ад... По сравнению с советским периодом поток инноваций упал в 15 раз... По объему производства комбайнов наша страна вернулась в 1933-й год, тракторов — в 1931-й, вагонов — в 1910-й, тканей и обуви — в 1900-й... Уничтожается все, что хоть как-то обеспечивало независимость нашей страны... По оценкам экспертов, до 70 процентов экономики уже не принадлежит России... И территория тоже не наша, она поделена между новыми и старыми иностранца-*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ми: на какой-то части устроил свой концлагерь для населения один олигарх, еще на какой-то — другой... Такое впечатление, будто нация махнула рукой на свою страну... Кто-то там наверху колобродит, хапает, выпускает кровь из России, сдает ее супостатам за тридцать сребренников, а народ сопит тихо в две дырки, словно не ему здесь жить, плодить детей и внуков, ухаживать за могилами предков... Нынешнее всеобщее равнодушие губит страну, если люди не проявят активности и протеста, нам конец» (цитата из книги М.Полторанина «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса». — М.: Эксмо, Алгоритм, 2010).

Сегодня становится ясно — генеральное сражение за освобождение нашего Отечества произойдет в духовно-нравственной, идеологической, связанной с формированием мировоззрения человека и общества сфере. В свое время Святейший патриарх Алексий II открыто предупредил нас о необходимости такого сражения: *«Мы должны ясно осознать, что против нашего народа ведется хорошо спланированная бескровная война, имеющая своей целью уничтожить его... Это обязывает нас бороться за спасение нашего народа, нашей страны, организовать национальное сопротивление действиям, вызывающим нравственную деградацию молодого поколения россиян... Мы должны поднять русский народ на борьбу за жизнь своих детей...»* («Наш современник», 2009, №2).

Важно понять, что никакой рост ВВП, ни самое большое приращение уровня жизни, ни тем более демократия, ни даже подчинение паразитарной банковско-ростовщической системы интересам народа не спасут Русскую цивилизацию от запущенной самоликвидации, если мы не защитим наше традиционное восточнославянское мировоззрение. То самое миропонимание, которое на протяжении веков позволяло нам, русским, — великороссам, малороссам и белорусам — ощущать себя не рыночной толпой конкурирующих друг с другом субъектов, но крепкой, сплоченной, непобедимой дружиной. Мировоззрение, миропонимание, мировосприятие народа является ключевым стратегическим экономическим ресурсом, контроль над которым всецело определяет цели и соответственно результаты развития всей страны

Дело в том, что именно мировоззрение народа как система господствующих в обществе идеалов, ценностей, ориентиров выполняет важнейшую функцию управления, связанную с *формированием целей* любого вида активности. Фундаментальные интересы народа, в первом приближении сводящиеся к благоденствию, «преломляются» через его миропонимание и трансформируются в систему конкретных целей,

---

позволяющих реализовать эти интересы. Демократические же институты всего-навсего реализуют волю народа, обеспечивая достижение сформулированных им целей — истинных или ошибочных. С этой точки зрения, роль традиционно обожествляемой либерал-реформаторами демократии на самом деле весьма скромна и второстепенна.

Очевидно, что исходя из господствующего в обществе мировоззрения, стоящие перед страной цели могут кардинально отличаться. Не потому ли одни демократические страны непрерывно воюют, нагло захватывая чужие активы по всему миру, в то время как другие мирно трудятся, строя тракторы и выращивая хлеб? Вот почему битва за мировоззрение народа имеет ключевой, всеобъемлющий, всё определяющий характер. Однако мы постоянно забываем об этом, наивно втягиваясь в лукаво навязываемую нам борьбу за второстепенные, куда менее значимые, а порою даже откровенно вредоносные ценности — демократию, свободы и права индивидуума, либерализацию, свободный рынок...

К сожалению, на протяжении последних десятилетий наблюдается массированная атака на наше традиционное русское миропонимание, основанное на принципах добронравия, бескорыстного служения Отечеству, приоритета обязанностей, совести, коллективизма, взаимовыручки. Вместо них, не раз испытанных и не позволивших нашим великим предкам оказаться на свалке истории, нам лукаво подсовывают западные «общечеловеческие» ценности, которые традиционно возводят в абсолют права и свободы индивидуума, боготворят рыночную конкуренцию как беспощадную «войну всех со всеми» за их осуществление в условиях, когда ресурсов на всех уже явно не хватает.

Великое фарисейство сокрыто в развернувшейся на просторах нашего Отечества пропаганде этих самых западных «общечеловеческих» ценностей. Они традиционно апеллируют к обыденным, казалось бы, само собой разумеющимся и потому расхожим представлениям типа «свобода всегда лучше несвободы», «либеральный рынок дает равные возможности», «демократия — это власть народа», «частный собственник — эффективный собственник». Однако стоит человеку призадуматься над этими якобы само собой разумеющимися магическими лозунгами, как становится очевидным «их двойное дно».

Для иллюстрации магии их великого лукавства лучше всего прибегнуть к авторитету тех, кто знает суть западных «общечеловеческих» ценностей, что называется, не понаслышке. Так, шестнадцатый президент США Авраам Лин-

---

кольтн (1809—1865) прямо предупредил нас: «Овца и волк по-разному понимают слово «свобода», в этом суть разногласий, господствующих в человеческом обществе».

Вся проблема, оказывается, заключена в том, что один в силу своего мировосприятия наивно полагает, что свобода служит лишь тому, чтобы беспрепятственно творить и создавать. Другому же, в силу его иного миропонимания, свобода нужна лишь для того, чтобы беспрепятственно снять с первого шкуру. Уж не поэтому ли мы, так наивно уверовав в западные права и свободы, закономерно превратились в легкую добычу нахрапистых, беспринципных, безжалостных олигархов-инородцев? Вот почему защита нашего традиционного русского мировоззрения должна предусматривать обязательное просвещение наших соотечественников в вопросах того, как живущие на Земле народы и исповедуемые ими религии относятся к другим людям и этносам. Как говорится, предупрежден, значит, вооружен. В эпоху обостряющейся конкуренции за ограниченные ресурсы жизненно важно знать, что даже среди нас есть люди, которые изначально воспринимают ближнего не как равного себе, а смотрят на него как на добычу, рабочий скот, расходный материал для достижения собственных корыстных целей.

Важно, наконец-то, понять, что воспринимающий ближнего в качестве добычи или скота инородец в условиях демократии, либерализма и свободного рынка имеет несравненно более широкий выбор оружия, нежели тот же русский человек, изначально стесненный нормами морали и нравственности. Порождаемое либерализмом и демократией неравенство возможностей становится всеобъемлющим, если негодяй к тому же еще и сказочно богат, ибо объем демократических прав и свобод, по большому счету, прямо пропорционален толщине кошелька. Действительно, сегодня уже вряд ли кому-либо придет в голову утверждать, что, положим, возможности демократично провести в парламент или в президенты «своего человека» равны как у олигарха-медиамагната, владеющего рядом формирующих общественное мнение телеканалов и газет, так и у врача, учителя, инженера. Не потому ли в эпоху «нашего» демократического, либерально-рыночного «оздоровления» все экономические, а затем и политические высоты продолжает захватывать откровенно безнравственная антирусская мразь, в то время как титульным народам восточнославянских стран в основном отведена роль расходного материала в процессе чужого обогащения? По этому поводу известный английский драматург Бернارد Шоу в свое время изрек ставший широко изве-

---

стным афоризм: «Демократия — это воздушный шар, который висит у вас над головами и заставляет глазеть вверх, пока другие люди шарят у вас по карманам».

Хотя многие из нас глубоко и искренне убеждены, что «эффективный собственник — это частный собственник», важно иметь в виду следующие моменты. Во-первых, если «эффективный собственник» изначально является подлецом, то это означает лишь то, что с народа более эффективно будут снимать шкуру, и только. Во-вторых, добронравный обыватель, наивно надеясь сам стать эффективным собственником, в силу описанных выше причин неизбежно попадает в разряд подлежащего купле-продаже на рынках труда ресурса, где он вынужден продаваться точно так же, как обычная колбаса, сырье, удобрения или рабочий скот. А общенародная собственность закономерно достается изначально более сильным, хорошо организованным, как правило, ассоциированным с Западом, а значит, куда более богатым инородческим кланам. В-третьих, несмотря на поистине «волшебные» управленческие таланты частного, доля расходов государства в ВВП технологически развитых стран в период с 1870 г. почему-то выросла почти в 4,5 раза — в среднем с 10,5 до 45,8%. И наконец, в-четвертых, навязывание нам мифа о «чудотворной» силе приватизации имеет своей истинной целью создать условия для захвата наших наиболее эффективных активов за «цветные бумажки» — главную продукцию западных стран, то есть фактически задаром. Не потому ли до 70% экономики в России, как об этом свидетельствует М. Полторанин, ей уже не принадлежит?

Важно пояснить, что западные «общечеловеческие» ценности, на самом деле, призваны привить человеку и обществу в целом признаки, свойственные для животного мира. Возведение в абсолют прав и свобод индивидуума не просто дезинтегрирует, «атомизирует» экономику и общество, но и легитимирует, провоцирует конкурентно-рыночную борьбу как всеобщую битву всех со всеми за дефицитные ресурсы. Как следствие, обществу навязывается культ индивидуализма, силы, превосходства, доминирования в стаде, гедонизма, стремления удовлетворить свои неумные потребности любой ценой, в том числе путем нещадной эксплуатации человека и природы. Все это находится в полном соответствии с «законом рыночных джунглей». Задумайтесь, разве не эти западные «общечеловеческие ценности» есть первопричина того, что на свет Божий, откуда ни возьмись, вылезли бесчисленные толпы киллеров, рэкетиров, коррупционеров, наркоторговцев, сутенеров, педофилов и прочих извращенцев?

Разве не стремление до отказа набивать свои бездонные кошельки-желудки есть основная причина того, что природа уже не в состоянии удовлетворять безграничные аппетиты рыночного гедониста? А потому не западные ли «общечеловеческие ценности» являются первоисточником смертоносного, угрожающего жизни на Земле, глобального конфликта человека и природы?

Вот почему либерально-рыночные, частнокапиталистические, демократические реформы в странах бывшего СССР стали самым разрушительным за всю тысячелетнюю историю Русской цивилизации актом инволюции, гигантским шагом назад, возвратом в кишашие рыночными животными джунгли. Будучи разобренным, рыночно-атомизированным, русский народ просто обречен стать легкой добычей для сбившейся в сплоченную «шакалью стаю» олигархов-людей и олигархов-стран... Уж не поэтому ли сегодня несметные богатства России полноводною рекою либерально утекают на Запад, а выручка от ее продажи столь же демократично отправляется за ними следом? А иначе с чего бы это «цивилизованный» Запад столь искренне заинтересован в привитии нам этих самых пресловутых «общечеловеческих ценностей»? Ведь не из-за теплой отеческой любви к России, Беларуси, Украины и их народам, на самом деле...

Таким образом разрушение мировоззрения народа со всей очевидностью подрывает подлинную демократию — народовластие, экономическую и государственную безопасность, возможность устойчивого развития цивилизации в целом. Обращаем внимание соответствующих государственных органов и служб, что согласно статье 3 конституций России и Беларуси именно народ является единственным источником власти в стране. Это значит, что интересы народа первичны, а потребности малой его части — нескольких тысяч частных — второстепенны, подчинены, зависимы, а совсем наоборот. Поэтому узурпация экономической и политической власти через «прихватизацию» собственности и государства кучкой олигархов и их властных покровителей не просто аморальна, но *антиконституционна*.

Кроме того, согласно статьям 15 и 54 Конституции Беларуси, а также преамбуле и статье 44 Конституции России все граждане и общественные институты, включая СМИ и систему образования, обязаны сохранять и развивать культурное наследие, традиции своего народа, основанные на духовности и нравственности, соборности и беззаветном служении Отечеству. Следовательно, трансляция на территории Союзного государства чуждых нашим народам западных,

---

сугубо индивидуалистских и корыстных «ценностей», объективно дезинтегрирующих общество, культивирующих потребительство и всеобщую рыночную вражду и тем самым лишаящих экономику глобальной конкурентоспособности, точно так же *антиконституционна*. Для решения перечисленных в статье проблем жизненно важно вернуть указанные институты, включая государство, в правовое, конституционное поле. Их руководители должны знать, что указанная антиконституционная деятельность осознается, фиксируется и рано или поздно будет предъявлена «к оплате».

Итак, спасение гибнущего Отечества немислимо без того, чтобы защитить традиционное для восточнославянских народов коллективистское, основанное на добронравии и уважении к мирному труду миропонимание. Сегодня жизненно важно остановить массивованное внедрение в общественное сознание индивидуалистских, эгоистических, гедонистических, провоцирующих «войну всех со всеми», а значит, несущих смерть и разрушение, западных «ценностей» в духе «американской мечты». Без этого никакие даже самые-самые демократичные институты не остановят гибели нации, которая из-за искаженного мировоззрения ошибочно представляет цели и пути реализации своих фундаментальных интересов.

Мы уверены, что кардинальный прорыв в союзном строительстве и белорусско-российском единении во имя спасения Отечества возможен, если в основу экономического развития обеих стран взамен прозападных «общечеловеческих ценностей» положить наши общие традиционные мировоззренческие восточнославянские идеалы.

Суть последних, в общем-то, хорошо известна и сводится к следующему:

— государственная власть и предпринимательская деятельность для служения Отечеству и своему народу, а не для корыстного стяжания;

— приоритет нравственных начал во всех сферах жизнедеятельности, включая экономику, право и политику;

— первичность обязанностей перед Родиной, обществом, семьей, а не одних только индивидуальных прав и свобод;

— коллективизм, сотрудничество и взаимовыручка, а не дезинтеграция и рыночная конкуренция как «война всех со всеми»;

— культ семьи и здорового образа жизни, а не гедонизма и всяческих извращений.

Уверены, что указанные ценности могут и должны стать не просто «катализатором» жизненно важной интеграции в рамках Союзного государства и всего постсоветского про-

---

странства, но и условием выхода цивилизации на траекторию по-настоящему устойчивого, бескризисного, бесконфликтного развития. Через призму нравственности можно и должно оценивать деятельность ростовщика, спекулянта, биржевого игрока, землепашца, рабочего, врача, учителя. Идея нравственности и нравственной экономики, которая мало у кого вызовет отторжение, может и должна быть использована для верификации фарисейской концепции либерализма и свободного рынка. Ключевой целью нравственной экономики должна быть объявлена не максимизация рыночной прибыли избранными за счет бездушного использования большинства во имя ее получения, а расширенное воспроизводство нации, достигаемое через максимизацию инвестиций в человеческий потенциал нации и принадлежащие ей активы...

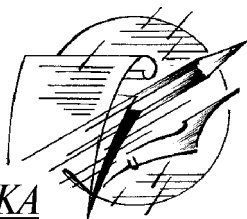
Думается, что под знамена нравственности на нашем современном «поле Куликовом» можно собрать весьма и весьма разнородные, однако мыслящие национальными интересами силы — от зеленых и националистов до православных и коммунистов. Это объединение в боевую дружину представляется особенно важным, если учесть, что враг традиционно делает ставку на реализацию веками испытанного принципа «Разделяй и властвуй!», старательно поддерживая в обществе разброд в убеждениях и «какофонию» в мыслях по всем направлениям и на всех уровнях.

ЭТИ УЖАСНЫЕ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ...

В дни, когда внимание всей России было приковано к Манежной площади, газета «Известия» под заголовком «Пульт личности» опубликовала интервью с социологом культуры, главным редактором журнала «Искусство кино» Даниилом Дондуреем.

Поводом стали не митинги московской молодежи в связи с убийством спартаковского футбольного фаната, которые впервые с 1993 года явили нам массовое недовольство властью, выраженное в агрессивной форме. Нашлась не менее важная тема — обеспокоенность либерально настроенной части общества передачей «Суд времени», выходявшей на 5-м канале Санкт-Петербургского ТВ.

Замыслили передачу как очередное разоблачение советского строя, но получилось все наоборот. Честное, без «подкручивания счетчика» телевизионное голосование (что было условием участия в передаче Сергея Кургияна) выявило удивительную картину: в поддержку всего, что олицетворяло собой Советский Союз и социалистический строй, стабильно высказываются 9 из 10 зрителей! Это не просто

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

поражение либералов и демократов, это форменный разгром, лишаящий нашу «элиту» и ее идеологию последних признаков народной поддержки.

«Перестройка — не выход из системного тупика, а катастрофа, ГКЧП — вовсе не путч, а попытка предотвратить распад Советского Союза, — начинает свое интервью корреспондент «Известий». — *Это лишь часть итогов голосования подавляющего большинства зрителей программы «Суд времени». Одни трактуют такие результаты как полный провал в нашей стране либерально-демократической идеи. Другие считают, что это не более чем рейтинговый телевизионный трюк».*

Что же думает по этому поводу Даниил Борисович Дондурей? Третий либерал не подкачал и отважно отстреливается из глубокого окопа. Оказывается, голосующие по телефону люди — непонятно кто такие, случайный народец. Но по их реакции можно почувствовать, что именно они, их мышление является тормозом развития страны: «Их суждения не отражают общественное мнение... Социологи не зря так пекутся об обоснованности своей выборки — только она позволяет получить адекватный, более или менее достоверный срез социальных настроений».

Дондурей знает, что говорит. Интернет заполнен реакцией того самого случайного народа на «сверхточные» опросы его коллег-социологов. К примеру, ВЦИОМ публикует опрос, согласно которому лишь 40% россиян хотят объединения с Белоруссией в одно государство, в это же время опрос «Левада-центра» дает вдвое меньшие цифры. А если мы с вами проведем опрос на эту тему среди знакомых и родственников, то не к тем же 90 процентам будет стремиться цифра? И что это за социология? Какое государство, такая у него и социология.

Вот что рассказывается в одной газете: «Ещё горящее лето не перешло в пылающую осень, как исследователи из «Левада-центра» убедились, что в целом мы довольны, как власть боролась с лесными пожарами, и у нас нет претензий к верховным огнеборцам... Хотя этим летом даже в стельку пьяные бормотали, что главной причиной лесных пожаров, уничтоживших тысячи домов и десятки людей, стали реформы в лесной отрасли».

В Интернете ходит шутка: «Социологи выясняют, что думает народ: поддерживает капитализм или же хочет назад в социализм. Делается это так: берем Абрамовича, показываем на него указкой: «А вот это, дети, капитали-и-изм. Хотите?» Дети (хором): «Не-е-ет!». Записываем: «Все хотят в социализм».

Видимо, таким образом и в «Суде времени» могли бы поработать российские социологи. Остается только удивляться, что авторы передачи, даже ярый «борец с фальсификацией истории» Сванидзе, не догадались привлечь боевой отряд социологов к борьбе с ненавистными «красными».

Все двадцать лет реформ в России социологи, ссылаясь на свои опросы, утверждали, что демократия принята большинством российского общества, что движение к экономическим и социальным изменениям необратимо, народ не приемлет социализма и старается побыстрее забыть рухнувшего гиганта — СССР, с его казарменной дисциплиной, вечной нехваткой всего, очередями и пустыми прилавками. Но едва тот же народ без всякой социологии принял активное и самостоятельное участие в опросах «Суда времени», голосуя «не в ту сторону», не за тех, кто употребляет слова «свобода» и «демократия», характеризуя одно из самых несвободных и несправедливых обществ в мире — современную Россию, — этот народ немедленно объявляют «нерепрезентативным». Быдло, что тут поделывать!

Однако не это привлекает внимание в интервью. И даже не оскорбления, наносимые Дондурею всем тем, кто считает «перестройку настоящей катастрофой, а ГКЧП — попыткой предотвратить распад СССР». Несогласие с развалом страны он считает ужасным, мнение людей о происходящем — «давно сформировавшейся, забетонированной картиной мира», наделяет тысячи голосовавших против преступного эксперимента над страной, который совершается последние два десятилетия, «корыстным сознанием», ловко пытается связать это именно с социализмом, наследие которого — коррупция — мешает строить счастливое настоящее России. «Вот президент объявляет коррупцию важнейшим злом — в этом году мы откатились в мировом рейтинге со 146-го места на 154-е. Но граждане-то относятся к ней вовсе не так нетерпимо, как принято считать. Более половины считает, что с ее помощью можно решить проблемы».

Ну да, народ «не тянет», надо поменять народ...

Человек, называющий себя исследователем культуры, зарабатывающий на культуре при всех режимах, либо не знает истинного положения дел в своей стране, либо откровенно пытается выдать желаемое за действительное. Коррупция существовала сотни лет, придавить ее всеохватность удалось только при социализме — любителей брать «борзыми щенками» исключали из партии, изгоняли с работы, сажали за решетку. И только в нынешней России взяточники наконец-то разгулялись всюю. Да так, что даже прези-

---

денты наши вынуждены бить тревогу и вести длинные мало-содержательные разговоры на эту тему. Но Дондурей кивает на социализм в умах людей — он, мол, негодный, мешает нетерпиво относиться к коррупции.

Это, повторим, не самое удивительное в суждениях социолога культуры. Похоже, впервые в постперестроечной истории представитель группы разрушителей могучей страны открыто отрешивается от содеянного. Неужели дошло?

Вот цитата из его интервью: «В нашей стране сегодня нет идеологии. Никто ее созданием не занимается. А что тогда делают медиа? Приведу только один пример: в начале 90-х годов роль Сталина в отечественной истории положительно оценивали 10—12% населения, а в марте 2010-го — уже 51—57%... Чтобы достичь таких цифр одобрения образа «отца народов», нужна была колоссальная ежедневная работа с массовыми убеждениями. Косвенно, но неотвратимо, используя многие психологические техники, нужно было заниматься реабилитацией тирана... А ведь «старые песни о главном» трудятся на всех каналах уже два десятилетия».

Стоп. Где это Дондурей углядел «колоссальную ежедневную работу с массовыми убеждениями» по восстановлению доброго имени Сталина? По Дондурею выходит, что и власть проводит такую работу, и вся мощь российской либеральной культуры брошена на эту цель. Хотя на самом деле все 20 последних лет ежеминутно, ежечасно, ежедневно Сталина обливали газетными и телевизионными помоями все кому не лень из наших либералов. И даже теперь, когда большинство народа, как признают сами демократы, не желает больше внимать этой стряпне, на руководство «правами человека» в России назначается странная личность, которая объявляет первейшим приоритетом «десталинизацию страны». Может быть, как в анекдоте, дустом попробовать?

«Преодолеть в собственном сознании социалистические заморочки — поистине циклопический труд всех российских общественных институтов. Подобная задача не ставилась. В результате представления миллионов российских граждан отстают от адекватного понимания актуальных проблем — того, что принято называть вызовами времени, — на 20—50 лет. Строители модернизирующегося общества до сих пор живут с подсознательным ощущением того, что ни Брежнев, ни даже Берия еще не умерли. А это значит, что происходящее — по своим главным координатам — воспринимается через призму давно омертвевших представлений», — вещает Дондурей.

И далее: *«Людей учат ностальгически восхищаться коммуналками, дворовой дружбой, портвейном, Пьехой или Паул-*

сом. В результате нынешние уже приспособившиеся к новым условиям жизни обыватели — забывающие о дефиците, партках и беспрецедентном хамстве — в «Суде времени» голосуют 89% к 11% в пользу прошлого. Они давно работают на частных предприятиях, пользуются преимуществами свободы, отдыхают за границей, но с замиранием сердца ожидают цикл Леонида Парфенова «Какие наши годы», чтобы еще раз погрузиться в чудесные 70-е. Так что абсолютно правы авторы «Суда времени» — главным, никуда не девшимся детищем, казалось бы, официально отторгнутой эры остался именно советский человек. Ему нельзя объяснить, что ностальгия — это отказ от личной активности, страх перед морем возможностей, консервация всего и вся, обреченность нашего отставания».

Даже в голову не приходит социологу культуры, что бесовские кривляния на эстраде безголосых бездарей, называемых звездами, отвращают, и именно по этой причине люди действительно с ностальгией вспоминают «старые песни о главном», изредка появляющиеся в эфире. Потому что создавались эти песни людьми, любящими свою страну, от души и для души.

А что до «нашего отставания», то ностальгирующий по социализму обычный человек виноват в этом в последнюю очередь, и бросать ему какие-то обвинения — после всего, что сотворили с ним и его страной, — просто подло. Впрочем, в одном Дондурей со своим «неправильным» народом солидарен — ему не нравится российское телевидение: «Почему там пятьдесят семь из каждых ста главных героев связаны с преступлениями, а семь из каждых десяти героев-бизнесменов представлены «моральными уродами»? Кому это нужно? Правительству, олигархам, партии «Единая Россия»? Кто привлекал психологов, педагогов, юристов для анализа того, что происходит с нашими детьми? Не из воздуха же берется рекордное в России насилие в семье, суициды в подростковом возрасте, наркомания? Я не слышал, чтобы институты гражданского общества, православная церковь или родительские организации подавали в суд на телеканалы за воспитание терпимости к насилию».

Но кто это говорит? Человек, который всю свою сознательную жизнь был при культуре: член Союза художников СССР (1979), Союза театральных деятелей СССР (1982), Союза кинематографистов СССР (1988), секретарь Союза кинематографистов СССР (с 1990), член коллегии Госкино РФ (с 1991), коллегии Министерства культуры РФ (с 2001). Это все Даниил Борисович Дондурей.

Так что же, этот человек не имеет никакого отношения к происходящему, непричастен к сознательному вытаптыва-

---

нию культуры в России, не виноват в том потоке пошлости и криминала, который льется все 20 лет демократических преобразований на головы людям? А кто же тогда заседал в коллегиях Министерства культуры и Госкино, в секретариате Союза кинематографистов, через которые проходили, утверждались, финансировались, наконец, все планы по созданию фильмов, спектаклей, фестивалей? Фильмов, в которых «пятьдесят семь из каждых ста главных героев связаны с преступлениями, а семь из каждых десяти героев-бизнесменов представлены «моральными уродами». Кто же тогда в упор не замечал мерзость российских телеканалов, воспитывающих «терпимость к насилию»?

К плохому телевидению социолог культуры приплюсовывает еще и партию «Единая Россия», церковь, кино, наконец, семью, переставшую воспитывать своих детей.

Кто же спорит, прав Дондурей. Только раньше надо было кричать об этом, бить во все колокола, лет так 20 назад начинать. Когда только набирало силу целенаправленное разрушение основных институтов общества — школы, молодежных организаций, здравоохранения, семьи, истории, наконец. Всего, что являлось фундаментом государства. А что вместо этого несли реформаторы и примкнувшая к ним интеллигенция, которая в прошлом веке была столь почитаема в народе? История России надумана, соткана из мифов, все построено рабами из-под палки тиранов, СССР — дрянь, социализм — дрянь, а кто с этим не согласен — тот быдло. Вот что лилось все эти годы с экранов телевидения, со страниц газет и журналов. Сонмища дондуреев высмеивали любую попытку оспорить эти чудовищные извращения — и лгали, лгали...

Прекрасно понимая при этом, что хотя в Советском Союзе и создавались мифы (прекрасные мифы!), вместе с этим понимались из тлена заводы и фабрики, университеты и НИИ, осваивался космос, а «быдло» и «рабы», каковыми они зовут собственных отцов, победили в Великой Отечественной войне, «в неимоверно короткие сроки — за 20 лет! — преодолели чудовищную разруху, оставленную войной, создали ракетно-ядерный щит, массово строили жилье, электростанции, театры, кинотеатры, сельские клубы, Дворцы пионеров и сделали много чего еще такого, о чем «нано-менеджеры» в убитой и деградировавшей России даже не мечтают.

Шустрые менеджеры пытались уничтожить даже память о социализме, переворачивая с ног на голову любой факт его истории: коммунистов приравнивая к фашистам, предателям-власовцев — к патриотам... И что?

Мне, откровенно говоря, непонятны столь топорные приемы. Да, ложь является необходимым и сильнодействующим средством в науке, называемой «манипуляция сознанием». Однако мазать черной краской совсем недавнее прошлое, отрицать очевидное на глазах у всех, кто жил в это время (последнему поколению тех, кто прекрасно помнит СССР, еще не исполнилось и 40), — это ведь действует даже на самого глупого человека совсем недолго.

Правда — она ведь гораздо эффективнее. Правду человек, особенно в России, даже не головой чувствует — всей кожей. Но здесь есть и оборотная сторона. Если что-то, хоть бы и правду, повторять ежеминутно и ежечасно, со всех экранов и газетных страниц, то это вызывает сильное отторжение. Возможно, реформаторы добились бы своих целей, если бы неустанно, к месту и ни к месту повторяли с глупой физиономией: прекрасная страна была СССР, люди жили богато, Сталин был идеалом для всех...

На этом ведь и советская пропаганда погорела. Имя Ленина до 1967 года каждым человеком в СССР воспринималось как нечто священное. Однако после массированного празднования 100-летия его дня рождения, когда Ленина ежеминутно славил из каждого утюга, это имя стало вызывать приступы тошноты. И этот выдающийся деятель «потерял лицо», стал героем скабрёзных анекдотов.

Но советскому государству очень даже было что предъявить своему народу и всему миру! А что предъявляют «чикагские мальчики»? Нано-лампочки, вызывающие хохот у россиян? Плавные переливы «Единой России» в «Справедливую»? Лучше не травить наших читателей лишний раз перечислением экономических и политических «подвигов» эффективных менеджеров.

«Суд времени» наглядно показал, что им не удалось главное — вытравить из голов людей память о могучей и прекрасной эпохе больших идей и большого труда. Мы не жили в раю, поскольку человек — не ангел. Но мы были, вопреки всему, свободны и полны надежд. У нас было достойное прошлое и ясное будущее. И сегодняшняя ностальгия — это память о времени, когда бездельника могли привлечь к уголовной ответственности. Когда в армию провожали торжественно, всем миром, а из армии возвращались окрепшие, здоровые мужчины. Когда не было межнациональных войн, террористов, убивающих людей, бандитов, вырезающих целые семьи. Когда один участковый без оружия следил за порядком в целом районе, и не нужны были батальоны и полки спецназа, которые сегодня в том же районе не могут справиться с преступностью.

Более того — «Суд времени» показывает, что разрушителям в «овечьей шкуре» демократии не удалось привлечь на свою сторону даже тех, кто родился после СССР. Тысячи молодых людей вышли на Манежную площадь с неприкрытым протестом! После чего эффективные менеджеры и социологи культуры запаниковали и с присущей им наглостью немедленно сняли с себя ответственность за содеянное. Социализм, оказывается, виноват, Сталин мешает, церковь не работает, партия «Единая Россия» бездействует, телевидение чуть ли не всем составом вступило в КПРФ...

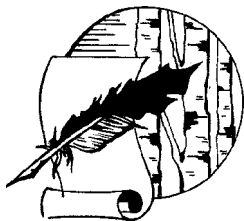
Бред какой-то. Два десятилетия унижали и озлобляли людей, делая все, чтобы сравнить их между собой. Два десятилетия насаждали культ насилия, нетерпимости, легкой наживы. При чем тут советское прошлое?

Одно радует: тон их высказываний уже не столь безапелляционный. Даже Сванидзе и Млечин — бывшие активные проводники коммунистических идей, а затем железобетонные стенобитные орудия либерализма — начинают втягивать головы в плечи. Неужели стали задумываться? Нет, не о том, чтобы признаться в чем-либо и покаяться за содеянное. Но, может быть, уже помышляют о возможности немедленно и без потерь для здоровья смешаться с толпой недовольных, а то и возглавить сопротивление угнетателям. В первый раз им, что ли, окраску менять! Вон как лихо выразился Дондурей: и партия «Единая Россия» у него виновата, и церковь... Скоро, пожалуй, до самого Абрамовича доберется в приступе свободы слова. Вот они — перевертыши во всей красе!

А как же народ, Родина? А Родина для них, как сказал публицист Сергей Черняховский, только «...место пребывания и обогащения. Родину они видят там, где деньги и комфорт». Россия же для них — лишь «краткосрочный проект, предполагавший, что нужно как можно быстрее сделать состояние здесь и уехать туда, где уже куплены дома и виллы». И «с этим «проектом» они всегда готовы «расстаться, как только возможность делать деньги исчезнет».

Они убили нашу Родину и не устают поливать грязью нашу тоску по прошлому, чтобы потом, сбежав из «этой страны», упрекать нас же в тупости и безголовости: такую возможность стать богатыми и свободными упустили, всё о социализме, болваны, вспоминали, хозяйскую руку кусали...

А может, и вправду не кусать надо было «хозяйские» руки, а крепко дать по этим рукам.

Диана КАН

ВЕДОМАЯ СВЕТОМ

* * *

Ликует Анталия. Нежится Ницца...
И только у нас в безрассудстве своем
Закатное небо меж туч кровянится,
И месяц серпом проступает на нем.
Есть галльское небо в изящном плюмаже
Несущих за горизонт облаков.
Есть гуннское — цвета мерцающей сажи,
Под чьей паранджой скрыта поступь веков.
Античное небо, какому не внове
Пить воду с лица средиземных морей.
И — скифское — цвета запекшейся крови,
Закатное небо Отчизны моей.
То царский багрец разольет над Россией,
А то полоснет по глазам кумачом...
О твердь спотыкаясь ногами босыми...
Не тщусь подпереть его бранным плечом.
Не лщусь удивить его пением лиры
(Пред русскою бездной достойней молчать!).
...Гляжу в него взглядом обуглено-сырым,
И глаз от него не могу оторвать.

* * *

Прощай, моя юность!.. Отныне,
Вдогонку слагая стихи,
Молчанью учусь у пустыни,
А пенью — у Волги-реки.
Ей сердце вручила навеки
Свое — не за стать, не за прыть! —
За то, что строптивые реки
Умеет она приручить.
За то, что чураясь гордыни,
Великая Волга-река
Ни в жисть от себя не отринет
Ни воложки, ни ручейка!

Да что ручеек? Примечай-ка:
Спесивая речка Москва —
Столичная штучка, зазнайка,
Напитаться из Волги пришла.
Бочком — где канальцем, где шлюзом —
Охочая к Волге припасть...
Пей, милая! Ты не в обузу!
Напейся и вдосталь, и власть.

* * *

Когда хоронили Россию мою
Помпезно, согласно и чинно,
Поникшие в сбившемся ратном строю
Рыдали поэты-мужчины.
Забросив свои боевые клинки,
Прощались с Россией навеки.
В плену безутешной сыновней тоски
В гробу закрывали ей веки.
Сиротской слезой орошали они
Родные ракиты-березы...
А я? Что же я?
Бог меня сохрани!
Я лишь утирала им слезы.
«Хоть сабля востра,
да мечу не сестра...» —
Уныло кривились мужчины,
Когда намекала я им, что пора
В бою поразвезать кручину.
И вновь поминальный
граненый стакан
Горючей слезой закусили.
И так порешили — лишь тот атаман,
Кто слезней скорбит по России.
А что же Россия?
Поминки поправ,
Восстав из хрустального гроба,
Она сквозь кордоны кержацких застав
Сокрылась в былинных чашобах.
Ведомая светом скорбящих свечей,
Ушла, не попомнив обиды,
На звон потайных кладенцовых мечей
От скорбной своей панихиды.
А я? что же я?
На распутье стою
И слезы друзьям утираю...
Не лучше ль погибнуть в неравном бою,

Чем вживе погинуть в родимом краю
У гроба пустого рыдая?..
Хоть сабля востра, да мечу — не сестра,
Но верному слову — сестрица.
И коли приспела лихая пора,
Пусть вера Руси пригодится!

Наталья АРТЁМОВА

ОПАЛЕННЫЕ ГРОЗДЬЯ КАЛИНЫ

* * *

Разве мы много просим у Бога:
Чтобы была нам посильной дорога,
Чистому сердцу от неба напиться,
Ясной душе не скудеть, не мутиться.

Чтоб не растаяли в полдень, как тени,
Запахи слов и июньской сирени,
Чтоб и в конце, как сладчайшую новость,
Жизни читать оскудевшую повесть.

Чтобы любимым глазам не ослепнуть,
Чтоб в человека верой окрепнуть,
Чтоб нас судили мудро, но строго.
Разве мы много просим у Бога?

* * *

И то, что раньше родиной звалось,
Вдруг потеряло облик свой, и ныне
Мы забываем цвет пшеничных кос
И яркость глаз той васильковой сини.

Она сегодня по-другому зрит
И по-другому ест, и спит, и дышит.
Ее душе ничто не говорит
Дым из трубы над деревенской крышей.

Она глуха, мучительно глуха
К круженью верб у старого колодца

И на напев наивного стиха
Не обернется и не улыбнется.

Она теперь разумна. Не по ней
В мечту и подвиг безвозвратно верить.
И потому она своих детей
Уже совсем другою мерой мерит.

И потому вся эта жизнь — разлад
С самим собой и с оголтелым миром,
И ищешь в ней почти что наугад
Утраченных дорог ориентиры.

* * *

Научите меня рисовать.
Научите — и я нарисую
Тополей изможденную статью,
Монастырь и дорогу сырую.

И себя в полинявшем платке —
Русской бабой на этой картине,
И закат... И, как угли в руке,
Опаленные гроздьи калины.

* * *

Говорят, нашу церковь откроют,
Да открыли бы только весной,
Чтоб над нею, озябше-сырою,
Раскричались грачи вперевой.

Чтобы талою пахло водою,
У креста, у резного, грустна,
Как-то странно светло и с тоскою
Помолилась крестьянка одна.

Чтобы празднично бабы шумели,
И одеждою новой гордясь,
Наташили бы вербы и ели
И топтали бы первую грязь.

Чтобы я чужестранною гостей
Постояла в толпе и пошла.
А вверху так призывно и просто
Все звучали бы колокола.

---

* * *

Но спит она в воздушной колыбели,
Еще мала, еще дитя — весна.
Ей не нужны страданья и свирели,
Она пока что хочет только сна.

Когда же станут ярче, чище дали,
Обрызганные света новизной,
Она очнется, чтоб ее узнали
Не дремлющей, но страстной и живой.

Захочет песен, и травы, и смеха,
И теплых губ, и шепота в ночи,
Ей будет все забава и утеха,
К любому сердцу подберет ключи.

Потом полюбит сладко, до печали,
Страдать заставит, мучаясь сама,
Уйдет в поля тревожить птичьи стаи,
Взбунтует реки, всполошит дома.

И станет вдруг покорною под лаской
Бездонного сияющего дня.
И мир замрет над этою развязкой,
Которую придумала весна.

СЕСТРЕ

Время пройдет — все забудется,
Так не печалься, не плачь,
Пусть твое сердце не студится
В тяжкие дни неудач.

Выйдем с тобой, где за вишнями
Горбится старый плетень.
Видишь, как золотом вышитый,
Этот сияющий день.

Видишь, уже над крыжовником
Снова хлопочет пчела
Маленьким скромным садовником,
Мир охраняя от зла.

ВИШЕНКА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

В субботу накануне Пасхи сияла вся Слободка. Дворы были чисто выметены, золотились, серебрились маленькие упругие листочки, трепетали на весеннем ветерке. Ясно глядели из-под нахмуренных крыш старых слободских домов старательно, до блеска натёртые стекла окон.

Вот и у бабы Вари они заблестели. Глянесь, словно в саду стоишь, и пыльная свалывшаяся за зиму вата, по старинке уложенная между рам, не раздражает больше глаза. Плита в терраске сверкает, занавески трепыхаются — вот-вот и разлетятся с них мелкие фиолетовые цветочки. Баба Варя не налюбуется. Нет-нет да подойдет, пощупает. Кажись, и новенькие такими не были. Ай да девка! Всем девкам — девка! В руках у неё всё горит. Это она про Катюшу, квартиросъёмщицу. Сжалилась над ней Варвара по осени, приютила, копейки не взяла. Вот и откликается бабке доброта — Катюша, не будь на сносях, и дом бы ей, наверное, побелила!

А первые дни всё дичилась. Лежит, бывало, по вечерам в тёмной комнате, плачет. А перегородочка

ПРОЗА

тонкая, Варвара каждый вздох слышит. Сердце кровью обливается. Подойдёт к двери, отодвинет шторку, а войти стесняется — своих-то не рожала, как чужую воспитывать? Но потом не вытерпела — вошла. «Тебе, Катюша, не надо бы... изводиться-то... Господь... Он ведь... не каждой такое счастье даёт. Разумеешь, о чём говорю?» Катюша ей в ответ ничего не сказала, лишь головой кивнула.

Восприняла это Варвара как знак негласный, присела на кровать, и, потирая свои набухшие вены у запястья, рассказала сначала про Дуняшу, подружку деревенскую, как сходила та — шестнадцати лет от роду — к бабке-повитухе. А потом рада-радёшенька деточку родить, утешение и опору под старость, но так никогда и не забеременела больше. Про Груню-пустоцветницу вспомнила, красавицу и разумницу, на которую мало кто на селе виды не имел, а муж родной, после долгих ожиданий, всё же ушёл...

Рассказала и свою историю. Как была она девкой видной, как сватались к ней из соседних деревень женихи богатые, да был у неё в селе свой, одногодок, почитай. Боевой такой паренёк, а к ней — ласковый. Не успела она ему в любви признаться, как поехал он в город по материному поручению, то ли продавать что, то ли закупать, да так и не вернулся, пропал. Время было тревожное, послевоенное...

Рассказала, как потом в город из села родного уезжала. Мать с отцом не отпускали, семья большая, мал мала меньше, а она старшая, собрала в узелок пожитки свои, две кофты ситцевые, да юбку штапельную, и, чуть забрезжило, отправилась. Никто и не заметил. Вышла в утреннюю холодную рань, бегом до дороги припустила, а там перевела дух, оглянулась. Домик их небольшой, с двумя занавешенными окнами под соломенной крышей, взъерошенной сбоку ураганом, да ветла у калитки, качая ветками, смотрели ей вслед.

Прислушалась она к сердцу своему, не вернуться ли? А сердце лишь кольнуло где-то под рёбрышком, как перевернулось, и — тишина. Одна надежда в нём, видно, теплилась — найдёт она в Липецке Гришу своего. Мало ли...

А потом у чужих людей жила, хозяйка-модистка её швейному делу обучала. И всё одна. «Мне, знать, на роду так написано», — вздохнула, но не горестно уже, а задумчиво, словно подытоживала жизнь.

А Катюша, в свою очередь, о себе рассказала. И чем-то схожими оказались их истории.

Родом Катя из Вишнёвки, километрах в пятидесяти от города. Глухое местечко, дикое, десятилетку в соседнем селе доучиваются. Ни церкви, ни клуба своего. Так, одно назва-

---

ние. Мать у неё учительницей была, умерла, ещё и года не прошло, в начале осени. Отец намного раньше, по одним фотографиям да рассказам матери его Катя знает. А парень её, Костя Чижов, ну, стало быть, отец ребёнка, в армии сейчас. Когда его провожала, сама не знала, что беременна. Интернатский он, как в восемнадцать лет права водительские получил, в Вишнёвку его направили, на ферме работал, молоко возил. А вот теперь ни от него писем нет, ни она ему написать не может. Куда?!!

И тут же, словно испугавшись, что Варвара про Костю дурное подумает, заверила:

— Хороший он, баб Варь, не злобный, как другие из интерната, первым никого не ударит, но если уж кто сам задирается — держись! Мамка вот боялась за меня, что обидит. А я, баб Варь, сама ведь так решила, что обязательно женой ему стану. Пусть в армию идёт спокойно. Я — его. Смешно вспомнить, как он меня от этого моего решения отговаривал. А если, говорит, в Афганистан возьмут? Вдруг что случится, как же ты? Замуж выйдешь, вдруг муж попрекать будет?

В обоюдных заботах друг о друге переживали Варвара со своей квартиранткой зиму. Днём работали в заводской поликлинике, где познакомились в октябре, когда Катюша на работу устраивалась, а вечерами квартирантка уходила на занятия в медицинское училище.

Варвара, проведив её до калитки, шла домой, торжественно открывала сундук, с интересом копалась, перебирая накопленное добро, доставала старые, пожелтевшие от времени ситцевые, белые и в мелкий горошек отрезы, кроила, а потом строчила без передышки на старой швейной машинке пелёнки, распашонки.

Раза два ездила Катерина в Вишнёвку, но в сельсовете на её вопросы только плечами пожимали, а Лёньку Ямского, Костиного товарища, самого служить проводили. Надя, Лёнькина сестрёнка, встретившись как-то у почтамта, сказала, что Костя и им не пишет.

На Пасху так хотелось Катюше съездить в Вишнёвку, пройтись по родному большаку, к селу свернуть, у старой школы постоять, а главное, зайти на могилы отца с матерью — рядышком они похоронены, под одним кустом сирени, посидеть на старенькой лавочке, которую давным-давно, ещё по просьбе матери, поставил здесь их сосед дед Никита.

Одно дело мысленно разговаривать с матерью в доме бабушки Варвары, уткнувшись в подушку, а другое — на тихой кладбищенской земле, как бы в стороне от земной суеты.

И непременно на обратном пути в сельсовет зайти, если были ей письма, то почтальонка непременно в сельсовете оставит.

Но ни баба Варя, ни подружки по медучилищу ехать в деревню не советуют, дескать, по всем приметам рожать скоро, живот опустился, да и врач-акушер примерную дату родов на середину апреля ставит. Послушалась, не поехала. И на Красную Горку родила сына.

Имя она ему давно придумала, как знала, что сын родится — Стас. Почему, и сама не знает. Стас и Стас. А вот называть Чижиком стала, потому что фамилия у Кости — Чижов.

«Чижик», — шептала ему нежно на ушко, когда грудничков на кормление привозили. Все шумные, верещат на весь коридор, пока везут, а этот, знай себе, полёживает. Покряхтывает. Медсестрички детского отделения не нарадуются — чей же это такой, молчаливый, чернявенький? А он и не чернявенький — жуковой. В кого только волосы такие?! Костя увидел бы — не признал: — он-то русский, и сама Катя светленькая.

Не успела её Варвара из роддома забрать, как девчата с работы пришли — коляску подарили. Разагукались над малышом, каждой поддержать хочется. А он и тут лежит себе поленьшком, глазками по сторонам водит, ни дать, ни взять обдумывает что.

— Вы, девчата, не обижайтесь, — орлицей раскрылилась над кроваткой Варвара, — а в руки никому не дам, на них в первый месяц и смотреть-то чужим нельзя.

— А ты, баб Варь, никак своя?! — обиженно спросила Дуся, санитарочка из процедурного кабинета.

— А то нишь чужая! — выпроваживала их из комнаты неумолимая Варвара. — За стол, за стол идите! Ишь, едоки, пока всё не съедите — не отпущу!

— Кать, а твоего-то в сыночке ничего и нет! — смеялись девчонки, уходя. — Как не твой, наверное, вылитый папаша?!

— А в кого ж сыновья рожаются?! Знамо дело — в папашу! — бурчала, закрывая калитку, Варвара.

Синие сумерки мягко ложились на Слободку, тёплый ветер трепал развешенные во дворе пелёнки, пахло чем-то родным, давнишним.

Лето было жарким и долгим. Медленно тянулись дни декретного отпуска. Хоть и хлопот невпроворот, а все равно... покормит Катюша Чижика своего, вывезет коляску в сад, он и спит. Она уже и постирнуть успеет, и выгладить, а он всё спит-посыпохивает, а то и посмеивается во сне.

Смотрит на него Катя, и душа обмирает — Чижик, Чижик, неужели и тебе, как мне, без отца расти? Сдавит в горле — не проглотить. Писем-то от Кости всё нет. И к Ямским забегала — нет. Надюшка сказала, что Лёнька их на Дальнем Востоке танкистом служил, а про Костика они ничего не знают. Катя ей адрес свой оставила. Если вдруг письмо придёт — пусть перешлет.

К зиме Варвара молодую маму на работу отправила, чтобы не хандрила.

Так и жили. Катюша специализацию по массажу прошла, оклад у массажистки немного больше, чем у медсестры, да и нравилось это Кате. Работа в две смены, день — с утра, день — с обеда. А Варваре без разницы, когда полы в холле мыть, лишь бы чисто было. Так и приновились.

Уж и зима кончилась, потом и другая, а Костя как в воду канул. Скоро сыну два года, а отец, получается, и не знает, что отцом стал. Не хандрила Катюша — плакала. Тихо, чтоб не слышала Варвара. Лежит и молча плачет. Слезы катятся, а она молчит. Сердцу ведь не прикажешь, плохо ему, словно чувствует оно что-то неладное и страдает.

А тут как назло у соседей похороны — сына убили в Афганистане. Полгода не прошло, как в армию его провожали, совсем ещё мальчишка...

В апреле зарядили дожди. Вроде и снег не стаял, днём температура плюсовая, слякоть, сырость, к вечеру — минус десять, гололедица — не пройти. Упала Варвара. Спешила Катюшу сменить, да и растянулась прямо у ступенек поликлиники, ногу подвернула, хрустнуло в коленке.

Хорошо как раз травматолог на приёме сидел, сразу лангет наложили, домой на «Скорой помощи» отправили.

В знак уважения к почтенному возрасту молодой доктор лично больную навестил.

Варвару прямо в погребке застал. И смех, и грех!

— Вы уж простите меня, старую, хлопот вам прибавила, — как школьница, оправдывалась Варвара, выглядывая снизу.

— Да бросьте вы, Варвара Ильинична, извиняться! — напуская на себя строгость, отвечал травматолог. — Нога-то ваша...

— Да я вот только грибочков достать...

— Грибочков, значит... — Он протянул ей руку, помог выбраться из-под пола. — А где же, позвольте спросить, ваш лангет, Варвара Ильинична?

Варвара виновато перевела дух, вытащила из-под лавки гипсовый валик.

— Вот он. Где ж ему быть?

— Ох, Варвара Ильинична, Варвара Ильинична, садитесь, будьте любезны.

Варвара села на лавку, вытянула ногу.

— Что же мне с вами делать? — сказал, ошупав колено. — Я же вас предупреждал — полный покой. А вы — в погреб... по ступенькам. Удумали! Кстати, когда спускались, больно было?

— Больно, — призналась Варвара.

— Жидкость у вас накопилась, Варвара Ильинична. Ее откачивать надо.

— Это как?

— В стационар лечиться надо.

— Ой! — спохватилась больная. — В стационар мне никак нельзя. Может, она того... сама рассосётся?

— Не рассосётся, Варвара Ильинична, сама не рассосётся, так что готовьтесь. Завтра я как раз дежурю.

Он уже направился к выходу, как дверь распахнулась и на пороге появилась Катюша, вся в липком снегу, мокрая и запыхавшаяся.

— Вот, Катюш, меня Виктор Лаврентьевич в больницу кладёт, — жалобным голосочком простонала баба Варя. — А с кем же Стасик теперь?

Травматолог не сводил с Кати глаз. Варвара тоже.

— Надо, так надо, — быстро ответила квартирантка, снимая пальто. — Что-нибудь серьёзное?

— Пока нет, но... — сказал доктор.

— Понятно. Ничего, баб Варь, не волнуйся, я отпуск возьму. Как раз ремонт начинается, всех выпроваживают, — успокоила Варвару Катюша.

— Ой! Виктор Лаврентьевич! Батюшки-светы! Боюсь я что-то, — запричитала Варвара, до сих пор считавшая, что и в больницу ей нельзя, и само собой всё рассосётся. — Страшно!

— А ногу потерять не страшно? — спокойно ответила Катя и посмотрела на доктора. — Значит, завтра?

Глаза их вновь встретились, и Кате показалось, что... Нет! Ничего.

Утром Катюше подписали заявление на отпуск, а заодно она узнала, что Виктор Лаврентьевич — специалист высочайшего класса, что попасть к нему на операцию — великое счастье. А тут, слава Богу, всего лишь откачать жидкость!

И правда, через три недели нога у Варвары была уже как новенькая.

— Ну и доктор, всем докторам — доктор. И умный, и обходительный, — расхваливала травматолога благодарная Варвара, выкладывая из сумки пропахшие большими запахами халат с тапкам. — Лекарство дефицитное в мою коленку ввел. Как его... а, Катя? Кино...киногол что ли?

— Кеналог! — из комнаты крикнула Катя. Отпуск закончился, и она уже собиралась на работу.

— Вот-вот... Кеналог... И не женатый он к тому же...

Катя искала что-то, скорее всего, зонтик, не могла найти, казалось, злиться, или волнуется.

— И про тебя, между прочим, интересовался... — добавила тихо и замолкла. Радостный Стасик дёрнул её за подол юбки, и она взяла его на колени.

Тишина повисла над кухней, слышно было, как жужжит муха на окне за глиняным горшком.

— Баб Варь, не балуйте его, тяжелый уже, — отвернувшись от зеркала, прямо сверкнула глазами. — А вам нельзя сейчас...

«Отчего ж нельзя? Очень даже можно!» — подумала Варвара, прижимая губы к белобрысой — кто б мог подумать, что родился цыганенком — макушке Стаса, она таксоскучилась по своей крошке.

— Ух, и разозлили мы с тобой мамку! — весело сказала ему, когда Катюша выбежала за дверь.

Вечером лил дождь. Виктор Лаврентьевич ждал Катю у выхода из поликлиники. Увидев её, идущую мимо регистратуры, смутился, но она сама остановилась:

— Вы хотели про бабу Варю спросить? У неё всё хорошо.

— Я хотел бы... Я подвезти могу... Дождь... И заодно Варвару Ильиничну проведать, — ответил он, поперхнувшись.

И опять встретились их взгляды, его — внимательный, и её — слегка растерянный.

Они быстро, почти бегом, дошли до его «Волги», сели в тёплый салон.

Дождь вдруг сменился снегом, налипал на лобовое стекло хлопьями. Мерно защелкали «дворники», загудел мотор.

«Костя тоже был помешан на машинах, говорил, вот отдаст долг Родине, и деньги начнёт копить», — отметила про себя Катя, и вдруг полезли в голову воспоминания, совсем, кажется, нехстати.

Вот сидят они с ним вдвоём на брёвнах около дома Ямских, лушат семечки и ждут, когда Лёнька с ужином расправится. Долго он ест. Солнце опускается за тёмный хребет леса, за длинную чёрную полосу вдалеке. Мычат коровы, которых

только что пригнали с луга и загнали в хлев, пахнет парным молоком, а то ветерок сменится, заиграет сам с собой, и потянет сыростью, а потом из приоткрытых дверей — жареной картошкой, и лучше всего, когда из сада — яблоками.

— Варвара Ильинична сказала, что ты из деревни, — перебил её воспоминания Виктор Лаврентьевич. — А по тебе не скажешь...

— И какой же я, по-вашему, должна быть? — спросила Катя. — Глухой? Или толстой?

Вместо ответа он хмыкнул, закурил. Задумался.

А она опять перенеслась в деревенское лето. Вот Костя стоит у телеги во дворе дома деда Никиты, рубашка его разодрана по шву, рука в ссадинах — подрался с городскими, не любят те интернатских. Их много, а он один. Она льёт ему колодезную воду из старого дырявого дедова ведра. Осторожно, стараясь не облиться ледяной водой, от которой у Кати даже сейчас, при упоминании, руки ломит. Он шумно умывается, поднимает ведро выше и пьёт большими, жадными глотками. Часть воды проливается мимо, стекает на окровавленную рубашку. Катя смотрит на него, не отрываясь: он такой у неё красивый и смелый. Луна льётся по высокому вязу, по молодым вишням.

Один такой саженец Костя выпросил у деда Никиты, напротив Катиного дома посадил, с тех пор Катю Вишенкой стал называть. Нежно так — Вишенка...

— Учиться дальше не думаешь? — спросил доктор.

— Что? Ах, да... учиться! Думать то думаю, но не сейчас, вот Стас подрастёт.

— Наверное, отличница?

— Мама у меня учительницей была, что не понимаю — к ней. Помню, задачи с одним неизвестным проходили, а я ну никак их решения не понимала, а как мама объяснила, так всё, как орешки щёлкала. Да и по другим предметам соображала. Вот и получается, что заслуга не моя — мамина. Она хотела, чтоб я врачом стала. Хорошим врачом, как вы, например. Отец мой рано умер, спасти не могли, так вот она считала, что врачи недостаточно образованными были...

— Возможно, мама права была, — сказал Виктор Лаврентьевич. — Среди нашей братии и неграмотные есть. Есть такие, что и зажимы в животе оставляют. У меня в интернатуре случай был...

Он рассказал про одного пациента, которому два раза операцию делали. Первую сделали, наутро — обход. Живот у него был вздутый, как мяч. И ещё больше с каждым часом напрягается. Консилиум — опять на стол. Разрезали, а там зажим.

-
- Как же это? И что тому хирургу?
— А ничего! У него папа из обкома.
— Жуть какая! — возмутилась Катя.

Варвару мёдом не корми, а дай угостить человека! Как ни отказывался Виктор Лаврентьевич, как ни уверял, что пора ему ехать, всё же сидел за столом под иконой Николая-угодника и пил чай с малиновым вареньем для профилактики простуды.

— Вареньице — пальчики оближете, Катюша готовила, — нахваливала Варвара то ли варенье, то ли квартирантку, разливая по чашкам кипятков, пока та в своей комнате укладывала Стасика, — по особому рецепту, два дня ягода в сахаре сок даёт, надо только помешивать.

— Не кипятить? — полюбопытствовал доктор.

— Не кипятить, толику довести до кипения и снимать, и ещё сахаром, и... — Варвара пошла за салфетками.

Вернулась Катя, коробку с конфетами на стол поставила, села напротив Виктора Лаврентьевича, взглянула насмешливо. Глаза у неё синие-синие, мягкие, словно оттаяли в них льдинки. А может, это из-за её халата с синими васильками.

— И ещё ночку постоит, а наутро... — сказала Варвара, вернувшись. — Но не кипятить, а толику-толику, до пенки...

— Целое искусство, — вздохнул доктор.

— А как же! Катюша у нас всё... с искусностью...

Кате стало неловко, казалось, что Варвара прямо сватает её. Но больше она злилась на себя. Никто за эти два года не всколыхнул её чувств. С того самого дня, как рассталась она с Костей на сборном пункте. Приехав в районный центр с первым автобусом, она целую вечность ждала его там, за глухой стеной, отделяющей призывников от гражданских — долго-долго не выпускали. У той же стены она обещала ему, что будет ждать, а он ей поклялся не делать никаких глупостей. Катя одного боялась: друзья его в Афганистане воевали. А как же они без него?

Так вот, с того самого момента, как он ушёл, да ещё раньше, с тех пор, как подвёз её к дому на молоковозе, с ветерком, она и видеть никого не видела — не замечала. Ни Сашу Кольцова с фельдшерского отделения, который на втором курсе проходу ей в училище не давал, ни слесаря поликлиники Валентина, который при встрече объяснялся ей в искренних чувствах.

А Виктор Лаврентьевич был ей интересен.

— Золотые руки у человека, — вздыхала Варвара. (Несмотря на уговоры выпить ещё чашечку, он всё-таки уехал — завтра у него сложная операция, надо выспаться).

Наутро Кате казалось, что вся поликлиника знает, с кем она вчера уехала, а заведующая отделением, женщина, пугающая подчиненных одним только видом, высокомерная и строгая, просто буравила её острым взглядом. Катя так и ждала, что на ближайшей политинформации будут обсуждать её аморальное поведение.

За летом прошла осень, за осенью зима. В Вишнёвку Катя ездила теперь не на рейсовом автобусе, а на белой «Волге». Виктор Лаврентьевич как шефство над ней взял: помог продать в деревне дом, пока не успел развалиться, хлопотал о квартире.

Зачем он это делал, Катя не знала, ведь, несмотря на упорные слухи об их романе, дальше разговоров и пожатия руки на прощанье дело у них не двигалось. Катюша подозревала, что Виктор Лаврентьевич что-то решил для себя важное и поэтому не делает попыток сближения.

Хотя на праздничном новогоднем вечере в актовом зале они танцевали медленный танец. Опьянённая радостью (Катя вела викторину и, перепутав, прочитала вместо вопроса ответ, на что все смеялись, и она сама смеялась безудержно) и шампанским, которое распили в массажном кабинете перед выступлением, она прижалась к нему совсем близко и слышала стук его сердца...

Но она по-прежнему ждала Костю. Откуда, сама не знала, ведь, по крайней мере, к зиме ребята его призыва должны были вернуться. Где же он? Были ночи, когда сомнения одолевали её душу, может, и не любил он её, может, так, позабавился? А к утру наваждение развеивалось, с солнечным светом вновь вселялись в сердце вера и надежда.

В апреле праздновали Пасху, и в Вишнёвку в первый раз Катюша возила Стасика. Он, как взрослый, за руку с матерью ходил на кладбище, и даже положил для бабушки и дедушки два крашеных яичка. Было тихо и светло. Катю всегда удивляло, почему перед Пасхой — пасмурно и дождливо, а на Пасху — хоть до обеда — ярко-ярко, и ни облачка.

Присели на лавочку. Мама здесь раньше сидеть любила. Часто сидела. Катя иногда рядом. Долго, правда, не могла усидеть и убегала домой. Гуляла по пути, срывала мальвы, на высоких стеблях растущие по канавам, делала из их разноцветных чашечек сказочных принцесс в бальных платьях, белых, розовых, красных.

А сейчас Кате совсем не скучно сидеть на этой лавочке. Стасик рядом сидит, ножками болтает. Налили в стакан воды,

---

цветы в землю воткнули. Конфеты на могилы положили. «Вот, мама, и внук твой, за него ты на меня обижалась? Не обижайся. Прости».

Катя глаза сегодня не красила, и слёзы не успевали впитываться в платок, текли по щекам и шее.

— Мам, мам, — Стасик прижимался к её руке. Материны всхлипы нарушали его раздумья: то у него была одна баба Варя, а тут — и бабушка родная, и дедушка родной. Только лежат здесь и спят, и откапывать их почему-то нельзя.

Катя вздохнула глубоко. Подумала, что долго уже сидят, Виктор Лаврентьевич заждался, должно быть.

— Пойдем, Чижик? — тихо сказала сыну.

На обратном пути они встретили припозднившегося деда Никиту, у него здесь много родни похоронено, и могилу бывших соседей он тоже не обходит.

— Твой? — потрепал старик кучерявую голову Стасика. — Орёл!

— Чижик, — поправил Стас.

— Ух, ты какой бойкий! К нам со старухой не зайдёте? Дом свой посмотреть... Берёзу твою, правда, спилили, мешала она им... свет застила, а вишня цветёт. Вся в цвету!

— В другой раз обязательно зайдём, а сейчас спешим, мы не одни.

— Ну что ж, в другой, так в другой, — согласился дед.

И, поправив фуражку, медленно, словно не договорили о чём-то, двинулся к воротам.

А они пошли не по тропинке, а наперерез, по зелёному лужку к машине.

— Мам, а почему наш дедушка в военной форме? Он с войны пришёл? — В последнее время Стас просто заваливал её вопросами.

— Нет, из армии, — ответила Катя.

— А в армии тоже война?

— Нет, Чижик, в армии нет войны. Просто он был солдатом.

— Он солдатом умер?

— Нет. Я же тебе рассказывала, дедушка, возвращаясь из армии, бабушку с собой привёз. Они стали денежки копить, чтобы купить ребёночка. Но дедушка заболел и умер, и бабушка купила меня без него.

— Она тоже в армии была?

— Нет. Просто она полюбила дедушку, и приехала с ним в Вишнёвку.

Уже в машине, когда сын, намаявшись, уснул у неё на коленях, Катя задумалась: «Если дед Никита только шёл на кладбище, кто же поставил две маленькие розочки на могилу её матери?»

На первомайский праздник работники поликлиники ходили на демонстрацию. Варвара буквально выгнала Катюшу из дома:

— Иди, иди, развейся, а мы со Стасом в гости ходим.

И они засобирались. Где-то на другом конце города жила Варварина подруга.

Катя видела демонстрации только по телевизору. И вот она в центре огромной движущейся толпы. Кругом флажки, цветы, шары и транспаранты. Кто-то сунул ей в руки знамя. Вроде временно — подержать, но тот человек как пропал, затерялся где-то в широких рядах, и она шла с этим огромным знаменем, думала, скорей бы всё это кончилось.

Как назло, не кончалось. Более того, их ряд то отставал, и приходилось ускорять шаг, то подолгу стояли, ждали, когда подтянутся идущие следом. Слышались голоса в рупор, и все громко кричали «Ура!», особенно отчаянно — какие-то подвыпившие ребята. Вокруг них то и дело хлопали надувные шары, наверное, они прокалывали их иголочкой. Молодые девчонки с шарами повизгивали и шарахались от них. Кто-то из взрослых «приструнил» этих мальчишек, и они перебежали в другой ряд.

На спуске к Нижнему парку все вдруг побежали. И всем, к удивлению Кати, было весело, где-то впереди играла гармошка, слышались песни и частушки. Всё пестрело, гудело и смеялось вокруг. И она тоже, возможно, радовалась бы со всеми, но это тяжелое знамя... От напряжения сводило плечи.

«За какое же наказание?! — думала Катя и тут же стыдилась своих мыслей, — в годы войны бойцы умирали, чтобы спасти его, а я...»

Уже спустившись, она увидела место, где все складывали знамёна, и с облегчением вздохнула. Знала бы баба Варя, на какие испытания она её отправила!

Летом в массажный кабинет пришла пожилая женщина лет шестидесяти пяти, невысокая, с грустными, поблёкшими глазами и попросила сделать её внучке массаж. Анна Ивановна, массажистка из соседней кабины, взяла её адрес, но на следующий день у неё заболел сын, и она ушла на больничный. Вся ответственность за обещанную помощь ложилась на плечи Кати. Что делать?

— Тебе деньги не нужны? — не понимала Анна Ивановна. — Пальто себе новое купишь!

Деньги, конечно, заработать хочется, но как быть со Стасом? Решила, что посоветуется с бабой Варей. Как та скажет, так тому и быть.

— Людям, дочка, помогать надо, — сказала Варвара, — оно ведь, как ты к людям, так и они к тебе. Как в зеркале. Ты с добром — и тебе добро, ты со злом — и тебе пусто будет.

У калитки, провожая Катюшу, крикнула вслед:

— Да много с них не бери, слышь, подешевше!

Тёмный коридор встретил Катю неприветливо. Пахло лекарством, то ли валерианой, то ли ещё какими сердечными каплями. Вчерашняя женщина, скорее, старушка, проводила её через зал в маленькую затемнённую комнату. Шторы наглухо завешены. С виду они тяжёлые, зимние. А ведь на дворе июль, жара.

Посреди комнаты большая двуспальная кровать почти во всю стену. На стене — рисунки, акварель. Пейзажи. А на кровати, наполовину укрытая одеялом, молодая женщина. Катю поразила её острый внимательный взгляд. Она словно вцепилась им в глаза своей массажистки, и вдруг довольно бодро представилась:

— Лера! А вас как зовут?

— Катя, — ответила повеселевшая Катюша. С души её словно свалился камень — оказывается, больная — нормальный человек, в какой-то мере даже уверенный и жизнерадостный.

— Я счастлива, что пришли именно вы, то есть, что вы — такая. Садитесь, и давайте сначала поговорим. Бабушка, не принесёшь ли нам чаю! — крикнула она красивым, хорошо поставленным голосом.

Где-то внутри у Кати всё запротестовало, она не ожидала такого поворота событий. Ей надо быстрее вернуться домой, перекусить, и бежать во вторую смену, но на удивление, она молчала, а, значит, согласилась. «Что ж, наверное, этой женщине очень одиноко» — утешала себя, пока в кухне звенели посудой.

— Вы — липецкая? — настойчивый голос перебил Катини мысли.

— Да, — кивнула она. — Я здесь родилась.

— А я — в Краснодаре, — охотно призналась Лера. — Я казачка. А сюда приехала с мужем, он — военный.

Катя узнала, что у Леры две дочери. Старшая учится во втором классе, младшей три годика. И пока Катя разогревала почти бесчувственные мышцы бледных и тоненьких Лериних ног, та рассказала ей свою страшную историю. Оказывается, она сама выпрыгнула в окно с пятого этажа. Хотела что-то доказать мужу. В итоге — лежит уже полгода, а ухаживать за ней приехала из Краснодара бабушка.

В другой раз Лера пожаловалась, что старшая девочка уже упрекает её, мол, сама виновата, никто, дескать, не просил

выбрасываться. А маленькая страдает, что со всеми гуляют мамы, а с ней всегда бабушка.

Словно в подтверждение этим словам, младшая девочка по нескольку раз за время массажа приоткрывала скрипучую дверь в комнату, заглядывала и снова прятала улыбающуюся рожицу. Две «мышинные» косички торчали за ушами в разные стороны.

— А что же муж? Не ушёл?

— А он и тогда уходит уже передумал. Что на меня нашло — не понимаю. Помню, сидим с ним в кухне, разговариваем. И когда он сказал мне, что остаётся, что попробуем, дескать, начать всё по-новому, такая обида меня захлестнула: в чём моя ошибка, что я сделала не так? Он же захотел уйти, а я из кожи лезу, чтоб семья у нас благополучная была!

Говорю ему: «Дочка плачет». Он — в спальню, а я — в окно. До сих пор в ушах звон разбитого стекла...

— Господи, — тяжело вздохнула Катя, сердце её сжалось от жалости.

А Лера, помолчав, продолжала:

— Он услышал. Выбежал на кухню, глянул — я лежу внизу, в палисаднике, кинулся за мной, поднял, а нельзя было... поднимать...

У Кати не было слов, она уже давно закончила массаж, но всё гладила и гладила Лерину худенькую, как у подростка, спину.

— Если бы ты знала, какая я дура!..

— Мы все бываем дурами. Мне иногда кажется, что та из нас, которая всегда поступала умно, — никогда и не любила.

— А если я любила, а выбрала нелюбовь? Престиж — как же, жена военного! По большому счёту, очень даже неплохо пожила. Пять лет — в Германии! И все у меня было: квартира, машина, мебель и шубы из «Берёзки». Лишь одного, Катя, не было и нет — счастья! Пренебрегла я им, материальное благополучие выбрала. Пока лежу, многое передумала, переосмыслила. Я ведь, Катюша, мужа своего... не люблю. И не любила никогда, можешь в это поверить? Я любовь свою... предала. Проводила в армию, и предала, как Иуда. А теперь каюсь, за грех свой расплачиваюсь. Кому я нужна? Мужу — из жалости? Да он ждёт не дожждётся, когда новая командировка, чтоб только из дома вырваться! Бабушку измучила. Детям — обуза. Господи, ну почему Ты оставил меня здесь?!

Она заплакала навзрыд, уткнувшись лицом в подушку.

А за окном уже садилось солнце, свистели отчаянно птицы, свившие гнездо прямо под карнизом и теперь прилетающие сюда кормить птенцов. Они шуршали, пищали, возились в тесноте. Им, видимо, мешали крылья.

Дверь в который раз приоткрылась, любопытные глазки пробежали встревоженным взглядом по комнате и тут же исчезли.

Катя встала, подошла к окну. Душу щемило, обволакивало тоской. Надо было отвлечься, встряхнуть себя, и Катя вспомнила, как утешала её когда-то баба Варя.

— Лера, не гневи Бога. Если он оставил тебя здесь, значит, так надо, и значит, надо надеяться, — сказала, присев около Леры. — Ведь делают же операции. Я спрашивала у одного специалиста, он сказал, что в твоём случае ещё не всё потеряно. Хочешь, он придёт? Хочешь? Надо только решиться! Лера...

— Мне никто не поможет, никто!

Есть в жизни случаи, когда не знаешь, чем помочь человеку, когда и помочь, собственно, нечем, кроме как поделиться своей бедой. И Катя поняла это интуитивно и рассказала Лере всё о себе и о Косте. Как встречались, и как расставались, и как умерла от сердечного приступа её мама, и что всю свою жизнь Катя будет чувствовать вину перед ней.

— Ты не смогла бы ничего изменить. — У Леры была способность брать себя в руки, голос её уже не дрожал. — Теперь я знаю, что это предрешено свыше, кому умереть, чтобы успокоиться, а кому остаться, чтобы заплатить за ошибки страданием. Постой, постой, а может...

— Все может быть, — тихо ответила Катя.

— Подожди, это мы узнаем. Правда, сейчас муж в командировке, но скоро, я думаю, вернётся — может, выяснит, где твой Костя служил. Забирали, значит, с Грязей, — Лера проворно дотянулась до письменного стола, на краю его лежала стопка книг, листов с рисунками, взяла ручку и стала старательно записывать. Год тысяча девятьсот восемьдесят третий. Фамилия?

— Чижов, — сказала Катя, и каждой своей клеточкой почувствовала, как её абстрактная надежда обретает конкретную форму.

Бывает, что по утрам и вставать не хочется, лежишь, переваливаешься с боку на бок, пялишь глаза в потолок, как будто на нём что-то высветиться должно, и голова тяжёлая, и спина болит, и настроение такое, что и солнце не радует, а бывает, наоборот, вскакиваешь, полная энергии, готовая горы свернуть.

Вот и Катюша сегодня проснулась с таким чувством, что непременно сегодня что-то важное произойдёт. Она ещё не знала — что именно, но сердце уже трепетало, словно кто его перышком щекотал, губы сами расплывались в улыбку.

Да и как же не радоваться? Столько всего хорошего произошло. Во-первых, оказалось, что её травматолог и Лера давно знают друг друга! Ещё с детских лет. У Виктора Лаврентьевича в Краснодаре жила тётя, и он каждый год приезжал к ней на лето. Сначала травматолога узнала Лерина бабушка, и они прямо в коридоре обнялись, как родственники. Катя заметила, как смутился Виктор Лаврентьевич, кажется, побледнел, а бабушка тихо, сдавленным голосом повторила: «Витюша, Витюша!»

Похоже, Лера — это та девушка, про которую однажды рассказывал Кате молодой доктор. Это было ещё год назад. Они сидели на веранде у Варвары, ели сливы, и Катя спросила, была ли у него девушка. Он ответил не сразу, словно, вспоминал что-то далёкое, забытое:

— Была.

— А где она теперь?

— Вышла замуж...

— Как же так? Ни за что не поверю, что вас можно разлюбить.

Он тогда ничего не ответил и ничего больше не рассказал о ней, но Кате было достаточно и того грустного взгляда, и чуть дрогнувшего голоса, чтобы понять — ему ещё больно.

И вот недавно они встретились. Лера сначала окаменела, когда он вошёл в её комнату. Она сидела, высоко взбив под спину подушки, с маленькими частыми кудряшками на голове, в каком-то новом кружевном пеньюаре — готовилась к приходу врача — но с совершенно застывшей улыбкой. Глаза её, большие, голубые-голубые до прозрачности, как стекло, словно распахнулись. Кате показалось, что Лера ни разу не моргнула за время их встречи. Потом она закрыла их, зажмурилась сильно, и опять открыла, уже другие, в которых заплясали весёлые солнечные огоньки.

— Витя, Витенька! Вот как встретились...

О Лера, какая актриса, какая искусная кокетка! Она уже улыбалась.

Доктор подошёл ближе и, на удивление Кати, присел перед Лерой на корточки, прижавшись губами к её белой, протянутой к нему руке.

— Видишь, как Бог меня наказал? Это за тебя, Витенька. — Голос её задрожал, и последние слова Катя слышала с трудом, по Лериной улыбке побежали слёзы.

Катя не знала, что ей делать. Она чувствовала, что и Виктор, и Лера уже забыли про неё, что она стала невольным свидетелем чего-то интимного и священного, чего ей необязательно видеть. Она подумала, что если уйдёт, никто и не заметит.

В коридоре к ней подошла бабушка, шепнула, как, мол, там?

Катя сказала, что всё хорошо, что она зайдёт в другой раз, но только щёлкнул замок, как за ней буквально выбежал Виктор Лаврентьевич:

— Катя, куда же ты? А ну-ка, разуйся. Там для тебя новости есть.

Глаза его были влажными, он несколько раз шмыгнул носом, но всё-таки улыбался.

— Я сейчас! Ждите! Это непременно надо отметить! — И убежал по ступенькам вниз.

«Новости». — Ноги Катины ослабли, и волнами пошёл гулять жар по телу, ударил в лицо.

— Катюша, Катюша, — как в тумане слышала она слова Лериной бабушки, — знали бы вы, какая пара была, все на них любовались. Я ли Лерочку не предупреждала?

Она отвернулась и пошла в кухню, тихо вздрагивали её маленькие, опустившиеся плечи.

А Катя и не помнит, как дошла она до Лериной комнаты.

— Ну, где ты ходишь, где? — бодро, с лёгким укором спросила Лера. — Радуйся, жив твой Чижов, жив!

— Жив... — повторила Катя и присела на стул напротив кровати.

— Да очнись, что с тобой! Побледнела как смерть! Жив. Не обижайся, но дурак он! Сам в Афганистан напросился. Герой! Был ранен и отправлен в Москву. А это значит, тяжело был ранен.

— Жив... — ёкает Катино сердце, обрывается и падает, и вновь взлетает.

Варвара сегодня с утра на работе, и не с кем этим счастьем делиться. Да и вчера вечером, когда Катюша с этой весточкой к ней прилетела, она как-то скупно улыбалась. Видно, о Викторе Лаврентьевиче думала, всё ждала, когда он предложение Катюше сделает. Не знает она, не рассказала ей квартирантка, что на Троицу, когда возвращались они с доктором с маленького пикника в загородном лесу, он, выпивший и осмелевший, просил её переехать к нему.

Не рассказала Катя, не стала расстраивать бабу Варю, что отказала она ему. И не объяснить — почему? Не любит, вот и всё. Симпатичный, приятный — тысячу раз — да. Но, увы! Зачем же ему жизнь портить, может, он другую встретит, которая его полюбит так, как она Костю.

В тот вечер Катюша так и сказала ему: «Я не та, которая вам нужна». Катя так и не смогла перейти с ним на «ты».

К тому же она уверена, что теперь, после встречи с Лерой, в его жизни произойдут перемены. Не зря же они встретились. Не зря!

— Он сказал мне: верь, я поставлю тебя на ноги! — шепнула ей Лера, когда Виктор выходил из комнаты.

— Если сказал — поставит! — ответила Катя. — Он у нас — гений!

Провожая Катю, Виктор Лаврентьевич, не переставая, говорил о краснодарском лете, что и воздух там чище, и небо выше, о детстве, о Лере, о том, как подростками они делали с ней виноградное вино в кастрюле, ставили в подвал, и пили, не дождавшись, когда оно забродит.

Они шли по центральной улице частного сектора, уже темнело, редкие тусклые фонари мерцали от перепадов напряжения, где-то жгли костры, как всегда их жгут после уборки картофеля.

И только у Катиной калитки он участливо спросил:

— Зачем же твой Костя... в Афганистан-то?

— Не знаю, — пожала она плечами. — Многих интернатских туда забрали. Вот и он...

— Трогательно, — сказал доктор. — Но все равно глупо.

«Вот за эту глупость, наверное, я его и люблю», — подумала Катя, но в душе, помимо счастья, затаилось беспокойство — Костя же обещал ей не делать глупостей. Он же поклялся! Может, потому и не писал, что боялся её обидеть. Только что же с ним теперь? Где ты, Костя?

В мыслях о нём полетели дни и месяцы.

Надя закончила, наконец, уборку квартиры. Что бы он делал без неё? Везде пепел, окурки, из салатницы сделали пепельницу. А эта бедная пальма, которую она подарила ему на день рождения! Она зачахла! Эти идиоты поливали её пивом. Ох уж эти мужчины! Какие они нерадивые. Непонятные. Она подошла к трельяжу, навела на себя боковое зеркало, посмотрела анфас и в профиль. Встряхнула рыжеватую копну волос. Подняла кверху, отбросила, волосы волнами упали на плечи. Что он делает с ней, этот твердолобый упрямец! Слепец! Разве об этом она мечтала?

Сначала привез её из Богом забытой глухомани, оставил жить у себя, а теперь? Не разрешает даже рубашку постирать. Всё сам. Мол, привык. И готовит сам, и полы моет. Вот придёт сейчас с работы, обидится. А справедливо ли это? Для чего же здесь она? Шутка ли... так бороться за него, и, достигнув, наконец, цели, оставаться где-то в стороне, на задворках его личной жизни. А ведь он так одинок в душе. По-

---

чему же не впустит её, любящую. С самого детства. С того дня, когда впервые пришёл он к ним в дом с Лёнкой, её братом.

Глаза у Кости серые, озорные. Всё подшучивал над кем-нибудь, а особенно над ней, нескладной ещё девчонкой. А ведь она от него глаз не могла оторвать. Стоит ему посмотреть на неё — сразу в краску, жар душит, дышать нечем. Убегала во двор, за сараем в лопухах сидела, опомниться не могла. Они смеются в доме, гогочут, а ей всё кажется, что над ней.

Все она помнит, Надежда Ямская. Смотрит сейчас в зеркало, а там уже не гадкий утёнок — лебёдка черноглазая. Губки бантиком, на щеках ямочки, ну что ему ещё надо? Сам-то уже не тот парнишка разудалый, который по ночам на колхозных скакунах по летнему Вишнёвскому округу гонял. Рубашка белая развевается на ветру как флаг, далеко в темноте её видно. Не одна вздохнула по нему украдкой. Нет, не тот, и не только операция изменила его до неузнаваемости. Что-то надломлено внутри, в самом сердце. Но и такой он ей люб. Никому не отдаст.

Только торопиться надо, чувствует она. Но как? Прошлый раз, когда из Вишнёвки приехали, Надя уже пыталась поговорить с ним. А он делает вид, что не понимает. Она и так, и эдак. Как ещё?

Волнение одолевает Надежду последнее время. Раньше хоть знала — с друзьями он. То интернатские мучили, то афганцы. С ними всюду мотался. Безотказный. А вот уже кряду два месяца и они его ищут.

Хмурым приходит, молчаливым. В «дурачка» с ней не играет — колода карт камнем лежит на подоконнике. Не нашёл бы себе кого!

Костя пришёл домой за полночь. Не один, с другом. Свалил его с плеч прямо у порога, как мешок с дустом. Тяжёлый брат. Открыл дверь, затащил в коридор. Хорошо отметили начало работы, ничего не скажешь. Голова у Пескова разбита. Кровь сквозь бинт просочилась. На минуту ведь отошёл! Ну, ничего, завтра Костя разберётся, чьих рук дело, а сейчас надо уложить его спать. В травмпункте сказали — полный покой.

— Надя, Надя, — позвал Костя шёпотом. — Ты спишь?

Тишина, только тикает будильник. Он волоком дотащил друга до дивана.

Кто-то в темноте засопел рядом.

— Надюшка, помоги.

Уложили, сняли ботинки, Костя под его головой подушку поправил.

— Где я? — простонал Песков, сиюсь приоткрыть заплывший глаз.

— Спи, боец, ты дома, — сказал Костя, укрывая его пледом?

— А где сам ляжешь? — спросонок буркнула Надя.

— Иди, иди, ложись, — шепнул Костя, а сам хотел выйти на балкон, но передумал — холодно уже — замёрзнет.

Поставил чайник на плиту, чиркнул спичкой, подошёл ближе к форточке, распахнул. Тихое ноябрьское небо горело яркими точками, как будто кто-то специально это ночное темно-фиолетовое полотно крестиком вышил. Звезды мигали, переливались.

Костя курил. Думал. Сегодня он не встречал её — она в первую смену. А вчера видел. Вышла его Вишенка из парадного подъезда, он — напротив булочной, в «Жигулёнке» своём сидел, наблюдал. Она забежала в магазин, вышла минут через пять, пакетик в руке, купила что-то. Хлопотушка. Неужели — муж и сын? Сомневаться он начал, может, обознались люди. Что-то тут не так. Зачем же ей за ним бежать было?

Вот ведь как получилось. Встретились-таки. Месяц назад ещё медкомиссию он в поликлинике проходил, чтобы на завод устроиться, идёт обратно, вышел уже, и вдруг: «Костя!» Спину прострелило, как током, насквозь. Идёт, а ноги как ватные. По голосу узнал — она. А повернуться боялся — другое у него лицо, нос другой, и подбородок — всё по частям собрано. А она его за рукав: «Костя!» Обернулся — стоит, раскраснелась от бега, халатик беленький придерживает рукой у горла. Холод. А она не уходит. Опешила. Видит — не он. «Извините, — говорит, — обозналась...» И пошла назад... медленно. Ветер волосы ей растрепал. Долго он вслед ей смотрел.

И вот вычислил, как работает.

— Костя, Кость, — дотронулась до его плеча Надя.

— А, Наденька, что не спишь? — сказал, не оборачиваясь.

— А ты? — спросила Надя, решив, наконец, что самое время поговорить.

— А я ещё покурую. А ты ложись, тебе завтра в техникум, забыла, прогульщица?

— Костя, а ты ложись со мной, — выдохнула она, — места хватит.

— Вот выдумала выдумщица. Иди, иди, — он опять мягко развернул её за плечи. — Иди, двоечница.

Но она вывернулась.

— Я без тебя не пойду. Это твоя раскладушка.

Круглая, большая луна смотрела в окно кухни, бледно освещая незамысловатые узорчики обоев и упрямое Надино лицо. Костя знал, что она упряма. Но настолько?..

— Хорошо, — сказал Костя, — пойдём.

Он вытащил из шкафа запасное одеяло. Снял свитер, брюки.

— Ложимся в разные стороны, спиной друг к другу. Легли — уснули.

Они сели, смешно провалившись в мягкий брезент, он — слева, она — справа, кое-как улеглись. Укрываясь каждый своим одеялом.

«Как глупо, — думала Надя. — Он просто издевается надо мной».

Ногам было холодно от железного ребра на краю раскладушки, они просто обжигались об него, а колени вообще лежали на весу, и снизу продувались сквозняком.

«Сейчас или никогда», — мелькнуло в голове, и она стала переворачиваться, чтобы обнять его, прижаться крепко и сказать самое главное.

Но как только она привстала, Костя, провалившись, занял всё её прежнее место. Кажется, он уже спал. Тогда Надя встала и пошла в кухню, попила воды, вернулась. Он спал. «Я совсем, совсем не интересую его, — душила обида. — Чем же я хуже Катьки? Я и моложе, и стройнее».

Эта мысль вселила в неё новый прилив вдохновения. Она кое-как улеглась и крепко прижалась к нему всем своим продрогшим телом.

— Костя... Костя...

— Даже не думай, — тихо, чётко проговаривая каждое слово, сказал Костя. — Я старый и одинокий, у меня никогда не будет детей.

— Ну и пусть...

Надя и сама не хочет детей — знает, в каких муках они рождаются, её тетя чуть не умерла в родах. Надя с детства помнит это страшное слово «разрыв». А ещё у беременных отекают губы и нос. На лице появляются тёмные пятна. А ещё женщины уродливо толстеют. Её мама, например, так и не смогла похудеть. Носи потом такое большое тело. И муж разлюбит. Нет. Ей и не нужно детей. Орут ночами. Она же слышала, как ругаются из-за этого их соседи-молодожёны. Она вечно заспанная, растрёпанная, он — нервный. Нет и нет!

— Ну и пусть, Костя, — настойчиво повторила Надя, — мне не нужны дети...

— Не пусть. Ты молодая, здоровая. Тебе рожать надо. А мне мою беду одному нести.

— Я хочу быть только твоей... Костя...

— Тебе надо учиться. Выкинь из головы, спи. Спокойной ночи, вернее, утра.

Он встал, натянул носки, брюки, свитер, потом повернулся к ней, укрыл её и своим одеялом. Сестрёнка друга — это и его сёстренка.

— Спи, лунатик. Мне уже пора. Пескова не буди, пусть отсыпается, ему в ночь.

Плохо спалось сегодня Тамаре Ямской. Ох, плохо. То ли чесноку на ночь наелась — зарекалась ведь! Как поест — такое приснится! Вот и сегодня. Ну, к чему бы, например, спустя четыре года после смерти вдруг Рая Гурова приснилась? Будто во дворе у них, и звала куда-то. Тамара во сне вроде и знала уже, что умерла она, не шла с ней, а она её за руку и в дом, и в комнату Надюшкину. Тамара вырывается из рук, кричит, а та ведёт. К столу письменному подвела, и ушла. Она смотрит ей вслед, а та поворачивается и на стол показывает. Ну не страсти ли?

Проснулась Тамара в холодном поту. Господи, а вдруг с Надей что? Почему в комнату к ней, да к столу?

Целый день над сном раздумывала, к чему бы? А чуть забудется — тревога на душе. Так и пошла к Матрёне. Не хочешь — а пойдёшь. Разное про Матрёну в селе говорят: и травки заговорные знает, и нашептать может, и кто-то, якобы, видел, как на утренней зорьке она в росе кувыркалась. Всякую всячину говорят, только слушай. Ну и по снам, говорят, мастерица. Ей разгадать вроде как орешек щёлкнуть.

Домик Матрёны на отшибе села стоит, ближе к лесу. Идти — жуть. Но надо. За Надюшку, кровиночку, хоть к чёрту в пасть.

Вошла в Матрёнены сенцы, козами пахнет. В избе, что ли, держит? На лавке ведро с водой. Нагнулась Тамара хлебнуть, от страха в горле пересохло, а тут и бабка откуда ни возьмись. В фуфайке, с клюкой. Клюка загнутая, то ли палка, то ли костыль. Кому скажи — не поверят. Голова её платком клетчатым, обтрепанным по краям, обмотана. И нос крючком вниз — ну точно, баба-яга. Стоит на пороге, смотрит в упор.

— Я, бабуль, по делу к тебе, — пролепетала Тамара, вспомнив, зачем пришла.

— Знаю, — тихо прохрипела Матрёна.

— Знаешь? Откуда? — У Тамары по спине мурашки побежали.

— А кто ж ко мне так ходит? Знамо, по делу. Зайдёшь в избу?

— Нет-нет. Я тут расскажу. Сон мне приснился...

Всё рассказала Матрёне Тамара. Голос дрожал, мысли путались, насилиу осилила. А Матрёна ей и посоветовала дочкин стол открыть. Всего-то. Если б знала, ни за что б не пошла. Как сама-то не догадалась? Чукча!

Вот и залезла Тамара к Наденьке в стол в надежде загадку разгадать. И среди тетрабочек, в самом уголке нижней полочки письма нашла. Письма как письма, армейские, без марок. Пять штук. Только прочитала она и обомлела. Письма-то не Наденьке, а Катьке Гуровой. Перевернула конверт — точно, от Кости Чижова. И адрес Катькин. Да как же они к Наденьке-то попали?

И осенило тут материнское сердце.

— Ох, Ваня, Ваня, — сказала на другой день мужу, когда тот, придя из совхоза, за стол сел. — Не могу больше скрывать, расскажу.

Муж чуть ложку-то и не выронил, поперхнулся.

— Ты что, Том, в своём уме? — сказал Иван, откашлявшись. — Так и подавиться можно.

Вытер губы с подбородком, отложил в сторону полотенце.

— Ну, теперь говори, раз невтерпёж.

— Ох, Ваня, Ваня! Не знаю, с чего и начать. Помнишь, к нам девчушка прибежала? С Лёнькой нашим училась, помнишь? Мать у неё ещё умерла... учительница... после экзаменов...

— Ну, помню. Гурова Рая, царствие ей небесное. Мы с её мужем ещё в школу вместе ходили. Хорошая была. Он её с Урала, что ль, привёз. А сам в ту пору заболел. Долго она за ним ухаживала, ему и мёртвому, — муж перекрестился на икону в углу, — завидовали. Красивая, образованная. Любой бы рад жениться. А она — нет! Родила и баста. Никого не допустила.

— Ты сам-то не сватался? — спросила Тамара.

— Куда ж я? Скажешь... Да мне б отец... Мне тебя подыскивали, — Иван лукаво взглянул на жену. Краснощёкая, круглолицая вошла она в их дом. Не любил, но привык, кажется, и полюбил потом.

— Ходил поди? — странной, какой-то давно забытой улыбкой осветилось Тамарино лицо. — Не посмотрю, что скоро дедом станешь!

— Ладно, ладно, не отвлекайся, когда это было-то?!

И рассказала она про письма Костины, и про то, что во сне видела. Лишь про Матрёну утаила. Не одобрит Иван, заругается, что к бесноватой ходила.

— Нехорошо это... с обмана-то начинать, — закончила свой рассказ. Господь, он всё видит!

— Не каркай — накаркаешь. Нечего было ещё этого Чижова поваживать...

Любили они свою кровиночку. Младшенькая, большеглазенькая. Хотели дочку — и родилась. Пылинки с неё сдували. Все тумачи Лёнька собирал. А ей и кусочек лучший, и платище.

— Может, зря в город отпустили? А, Иван, может вернуть? — не спалось ночью Тамаре.

— Не вернёшь, — вздыхал Иван. — И техникум опять же. Зря, что ль, поступила? Как ты, что ль, в доярки?

И решили они, что учиться Надя будет. Вот только пусть её Лёнька от Чижова заберёт. От греха подальше, да и не пара он ей.

Сестра раздражала Лёньку. Он и сам бы не смог ответить — чем? Когда-то он ждал её появления. С нетерпением. Отец всегда говорил, что будет девочка, и Лёнька мечтал, как он будет возить её в коляске, маленькую, с бантиками, почему-то представлялось, в белой панамке.

Он и имя ей придумал — Галинка. Галинкой звали городскую девочку, внучку их соседки Авдотьи. Галинка всегда, кажется, и в дождь, носила на светлой курчавой голове белую панамку, и когда просёлочной дорогой, мимо их домов, гнали стадо, она убегала за калитку. Лёньке было смешно — он коров не боялся, у них две их было, и он демонстрировал перед Галинкой свою храбрость — брал палку и ловко отгонял брюхатых от забора. Ни одной не позволялось тереться об него рогами. В глазах городской девочки он видел восторг. А что нужно влюблённому в награду?!

Но, во-первых, сестру называли Надей. Во-вторых, чуть, что не так, она орала как резаная, особенно когда он пытался покачать её на руках или накормить булкой с вареньем. В-третьих, ему всегда за всё попадало, и за булку, и за варенье, и за то, что без спросу вытащил её из коляски.

Дальше — ещё хуже. Она падала — виноват Лёнька. Её обстреливают пулями соседские мальчишки — опять доставалось Лёньке — не заступился. «Пусть не дразнится!», — говорил обиженный Лёнька, но не тут-то было, маленькая лгунишка кричала, что она не дразнится! Верили ей.

И вот сейчас он, женатый человек, скоро сам станет отцом, приехал к своему другу, чтобы забрать от него сестру. Опять виноватый — его друг. А что Надья сама к нему напросилась, мол, в общежитие она не хочет, это в учёт никто не берёт. Что она ему в однокомнатной квартире, как собаке пятая нога. Что сам Чижов на раскладушке спит, а ей, как принцессе на горошине, диван уступил.

Ничего не берут в учёт его родители. Одни они — правильные.

Они и от Нины, жены его, носы воротили — бедная, мол. Как заржавелой пилой надпилено его сердце отцовскими словами: «Это что ж, сынок, у них вся стена в книгах! Уж не солить ли они их собираются?»

Всё у отца с расчётом. Копейка к копейке. Не дом, а копилка. Кому только разбивать её? Ни за что не вернётся он в деревню. Лучше будут квартиру в городе снимать. Это он в детстве не понимал, за что их на селе куркулями зовут, плакал.

Вот Нина говорит не ссориться с отцом, мол, у него своя правда. А какая же это правда? Нина вон со своим отцом и в Крыму была, и в Гаграх, и в Волгограде. И что ни спросишь у её отца — всё расскажет. А Лёнька отца за книгой и не видел ни разу. Нет тут правды никакой. Этому другое объяснение есть — невежество.

Целый час уже сидит он на кухне, ждёт, пока у сестры кончится истерика и она начнёт собирать вещи. Хорошо хоть Кости нет — стыдоба! Бегает Надька взад-вперед, то к нему, то обратно в комнату, будто потеряла что-то. Остаться хочет. Но он непреклонен — от матери наказ получил.

— Да кто мне запретит? Мама! Кто она такая, чтобы судить меня? Сама прожила в дерьме, среди коров и свиней, как же, авторитет!

— Среди этого дерьма была и ты, — сказал ей Лёнька.

А потом были ручьи слёз. Надя зарыдала, плашмя упав на диван. Потом завывала:

— Не буду в общежитии жить, сказала, не буду!

Но он, кажется, и не против:

— Живи в селе!

Злится Надька, не знает, на ком зло сорвать. Нюхач, видите ли, сломала! Ой, ой! Права Нина, избаловали девочку — в жизни ей туго будет с людьми ладить, сама себе не рада будет.

Лёнька даже знает, что больше всего сестрёнку коробит. То, что все её подружки-первокурсницы теперь узнают — не только квартиры, но и никакого жениха у Надьки Ямской нет!

«Что ж, время есть, где час, там и два подожду», — вздыхает Лёнька, сотый раз перечитывая в газете первый абзац.

С горем пополам сестра успокоилась. Собрала вещи. Лёнька вывел её, как арестованную. Она — впереди, он — позади, с двумя чемоданами. Тяжёлая ноша — платья, кофточки, сорочки, брючки, свитера. Много всякого барахла накупила мать-колхозница.

Вышел Лёнька, захлопнул за собой дверь. Лязгнул на прощанье английский замок.

«Вот пивка-то, — подумал, — даже записку Косте не оставила. Неблагодарная. В кого ж она такая уродилась? Чьи гены? Или сама по себе выросла, как бактерия... в благоприятной почве?»

Пришла зима, холодная и бесснежная. Скупилось небо, с утра помелькают снежинки, покружатся в морозном воздухе, мелкие, редкие, и всё. До следующего дня. А пора бы. Дни короткие, рано темнеть начинается. А к вечеру и вовсе тьма непроглядная. Попробуй что рассмотреть.

Так-то, вроде, всё вычислил-выследил Костя, на какой автобус Катя садится, где выходит, куда идёт. А после того, как однажды до самого её дома ехал за ней по тёмным переулкам, после того, как выяснил, что тот, на «Волге», не муж, похоже, и не любовник — каждый раз он заходит, а потом выходит, не оставаясь ночевать, решил, что будет провожать её всегда. Мало ли, каких дураков нет на белом свете, напугают, или ещё чего.

Так вот и встречал и провожал тайно до калитки, но не всю же жизнь так! Сердце разрывается, стучит иногда у самого горла, так поближе подойти хочется, в гости пригласить.

Пришёл как-то пораньше, сел в кресло у регистратуры, ждать стал. В поликлинике к этому времени никого. Так, пробежит какой-нибудь паренёк или девушка, и опять пусто в коридоре. Хорошо ей тут работается. В тепле, в чистоте. Пальмы в деревянных кадках по обе стороны холла. Ковёр, фонтанчик.

— А вы кого, гражданин, дожидаетесь? — не стерпела-таки регистраторша, долго она к нему присматривалась.

— Так любопытно? — спросил он её ласково.

Удивительное дело, ему здесь, в этом светлом уютном здании было так спокойно и хорошо, и все проходящие были как братья и сестры, и сама эта толстая тётя, что глядит на него из-под очков так строго, с плохо скрываемой подозрительностью, тоже была ему родной.

Ему хотелось сказать ей что-нибудь доброе, весёлое, чтобы она оторвалась от своих бумажек, улыбнулась ему в ответ.

После такого ответа-вопроса недовольная регистраторша смутилась, скорее от его голоса, мягкого и нежного. Так много за последние годы был Костя вынужденно злым и даже жестоким, так много — хмурым и молчаливым, что хотелось расслабиться, по-домашнему отдохнуть.

Были бы в руках цветы, он, не раздумывая, подарил бы их этой не очень приветливой гражданочке, которая ничего не

видит дальше своего регистрационного окошечка. Она, конечно, и слыхом не слыхивала о каком-то там долге перед Отечеством, о настоящей, до последнего вздоха, мужской дружбе, о верной любви. Если только по телевизору видела. Её дело — авторучка и бланки, и чтобы были в холле тишина и покой. Но зато она знает, замужем или нет Катя Гурова, есть ли у неё ребёнок, ежедневно видит её, разговаривает с ней. И главное, ей по большому счёту наплевать на всё: и на то, что где-то в далёком краю молча поднимаются в атаку наши ребята, падают, оглушённые, убитые и раненые, и на всю эту будничную суету, и на больных, и на Катю тоже, у неё дома свои болячки, свой муж, свои дети.

Костя встал, хотел уже подойти к маленькому окошечку, поинтересоваться, что всё-таки регистраторше известно о Кате, прежде чем он встретит её саму? Но удобно ли? Пока он решался, отвернувшись к тёмному окну, мимо него по гулкому кафелю простучали каблучки. Он почувствовал спиной, что это Катя, оглянулся, она тоже оглянулась.

— Добрый вечер, — сказал Костя, подойдя ближе.

— Здравствуйте, — ответила она.

Костя не мог оторвать от неё глаз — она... она... тот же растерянный взгляд, та же полуулыбка. Что же сказать ей, такой родной?

— Можно вас проводить?

Катя ничего не ответила, смутилась, вышла на улицу, он — следом.

Мела позёмка. Снег серебрился под фонарями, гонимый сухим морозным ветром, ложился на голую землю мелким крошевом.

Катя поправила шапку, натянула её, тоненько связанную, поглубже на светлые кудряшки, подняла воротник.

— Холодно...

Еле-еле удержался Костя, так хотелось обнять её, как раньше, когда сидели они на прохладной заре, пока не прокричат петухи, пока стадо не прогонят. Сколько нежности нерастраченной чувствовал он в себе. Ну и пусть у неё муж, ну и пусть сын. Не отнимет он её у них. Он просто спросит, как жила она, как живёт, не обижает ли кто? А если кто обижает, он тому глотку за неё перегрызёт. И за мужа её, и за сына. Лишь бы она счастлива была, его Вишенка.

— Вы у какого врача лечитесь? — спросила, нарушив молчание, Катя.

— Я не лечусь, я комиссию проходил.

Она понимающе кивнула.

— А я вас спутала... с одним человеком...

— Я так и понял, — улыбнулся он. — Он вам безразличен? Вы так бежали...

Костя щекотал свои нервы, и, видимо, не только свои.

— Очень даже безразличен. Я его люблю, — ответила Катя прямо, как только она одна могла сказать, искренне и открыто.

Они дошли до остановки. Костя уже тысячу раз пожалел, что он без машины. И почему он подумал, что так будет лучше? Чем лучше? Чтобы втискиваться сейчас в этот переполненный автобус?

Но уже через минуту он был благодарен и автобусу, и неизвестно куда и откуда спешащим мужчинам и женщинам, девушкам и девушкам, которые так близко и неизбежно прижали их друг к другу. В этой тесноте, ощущая запах её шерстяной шапочки, на которой ещё дотаивали снежинки, её нежных, почти выветрившихся духов, он совсем потерял голову.

— Катя... — сказал он и осёкся.

— Что, Костя?... — ответила она, и безудержные слёзы потекли из её глаз.

— Катя... Катенька... Ну не надо, ну прости меня, дурака. — Он обнял её, и прижал к себе ещё сильнее, чем смогли прижать их друг к другу люди, движущиеся мимо них в разных направлениях, входящие и выходящие на остановках. Как он был благодарен им сейчас, родным и хорошим.

Оставшуюся часть пути они стояли молча, она — уткнувшись заплаканными глазами в его куртку, он — крепко обхватив её руками.

Уже освободились места на сиденьях, а они всё стояли. И вдруг Костя спросил:

— Выходим?

Катя шмыгнула носом, посмотрела в окно:

— Откуда ты знаешь?

Костя не ответил. Только помог ей спрыгнуть со ступенек.

— Господи, ты давно следишь за мной...

— Виноват, — сказал он. — Прости...

Катя не понимала, о чём он? Не прислал ни одного письма, не приехал к ней. Зачем же теперь следить?

— Я оставляла адрес Наде Ямской, но ты и им не писал...

— Им не писал. Но тебе... Пять писем из учебки... Мало? — тихо спросил он.

— Ни одного не получила...

— Странно, — сказал Костя.

Если бы перед ним была не Катя, а другая — не поверил бы. Но она не умеет врать.

Они прошли магазин со светящейся витриной и вывеской, завернули в арку между двух пятиэтажек, и там, в затишье, в стороне от прохожих, Костя остановился, преградив ей путь.

— Можно тебя поцеловать? — только успел спросить, как губы их уже слились в поцелуе...

Они целовались, кажется, вечность, спрятавшись в этом глухом безлюдном переулке...

— Ты не спешишь? Разве тебя не ждут?

— Есть спички или зажигалка, посвети.

Он нащупал в кармане коробок, достал, чиркнул. Она посмотрела на часы. А сердце сжалось, словно его укололи.

— Как же не ждут! Ещё как ждут! — сказала Катя. — И волнуются уже!

Они пошли. Оба молчали. Катя не хотела прежде времени говорить о сыне. Лучше будет тайной. А ему почему-то стало противно и обидно за эту свою беспомощность. «Она не виновата, ясно, но теперь она — чужая! Вон как торопится, боится опоздать».

— Ревнивый? — Костя не узнал своего голоса.

Катя сначала не поняла, а потом быстро сообразила, о чём он.

— Ещё бы! — ответила, улыбаясь. — Самый большой ревнивец, ни шагу от него!

«Издаётся, — подумал он. — И поделом мне».

— А не боишься, что со мной увидит?

— Как же не боюсь? Думаю вот, что скажу ему. Но он, скорее всего, уже спит.

«Так рано, — удивился Костя. — Время-то ещё детское».

Но ничего не сказал, только остановился напротив того дома с красной крышей и синим заборчиком, который через дом от её дома стоит, чтобы никто не заподозрил его Катюшу в измене мужу:

— Ну, пока, — говорит. — Рад был увидеться.

А Катюша веселится чему-то, прямо светится вся от счастья. «Любит своего, — думает Костя. — Как его когда-то, а, может, и больше, чем его».

— Пока! — говорит.

Он развернулся и пошёл. Далёкий и родной.

Позёмка уже прекратилась. Было тихо, свежо, поскуливала у соседей собака, но не гавкала, чувствовала, наверное, — свои.

«Нет, не женатый ты, Костенька!» — подумала Катя и побежала за ним.

— Костя, ну зачем ты так, родной мой, любимый! Нет у меня никого! И не было, кроме тебя! Верить, единственный мой?! Верить?

— Верю, Вишенка моя, верю, не плачь, — целовал он и губы её, и щёки, и слёзы. — Кому же верить мне в жизни, как не тебе?

— Пойдём, Костенька, пойдём, ждут нас давно!

— Нас?

— Нас, Костенька, нас.

— И меня? — Костя шёл, но никак не мог понять, кто ещё мог его ждать? Да во всем мире он больше никому не нужен.

— Я хотела как лучше, хотела сюрпризом, понимаешь?

— Понимаю. — Но он решительно ничего не понимал. Бред какой-то.

Они поднялись на веранду, Катя тихонько постучала.

— Катюш, ты? — спросила Варвара.

— Я, я, баб Варь, открывай!

Дверь открылась, Варвара прошла вперёд, пока они разувались в коридоре, Катя крикнула ей:

— Чайник ставь, баб Варь, я не одна, и мы продрогли.

— Хорошенькое дело, на ночь чай пить! — было забурчала Варвара, но когда вышла из терраски, спохватилась. Перед ней стоял высокий, справный парень с приятной наружностью и распахнутыми, внимательными и совсем беспомощными глазами. Он снял шапку, и от волнения сжимал её в руках.

— Костя?..

— Костя! — Ему почему-то захотелось расцеловать эту добрую женщину, почти старушку, но она опередила его, подошла, наклонила к себе его голову мягкими тёплыми ладонями и поцеловала в краешек губ:

— С возвращением тебя, сынок! — и заплакала, отвернувшись.

Ну конечно, это она вместе с Катей ждала его. Как мог он не понять!

— Спасибо вам, что ждали меня, — сказал Костя дрогнувшим голосом. Вот ведь. Не знал он материнской нежности и вдруг почувствовал её, и понял, что ни с чем её не сравнить.

А Катя уже и на стол накрыла, садись, мол, жестом показывает.

Сели они втроём, вдруг Варвара как что вспомнила, выскочила куда-то.

— Ешь, ешь, не стесняйся. Ты дома здесь, — смеётся Катя.

Не успели и борщ похлевать, как Варвара вернулась. В руках — бутылка.

— Коньяк мой самодельный! Я его для этого случая берегла! Не верите? Четыре года выдержки!

За всё время Варвара про сына ни слова Косте не сказала, поняла, значит, Катюшин знак, который та ей в терраске показала.

— А розочки на могиле твои были? — шептала Катя, когда лежали в зале на полу. Варвара бы им и на диване своём постелила, да сломанный он стоит, не раскладывается.

— Нет, нет, — покачал он головой. — С чего это ты взяла?!

— Твои, твои! Я тебя по ним вычислила! А ещё по голосу твоему... и по глазам...

Чуть не слетело с губ: «Они у тебя, как у Стасика».

— Это ты меня вычислила? — хмыкнул Костя.

— Да, да, и не смейся! Я всё про тебя знаю. И где служил, и где в госпитале лежал, и с чем лежал, знаю.

— Следопытик ты мой... — Костя прижал её к себе.

— Да, да, и ты ещё ответишь мне за нарушение клятвы!

— Отвечу, отвечу, за всё отвечу... а, между прочим, я по уважительной причине её нарушил. Ты же бросила меня!

— Я бросила? Это ты меня бросил! Ты, ты!

А потом она вдруг успокоилась, притихла. Стала обдумывать, как завтра лучше сюрприз ему устроить. Сегодня-то Стасик уже спал. Хорошо, что завтра суббота, не надо на работу вставать.

— Катя, Катя, не спишь? — шёпотом спросил Костя. Всё-таки ему не терпелось признаться ей сразу. А то потом дальше — больше, нечестно будет. И когда она отозвалась, сказал:

— Катя, а операция у меня не только на лице была, знаешь?

Она покачала головой.

— Мне, Катя, доктор сказал, что детей у меня не будет...

Он уже приготовился выслушать что-то важное и трогательное от неё, но она, увы, запросто, даже не задумавшись, выпалила:

— Фу ты, напугал. Я уж думала, серьёзное что.

— Да ты что, Катюш, разве это несерьёзно? Ты молода ещё...

— Спи, не выдумывай, утро вечера мудренее, — сказала Катя, зевая.

Он замолчал, а она, повернувшись к нему, зашептала горячо:

— Всё у нас будет. Всё-всё, слышишь?

И Костя в первый раз усомнился в словах московского доктора.

Рассвет, словно специально для них, запаздывал. Не спешил. Зато снег валил хлопьями. Белый, пушистый, чистый. Катя встала, раздёрнула шире шторы. Белым-бела земля, и крыши в снегу, и деревья, и скамейка Варварина, на которой они летом у дома сидят, и даже в Стасиковом огромном грузовике, с которым он вчера на улице играл, полный кузов снега. А вот и он сам с лопаточкой вышел. Варвара его гулять выпро-

---

водила, поверх пальто свой шарф повязала. Его-то шарфик вон на стуле висит. Интересно, сколько же времени уже?

Костя тоже проснулся, рукой к себе поманил.

Она опять нырнула к нему под одеяло.

— Ты вот мне вчера про сюрприз говорила, а я ведь тоже для тебя приготовил.

— Как интересно!

— Считай, что два дела в жизни сделал. Дерево посадил, помнишь, вишенку у твоего дома?

— А второе?

— Ну, конечно, это домом не назовёшь, но гнёздышко для нас свил.

Костя сказал это так смешно, так ласково, что Кате захотелось немедленно признаться ему.

— Кость, а там снег выпал...

— Так рано? — удивился Костя.

И тут она решительно встала и потянула его к окну.

— Идём, я тебе кое-что покажу...

Катя опять раздвинула шторы, он стоял позади.

— У-у, да тут зима...

— А что ещё видишь?

— Дом вижу, лавочку вижу, воробышка...

— Где воробей? — удивилась Катя.

— А вон, за забором, с лопаточкой.

— Не воробей, а Чижик, — тихо сказала она.

— Велика разница, — не понял Костя. — Глянь, он сюда идёт, в калитку заходит, глянь-глянь, как к себе домой!

Катя замолчала. Как же сказать?

— Костя...

Костя вдруг понимающе, как будто вспомнил что-то, спросил:

— Твой?

У Кати перехватило дыхание. Надо же, столько готовилась, и всё не так! Да как он мог так подумать? Разве он не верит ей?

— Наш, — сказала она, но невесело у неё как-то получилось.

— Как наш? — спросил он.

— А вот так. Ты в сентябре ушёл, а он в апреле родился. Это и есть мой сюрприз. И третье дело в твоей жизни. Стасом я его назвала.

Катя обернулась, а Кости рядом нет, и одежды его нет. Она бросилась за ним, выбежала из зала. А тут Варвара застыла у окна, слёзы по щекам размазывает.

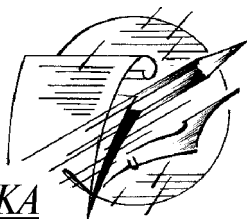
А за окном все сугробы взъерошены, Костя на коленках ползает, Стасика в грузовике катает. И чем громче Стасик смеётся, тем пуще у Варвары слёзы бегут.

РОССИИ НЕЛЬЗЯ УХОДИТЬ С КАВКАЗА

Когда я слышу от кого-то о том, что надо-де отделить от России Северный Кавказ, мне хочется предложить ему отделить от России не Кавказ, а его Рязань/Псков/Кострому. Или Москву. Потому что аргументация, приводимая сторонниками возвращения России в границы XVI века, с той же лёгкостью может быть обращена и против них самих.

Кому-то не нравится Дагестан или Осетия в составе России, а кому-то, возможно, очень не хочется считать своими согражданами жителей, скажем, Новгородской области. И идейную базу можно подвести при желании: на этой территории, мол, ещё со времён Новгородской республики живуч западнический, сепаратистский дух, абсолютно чуждый идеалам лучших представителей Русского Народа. Продолжать «диалог» в подобном духе и с подобным уровнем аргументации можно бесконечно долго.

На самом деле распространение таких настроений симптоматично. Оно не может не тревожить. Потому что напоминает 80-е. В те годы, в самый апогей перестройки, национал-сепаратистская карта приобрела статус козырной. Во многом именно она и развалила Советский Союз.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Прибалтика, Закавказье, Украина — там только и было слышно в те годы: Москва нас грабит, Москва выкачала нашу нефть, русские сожрали наши апельсины, шпроты, сало и т.д., и т.п. Короче, долой Союз! Да здравствует национальное самоопределение!

Огромные массы русского народа при этом были пассивны, инертны и аморфны. Вспыхнули, правда, отдельные очаги сопротивления в Приднестровье и Душанбе. Но основная масса демонстрировала покорность и безволие. В итоге национал-сепаратисты союзных республик не получали никакого отпора со стороны многочисленного там русского населения, которое во многих из них составляло если и не большинство, то очень значительную часть уж точно.

Прошло 20 лет. Теперь аналогичные голоса, только с точностью до наоборот, раздаются уже со стороны русских в самой России. На сей раз в роли пожирателей отечественного хлеба-сала-водки выступают национальные республики Северного Кавказа. Общий лейтмотив известен: северокавказские республики — донорские, выкачивают из Москвы дотации, хватит их кормить и т.п.

Не надо выдавать желаемое за действительное. Никаким русским национальным подъёмом сейчас и не пахнет. Да, есть отдельные всплески, свидетелями которых мы были в Кондопоге, Забайкалье, Ставрополе и Белореченске. Но это именно всплески, а не подъём. Идеология национального подъёма — это идеология наступательная.

Она может быть освободительной, если страна находится во власти завоевателей. Но в России-то этого нет. Внедрение инородных, зачастую криминальных, диаспор в русские города — это ещё не завоевание. Масштабы пока не те. Пока это только набеги. Следовательно, идеология русского национального подъёма должна быть не просто освободительной. Это должна быть идеология русской ирреденты*. Тем более что наступать есть куда и воссоединяться есть с кем. Образовавшиеся на руинах СССР государства отхватили огромные куски исторической России. Вместе с миллионами русских, вмиг оказавшимися иностранцами и гражданами второго сорта на своей родной земле. И находящийся в состоянии национального подъёма народ просто по определению никогда не мог бы согласиться с таким раскладом.

Однако вместо этого от тех, кто говорит о подъёме, мы слышим вовсе не проповедь национального воссоединения с

---

*Ирредентизм (*umal. Irredentismo*) — общественно-политическое движение за присоединение всех групп разделённого народа вокруг единого национального государственного ядра.

юго-восточной Украиной или северным Казахстаном. Мы слышим совсем иную пластинку, свидетельствующую о горячем желании оторваться от и без того урезанной донельзя РФ новые, причём самые выгодные в географическом отношении куски. Отделить и прогнать от себя лучшие земли с благодатным тёплым климатом, территории, жители которых вовсе не так страшны, как представляется многим. Надо только уметь поставить себя среди них.

В общем, вместо желания бороться хотя бы за ту Россию, которая осталась нам после 91-го года, очень многие в России предлагают драть ещё дальше на Север. Драть без оглядки. Бежать ещё до того, как кто-то этого потребует. Бежать ото всех, кто только возьмёт в руки палку. И закончить свой «славный» исторический путь построения «белой» России в волнах Ледовитого океана. Сразу оговорюсь, что я далёк от мысли считать сегодняшнюю политику официальных правящих кругов России в отношении северокавказских республик правильной и исторически оправданной.

Но из этого вовсе не следует, что если Путин и «Единая Россия» говорят о сохранности существующих границ, то оппозиция должна выступать за развал страны. У сторонников отделения, а по сути, изгнания кавказских нацреспублик из состава РФ доказательная база зиждится, в основном, на аргументах эмоционального, а не рационального порядка. Они озвучивают факты массового геноцида русского населения в дудаевско-масхадовской Чечне, без конца указывают на дотационный характер наполнения бюджетов кавказских нацобразований и рисуют на карте воображаемые линии будущих госграниц, словно соревнуясь между собой, кто отодвинет их ещё дальше на север: за Сунжу, за Терек, за Кубань или сразу за Дон.

На первый взгляд это выглядит убедительно. Однако при серьёзном рассмотрении все эти аргументы не выдерживают критики.

Геноцид русского населения в Чечне, равно как и в Ингушетии, действительно имел место в 1991—1999 гг. То есть, фактически до начала второй чеченской войны. По официальным данным, собранным Государственной думской комиссией во главе со Станиславом Говорухиным, если не ошибаюсь, в 1995 г., цифра убитых, замученных и пропавших без вести русских людей в Чечне составила 25 тысяч человек. Ещё около 300 тысяч русского, а также просто нечеченского населения в этот же период были ограблены и изгнаны из республики. При этом, заметьте, я привожу лишь официальные данные. По неофициальным данным число убитых до-

---

ходит до 45 тысяч. То есть уместно говорить не просто о систематическом терроре на национальной почве, а о полноценном геноциде.

Согласно международным правовым нормам, принятым ООН, преступления против человечества, в частности, геноцид, не имеют срока давности. Однако, как известно, активные участники этого геноцида сейчас находятся у власти в самой Чечне. Этот геноцид де-факто и де-юре предан Кремлем забвению.

Но с Кремлём-то и так всё понятно. А вот отдельные националисты, без конца заявляющие, что они действуют от имени и во благо всего Русского Народа, на практике солидаризируются с Кремлём. Ведь предоставлением независимости Чечне этот геноцид русского населения 90-х годов XX века будет окончательно легализован. Не просто забыт, а именно легализован и официально признан на межгосударственном уровне, будучи краеугольным камнем фундамента чеченской независимости.

Ведь что такое чеченская государственность? Это этнократическое образование, возникшее в результате масштабной этнической чистки, сопровождавшейся уничтожением и изгнанием всего нечеченского населения республики. Фактически, она выстроена на русских костях и пепле русских домов. Это не преувеличение. Это — реальность.

Воцарение в Чечне режима Кадырова поставило крест на всех попытках официальной правовой оценки и объективного расследования событий 90-х годов. Предоставление Чечне независимости легитимизирует это этнократическое образование уже на международном уровне. Думаю, не надо разьяснять, какое колоссальное впечатление это произведёт на всех остальных ненавистников России, как внешних, так и внутренних. Чей пример станет заразительным для многих. И не только на Кавказе.

Я уже не говорю о гипотетических границах. Ведь город Грозный, станицы Наурская, Червлённая, Шелковская, Борздиновская, Ермоловская (нынешний Алхан-юрт) или Самашкинская (вошедшая в историю первой чеченской войны как село Самашки) — это такая же русская земля, как Москва, Тверь и Новгород. Плоть от плоти русская. Пытаться отрезать их от России — преступление. А если ещё углубиться в историю, то можно сказать, что не так уж давно, до начала XVIII века поселения гребенских казаков занимали большую часть современной горной Чечни. Ведь и само название их — гребенские — происходит от слова «гребень». То есть, жили на гребнях гор. Да и Урус-Мартан, если вслушаться-

---

ся внимательно, имеет русские корни: «урус» означает «русский». На этой земле гребенцы и жили до 1712 года, когда Пётр I переселил их на Сунжу, отдав прежнюю территорию присягнувшим ему на верность чеченским тейпам.

Примерно то же самое можно сказать и об остальных кавказских республиках. Все они включают в себя территории, ранее никогда к ним исторически не относившиеся, да и населённые зачастую представителями нетитульных народов.

Скажем, Дагестан (в переводе с тюркского «Страна гор»), помимо собственно горской территории, включает в свой состав легендарный русский Кизляр — родину Багратиона, основанную русскими Махачкалу (сначала как военное укрепление Петровское, а затем город Порт-Петровск), древний персидский Дербент, а также нижнетерские станицы и русские сёла севера республики, включённые в состав Дагестана благодаря волюнтаристскому решению Хрущёва.

Ингушетия — это не только область проживания ингушей. Это ещё и терские станицы Слепцовская и Ассиновская, зачищенные в 90-е годы от коренного населения.

Современная Северная Осетия — это не только территория компактного исторического проживания осетин, но и русский Моздок. И ещё несколько терских станиц. С преимущественно русским населением. Кабардино-Балкария включает в себя город Прохладный — бывшую терскую станицу Прохладную. А в Карачаево-Черкесии находятся кубанские станицы Зеленчукская, Урупская и Исправная, которые, правда, в 90-е годы также были «зачищены» от русских. Про Адыгею, где русских ещё около 70%, я вовсе промолчу. Что, всё это просто так взять и отдать? Отдать, потому что кто-то в силу природной трусости и политической близорукости не может смотреть в лицо реальным опасностям, бороться с ними и побеждать их, а может лишь убежать да трусливо прятать голову в песок? Пожалуйста, не пугайте страусов — у нас каменный пол.

Сторонники отделения кавказских республик от России, предлагают в миниатюре повторить сценарий развала СССР: признать административные границы государственными. Им почему-то кажется, что вслед за этим гипотетическим актом политического безумия и безволия у оставшейся обкромсанной России начнётся райская жизнь с молочными реками в кисельных берегах.

Да нет, господа национал-сепаратисты, не начнётся. Хотя бы потому, что в случае отделения Кавказа от России вы получите под боком незатухающие очаги кровавых этнических конфликтов, корни которых уходят именно в произвольное

административно-территориальное разграничение. Вместо совсем угасшей войны в Чечне и вялотекущей в Дагестане, вы получите множество горячих точек по всему Кавказу. Разгорится полноценная гражданская война между ваххабитами и сторонниками местных феодализирующих властей. И из Дагестана она перекинется на весь Северный Кавказ, поскольку причины, порождающие такую войну, существуют практически в каждой республике, за исключением православной Осетии. А ведь есть ещё притупившиеся, но отнюдь не разрешённые межнациональные конфликты. Не секрет, что отношения между осетинами и ингушами вовсе не добрососедские, на дагестано-чеченской границе постреливают не только члены НВФ, но и члены ЗВФ (законных вооружённых формирований), в Кабардино-Балкарии и Карачево-Черкесии есть что делить двум титульным народам и т.д.

При таком раскладе ни о каком обустройстве прочной государственной границы не может быть и речи. Да и как её удержать, когда на север, в Россию, хлынут сотни тысяч экономических эмигрантов, бегущих от войны и разрухи. Причём хлынут не на пустое место. Здесь уже давно укоренились и обросли связями их диаспоры и землячества.

Эти лавины эмигрантов хлынут обязательно. Их будут неотрывно манить огни сытых Москвы и Петербурга на фоне мгновенного коллапса всей социальной сферы на родине. Острый электроэнергетический кризис в Махачкале — это прообраз будущего паралича государственных систем всех кавказских республик в случае отделения. На сегодняшний день хоть какая-то видимость законности и порядка во многих кавказских республиках ещё поддерживается благодаря их присутствию в составе России. Во что превратятся кавказские республики в случае предоставления самим себе, страшно даже представить.

Впрочем, можно. Все они, или почти все, превратятся в подобие дудаевско-масхадовской Чечни. Править бал там будут самые деструктивные элементы. Впрочем, другие возобладать и не смогут. Дело в том, что **северокавказские народы не имеют своей государственной исторической традиции**. Не было в истории у современных северокавказских народов своих государств. Древние Урарту и Кавказская Албания имеют к современным кавказским народам такое же отношение, как Эллада Гомера к современным грекам. Были полufeодальные образования в Дагестане и Кабарде. Был в середине XIX века имамат Шамиля, который отчасти напоминал протогосударство. Но вот полноценных, сложившихся государств **не было**. И сейчас они вряд ли возникнут. Ведь

менталитет этих народов за время советской власти изменился не сильно. По сути, при СССР традиционное горское общество было заморожено почти на семьдесят лет.

Да, в горских районах были партийные и комсомольские организации. Да, секретари райкомов, хоть и с акцентом, но всё же произносили с трибун «правильные» речи о том, что они «делу Ленина верны». Но вот родо-племенная структура горского общества сохранялась в неизменном виде. И начала размываться лишь сейчас, в связи с массовой миграцией горцев на равнину.

В ответ на это мне могут привести пример, скажем, бывших союзных республик, до 1991 года никогда не имевших собственной государственности: Азербайджана, Казахстана, Туркмении и т.д. Вот, мол, не развалились же они на удельные княжества, государство там всё же сложилось. И с кавказскими республиками произойдёт так же. Звучит вроде бы убедительно. Но на самом же деле, в данном случае имеет место заведомо неправомерное сравнение. В перечисленных выше государствах нет такого пёстрого национального состава, как на Кавказе. Там, в принципе, один народ — одно государство. А если межэтнические различия и есть (например, внутри азербайджанцев или казахов), то они не столь существенны, как на Северном Кавказе. И ему, в случае отделения, суждено будет повторить печальный путь Афганистана и Ливана, погружённых в пучину междоусобных конфликтов по этническому принципу.

О степени произвола в государственных и силовых структурах кавказских республик ходят легенды. Продажа чиновных и милицейских постов с аукциона никого давно не удивляет. В результате отделения все кавказские республики погружаются во мрак Средневековья. И не надо думать, что Россия сумеет отгородиться от них китайской стеной. Отгородиться не удастся. Хотя бы потому, что огромные массы кавказцев осели в Москве и по всей России. И по мере ухудшения ситуации на своей родине будут содействовать переселению сюда своих родственников и земляков.

Вместо желанного спокойствия Россия получит огромный этнический нарыв возле своих границ. А тысячи ваххабитов, воодушевлённых своей победой, неизбежно начнут экспорт «зелёной» революции в саму Россию. В Поволжье, в Татарии и Башкирии мусульман много. И далеко не все из них довольны жизнью в составе России. О том, какие для себя выводы они сделают и какие примут руководства к действию в результате разворачивания подобного сценария, догадаться нетрудно.

Северный Кавказ не может быть самостоятельным. Если оттуда уйдёт Россия, то её место немедленно займёт Турция, которая давно объявила эту территорию зоной своих национальных интересов. И будет всячески поощрять кавказскую экспансию уже в глубь России.

При всём при этом сами северокавказские республики никуда из состава РФ пока выходить не собираются. Их население в массе ассоциирует себя всё-таки с Россией. То, что их властные структуры выродились в сатрапии, — это, в первую очередь, вина Кремля, который, требуя от президентов кавказских республик лишь внешнего проявления лояльности, предоставлял им полную и бесконтрольную свободу действий на местах. Результатом явилось образование таких властных структур, для которых произвол, мздоимство и насилие над местным населением стали едва ли не главным вектором внутренней политики.

Народный ответ «снизу» — распространение идей радикального ислама, в просторечии именуемого ваххабизмом, террор в отношении силовиков и местных властей, вспыхивающие очаги гражданской войны. Проблема Северного Кавказа не может быть решена вне России. Наоборот, вне её она только усугубится.

Выправление ситуации надо начинать с радикального изменения политического курса в Кремле. Во многих кавказских республиках, в перспективе, весьма эффективной мерой было бы введение прямого президентского правления или назначение на высшие должности чиновников из России, не связанных с местными элитами тухумно-клановыми обязательствами. Хотя бы на время, для расчистки «авгиевых конюшен» ельцинско-путинской эпохи.

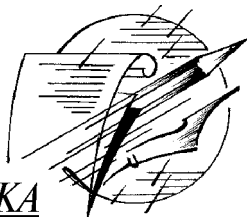
Но всё это будет действенным лишь при условии, что новая русская власть будет не только сильной и строгой, но, самое главное, справедливой. А стать она таковой может лишь в случае радикального изменения всей общественно-политической модели России.

«ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ» И «ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ»

14 декабря 2010 г. «Российская газета» опубликовала статью гр-на Радзиховского «Очищение победы», в которой автор поддержал идею кремлевского чиновника Федотова о необходимости срочной «десталинизации» России. Именно незавершенную «десталинизацию» Радзиховский обозначил главным препятствием для проведения честных выборов в органы власти.

Журналист так прямо и заявляет: «...Но пока в обществе цветут комплексы — империализма, милитаризма, державной ксенофобии и т.д., — о какой «демократии» можно всерьез говорить? Свобода в **таком** обществе — свобода честно выбрать если не «Гитлера», то, во всяком случае, крайнего национал-популиста, демагога и т.д. На зараженной местности не сажают овощи — вырастут ядовитые плоды. Хочешь не хочешь, но для начала нужно провести дезактивацию».

Вот, оказывается, почему сегодня в России совершенно недопустимо проводить честные выборы! Тревога сталинофобов вполне понятна и объяснима. Вся их более чем полувековая деятельность по очернению личности И.В. Сталина и эпохи, связанной с его именем, оказалась ударом вилами по воде!

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

А ведь как старались, как славно разворачивалась кампания клеветы на Сталина, особенно в восьмидесятые годы. Ни одной статьи с опровержением клеветников не просочилось в СМИ. Немного подвел, правда, Варлам Шаламов, отказавшись к концу жизни от своих «Колымских рассказов» в знаменитой статье в «Литературной газете». Но ситуацию удалось снивелировать Солженицыну, написавшему в «Литературной России»: «...А потом вдруг — его (В.Шаламова. — Л.Ж.) тягостное отречение от «Колымских рассказов» в «Литгазете» в феврале 1972... Меня — это крепко ударило. Кто? Шаламов сдаёт наше лагерное? Непредставимо...»

Но поскольку мужественный поступок убежденного троцкиста В.Шаламова СМИ дружно проигнорировали, то есть, скрыли от общественности, то можно сказать, что в целом антисталинская кампания прошла успешно.

Однако в начале девяностых сталинофобы совершили серьезную ошибку — они начали издавать сборники архивных документов, которые, по их мнению, хоть как-то компрометировали Сталина. Делалось это под тщательным призором Яковлева А.Н. и при участии таких знаменитых историков, как Гайдар, Радзинский, Мироненко и др. Решив, что демонизация Сталина окончательно завершена, сталинофобы организовали телешоу «Имя России». В результате голосования миллионов телезрителей Сталин уверенно занимал первое место до тех пор, пока телемошенники не переместили его на третье место, выдвинув на первое Александра Невского. В интернете появилась фраза: «Имя Александра Невского — Сталин!»

Таким образом, мы стали свидетелями потрясающего явления — проявления генетической памяти народа! Но публикация сталинофобами сборников архивных документов привела к еще более позорным для них событиям. Ведь антисталинская истерия выражалась в огульных обвинениях Сталина, не подтвержденных ни документами, ни свидетельскими показаниями очевидцев сталинской эпохи. И вот выходят из печати огромные сборники документов, которые, по идее сталинофобов, должны были хоть как-то подтвердить их измышления. Но в них... не оказалось ни одного документа, который можно было бы вменить в вину Сталину.

Но главное — теперь ученые, объективно оценивающие роль Сталина в нашей истории, получили возможность, основываясь именно на этих и других документах, предметно и доказательно опровергнуть клеветников Сталина. Причем сделать это не в дискуссиях, от которых сталинофобы отчаянно уворачиваются, а в судебных органах.

Результат судебных процессов в защиту чести и достоинства И. В. Сталина оказался для антисталинистов настолько разгромным и унижительным, что все СМИ капиталистической России отказались опубликовать мотивированные решения судов, стыдливо скороговоркой сообщив читателям, что суды отказались удовлетворить иски о требованиях к клеветникам Сталина. Да, суды нынешней России, управляемой антисоветчиками и глуповатыми сталинофобами, формально отказались удовлетворить иски о требованиях сталинистов, но в мотивированных решениях вынуждены были провозгласить:

«...Данные документы (по Катынскому делу. — Л. Ж.) являются документами Архивного фонда РФ, официальными документами, свидетельствующими о происходивших событиях исторической давности, не содержат каких-либо выводов Росархива о личности и действиях Сталина И. В.»

«...Оценивая содержание первого и третьего оспариваемых фрагментов статьи («Сталин и чекисты повязаны большой кровью...»; «...кровожадный людоед...»), суд, на основании оценки всех собранных по делу доказательств в их совокупности, представленных лицами, участвующими в деле, в обоснование требований и возражений, приходит к выводу, что данные фразы утверждениями о фактах не являются, так как представляют собой выражение мнения автора публикации Яблокова А. Ю. относительно сложных, по-разному понимаемых сторонами и неоднозначных событий, имевших место в советской истории».

«...Изложенное мнение автора статьи представляет собой субъективную оценку Джугашвили (Сталина) И. В. как исторической фигуры и его роли в политике в 30-х — начале 50-х годов XX века, а также личную оценку содержания материалов уголовного дела по факту трагических событий в Катыни».

«...Выражения «повязаны большой кровью» и «кровожадный людоед» в данной статье носят исключительно метафорический характер, в связи с чем заведомо не могут быть проверены на их соответствие объективной действительности, так как употреблены лишь в переносном смысле».

«...Оценивая содержание второго фрагмента статьи, оспариваемого истцом, о том, что «...Сталин и члены Политбюро ВКП (б), вынесие обязательное для исполнителей решение о расстреле поляков, избежали моральной ответственности за тягчайшие преступления...», суд исходит из положений статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право свободно выражать

свое мнение; ... В настоящей статье при формулировании вышеприведенного высказывания Яблоков А.Ю. осуществил свободу выражения мнения».

«... По мнению суда, рассматриваемые спорные сведения являются ничем иным как выражением мнения и оценкой событий автора произнесенных фраз. Суд приходит к выводу, что данная фраза («... на уровне московского районного суда признано право считать И.В. Сталина (Джугашвили) преступником») утверждением о фактах не является, так как представляет собой выражение мнения автора публикации Хлебникова О.Н.».

Большого для сталинофобов суды капиталистической России сделать не могли. Судьи даже решились предстать перед гражданами России чуть ли ни идиотами, объявив клевету и ложь всего лишь личным, субъективным мнением сталинофобов, но провозгласить Сталина преступником или высказать хотя бы упрек в его адрес не осмелились, поскольку все как бы доказательству преступности Сталина в ходе судебных процессов были убедительно и бесспорно опровергнуты сталинистами.

Потерпев позорный разгром в судебных процессах, сталинофобы решили провести «десталинизацию» более безопасным способом. Радзиховский с удовлетворением сообщает: *«Президент России однозначно признал прямую вину Сталина и его ближайших подельников за массовое убийство в Катыни... Для обычных людей все давно ясно, теперь окончательно подтверждено на высшем уровне — подпись, государственная печать, точка».*

Сталинофобам никак не удастся удержать в голове простой догмат: преступником кого-либо может назвать только суд! А президент может высказать всего лишь свое личное мнение, вызывая у граждан **недоумение** своим непониманием основ мировой и российской юриспруденции.

Радзиховский предлагает: *«... Сегодня речь могла бы идти уже только об одном — о четком объяснении прямо преступного характера действий Сталина».* Более полувека народу «четко объясняют» преступность Сталина, а Радзиховский считает, что это занятие надо бы продолжить. Непонятливый народ живет в России!

Обеспокоенность Радзиховского, Млечина, Сванидзе и других сталинофобов можно понять. Граждане России, голосуя в телепередачах «Суд времени», уже определили их репутацию и уровень умственного развития в 5—7 процентов. Это даже не оценка, это — приговор! Но ведь со Сталиным надо что-то делать! Иначе всплывут фамилии истинных виновни-

---

ков репрессий против невинных людей. Их (невинных) было, конечно, не так много, как в западных слегка цивилизованных странах, но все же невинно репрессированные были. И виновниками искалеченных судеб являются конкретные личности с конкретными фамилиями. Это: следователи, фальсифицировавшие дела и применявшие пытки, прокуроры, не обеспечившие надзор за законностью ведения следствия, и судьи, выносившие неправосудные приговоры!

Если раскрыть судебно-следственные дела на реабилитированных, случится очень неприятное для сталинофобов событие. Станут известны фамилии лиц, возможно, виновных в осуждении ни в чем не повинных людей... Но тогда родственники, защищая честь и достоинство своих предков, бывших следователей, прокуроров, судей, потребуют доказательств их виновности в гласном, открытом судебном процессе! А для доказательства вины следователей, прокуроров и судей сталинофобам потребуется представить в суд судебно-следственные дела на реабилитированных!

А дел этих... нет! Их уничтожали сразу после принятия решения о яковлевской реабилитации. В народе это называется «спрятать концы в воду». Уничтожили, правда, не всё. Но доступ историков к судебно-следственным делам и реабилитированных, и не удостоившихся реабилитации преградила Государственная дума специальным законом.

Что они пытаются скрыть? Автор обратился в архив МВД по Московской области с просьбой ознакомиться с делами лиц, расстрелянных по приговорам судебных органов в 1937—38 гг., захороненных в Бутове и реабилитированных в 90-е годы. Получив отказ, автор спросил у работников архива: «Много ли этими реабилитированными лицами совершено уголовных преступлений (убийство, попытка убийства, разбой)?» Ответ прозвучал сразу: «О, да!»

Так что реабилитаторам есть что скрывать! Можно даже считать, что сокрытие исторических документов является важной частью провозглашенной сталинофобами Федотовым и Радзиховским «десталинизации». Напрасно только Радзиховский не проинформировал читателей об уже достигнутых успехах в «десталинизации» страны. Неплохо «десталинизированы» театральное и эстрадное искусство. Актеры, наконец-то, полностью раскрепостились и изъясняются на сцене изящной матерной бранью. «Звезды» эстрады предстают перед зрителями в комбинациях и майках для того, чтобы все могли полюбоваться татуировками на самых неожиданных частях тела. Боря Моисеев порадовал зрителей своей голой задницей, чем вызвал гнев великой певицы Га-

---

лины Вишневской. Но ведь звания как бы артистам вручает не Вишневская, а руководство России.

Отлично «десталинизированы» многочисленные журналы («Знамя», «Октябрь», «Новый мир» и др.). Об успехах «десталинизации», проведенной в промышленности и сельском хозяйстве, упоминать не будем, они известны миллионам безработным гражданам России.

Получены очень впечатляющие результаты в «десталинизации» народного творчества и самодеятельности. Раньше ведь во всех городах и всях страны были построены Дворцы и Дома культуры, в которых под руководством профессиональных преподавателей работали кружки авиа- и судомодельные, хоровые, оркестровые, танцевальные, драматические и мн. др. Бесплатно! Всё это отвлекало народ от достижения главной жизненной цели, провозглашенной либералами — извлечения прибыли и удовлетворения личной алчности. Поэтому нельзя говорить, что объявленная «десталинизация» начинается с нуля. Много, очень много уже сделано!

Радзиховский в радиоэфире «Эха Москвы» продекламировал молоденькой ведущей лирические стихи: «Туда-сюда, обратно, тебе и мне приятно!» Сразу стало понятно, что Радзиховскому удалось полностью «десталинизироваться»! А поскольку ведущая программу девушка, услышав похабщину, не выгнала Радзиховского из студии, можно с уверенностью предположить, что её полная «десталинизация» уже не за горами.

Очень важно во всей этой продолжающейся антисталинской истерии понять, что теперь её возглавили высшие чиновники России. Автору осталось только дать совет сталинофобам — ни в коем случае не попасть ответчиками в судебный процесс о защите чести и достоинства Иосифа Виссарионовича Сталина. Ведь в судебных органах России может случайно обнаружиться честный и принципиальный судья, который ложь и клевету на Сталина определит не как личное мнение и оценочное суждение, а как: ложь и клевета. И что тогда?

(Forum.msk.ru)

ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ РАСПЛАТЫ

(ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ)

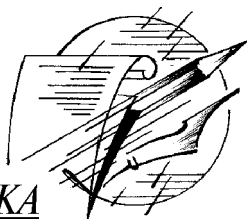
Смешно сказать, но западный кинематограф успел перебрать все сюжеты фильмов-катастроф. И ядерную войну, и нашествие инопланетян, и падение астероида, и новый ледниковый период, и разогрев ядра планеты, и биологический апокалипсис, и климатический армагеддон.

В книгах разыграли даже драму человечества, испытавшего нехватку нефти. Но нам не показали только одного сюжета: дефолта стран большой семерки вместе с США, т.е. крушения тех государств всеобщего благосостояния, что сложились в 1945—1975 годы.

Между тем, этот сценарий обретает реальные черты с отчетливой быстротой. Но что может быть, если такое стрясется? Какие проекты и сценарии могут быть запущены?

ПОКА ГРОМ НЕ ГРЯНЕТ

В опережающие действия Запада я не верю. Сказывается и общая варваризация его жителей, и падение качества «элиты». Она будет бездействовать или принимать полумеры, покуда гром не

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

грянет. Она изо всех сил сейчас пытается сделать вид, будто ничего не изменилось, и старается продолжить все те же игры, что и до 2007—2008 годов.

Все-таки люди уж не те, что в 1930-е.

Рано или поздно, но Запад налетит на необходимость объявить дефолт по государственным долгам и признать то, что уже не может поддерживать работу пенсионных систем. И что необходимо понижать уровень жизни своих граждан.

Очень плохо придется Евросоюзу. Он станет мучиться, пытаясь спасти периферийные страны, висящие над пропастью дефолта. Естественно, за счет вливаний из экономик богатых стран — Германии и Франции. У него нет иного выхода: в долговые облигации стран-бедолаг вложены деньги банков богатых стран. Дефолт периферии грозит и крушением системы евро, и острейшим кризисом европейских банков. Спасение оных от крушения может потребовать лихорадочной работы печатного станка, а это сами понимаете, чем чревато...

Но долго спасти бедную европериферию богатые евро страны не смогут. У них самих — громадные трудности в социально-экономической сфере. Тем более, что все эти испании-ирландии от оказываемой помощи примутся только задыхаться экономически, увеличивая общий долг и все время создавая угрозу дефолта. Начнутся трудности в Германии: там ребром встанет вопрос — либо немцы взбунтуются от ухудшающейся жизни и от краха пенсионной системы, либо надо прекращать спасать «братьев меньших» по Евросоюзу. Признаки этого уже есть. Переход Германии на изоляционизм вызовет цепную реакцию. Откажется от помощи и Франция, которой тоже плохо. Не поможет даже покупка Китаем долговых бумаг богатых стран ЕС. Встанет ребром еще один вопрос: либо исключать из зоны евро бедные страны европериферии и создавать клуб старых стран Европы с общей валютой, либо же самим выходить из зоны евро, возродив и марку, и франк. Положение усугубит то, что в долговой и пенсионный кризис угодит Италия (рождаемость в ней сейчас ниже, чем в скандинавских странах). Скорее всего, итальянцев тоже придется отделять от зоны евро, ибо ЕС не выдержит помощи еще и этой стране. От одной Греции чуть катастрофа не разразилась — а тут несколько «греций» сразу.

Видимо, создастся положение, при котором образуется более или менее благополучное ядро Европы. А южнее и восточнее — возникает зона брошенных «недоевропейцев» с диктаторскими режимами «национального спасения». В Венгрии процесс уже начался. Как и в тридцатые, образуется пояс

лимитрофов — нищие страны бывшего Варшавского договора со своими «отцами народа», жесткие режимы в Греции, Италии, Испании, Португалии.

Очень плохо придется Болгарии, Румынии и Венгрии. Они откатятся к своему положению в первой половине XX столетия: к статусу бедных аграрных стран. Но на сей раз — уже с вымирающим из-за малодетности коренным населением. О временах жизни при социализме, под эгидой СССР, там будут вспоминать с грустью. Даже если острый кризис заставит жителей сих стран интенсивно рожать детей, на становление новой жизни уйдут мучительные десятилетия.

В самом лучшем положении окажутся дисциплинированные, социально программированные и умеренные чехи. Сохранив свою промышленность, они пригодятся Германии, окажутся включенными в ее орбиту. Промежуточное же положение ждет словаков и поляков. Выживать придется крайне трудно. Не исключаю того, что белорусская модель бабки Лукашенко станет в этой «младшей Европе» популярной и востребованной. Равно как и китайский опыт.

Заметим, что если русские смогут первыми опомниться, самоочиститься и приступить к строительству новой цивилизации, они действительно сумеют притянуть к себе не только Украину и Белоруссию, но и некоторые бывшие страны Варшавского договора и СЭВа. Наметки этого есть. Например, предлагаемый Павлом Тулаевым проект Великой Славии — союза славянских государств, во многом повторяющий очертания Совета экономической взаимопомощи, существовавшего до 1989 года. Но, увы, пока русские пребывают в кризисе более глубоком, чем Европа.

Не только восточноевропейцам придется туго. Испанцам и португальцам предстоит отчаянно бороться с сепаратизмом — и Каталонии, и Страны Басков, и Падании. Ибо развал этих стран только усугубит финансовые бедствия. Скорее всего, развалится Бельгия, что может вызвать острый долговой кризис ЕС и ускорит кризис Европы. Может быть, придется делить Бельгию (бывшие испанские Нидерланды и живой остаток Бургундии) между Францией и Голландией. Но и этим «большакам» придется очень нелегко.

СУРОВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Но даже отрезавшись от «бедных родственников» в той или иной форме, Германия, Франция и Голландия продолжат испытывать системный кризис. Старение населения явно не остановится, никуда не исчезнет угроза того, что растущая

армия пенсионеров буквально съест средства, нужные на инфраструктуру, образование, молодежную политику. Никуда не денется страшная проблема: как дать гражданам работу, коли реальный сектор уехал в Китай? То есть нужно строить новую промышленность. А она возможна лишь на прорывных технологиях. Для чего понадобятся большие вложения в науку и самые передовые исследования. Но как быть, если деньги уходят на многочисленных пенсионеров, а крупный капитал, молясь на прибыль, менять ничего не хочет, продолжая работать с Китаем? (Повышение пенсионного возраста не решит проблемы, а лишь немного оттянет момент краха.)

За все в этой жизни приходится платить. Старой Европе беспощадная жизнь предъявит длинные счета за десятилетия бездумного гедонизма. За нежелание целых поколений заводить детей. За тупую ненависть к русским. За увлечение феминизмом и правами всяческих меньшинств. За деиндустриализацию и увод реального сектора в Китай. И на то, чтобы побороть эти последствия (даже в самом лучшем случае!) уйдут десятилетия тяжелого труда. А в худшем... Об этом — потом.

В лучшем случае для выживания понадобится вкалывать. Значит, придется лишать права голоса стариков — они не захотят жить на нищую «пайку», потому что деньги перенацелятся с них на науку, образование и на пособия молодым на рождение детей. И одновременно — придется подавлять алчность капитала, привыкшего делать прибыли на выводе предприятий в Азию. Боюсь, что в этом случае в странах старой (Западной) Европы придется устанавливать что-то похожее на диктатуру каудильо Франко. Чтобы избежать социальной катастрофы, в меру прижав и народ, и капитал.

Спектр возможных в данных условиях действий не столь уж велик. Малодетных, а то и бездетных стариков (людей 1950 и последующих годов рождения) в Европе эпохи Великого Выживания станут «бархатно» морить, сажая на продовольственно-вещевые пайки. Синхронно понадобятся средства на повышение рождаемости. Самое простое — отмена пенсий и введение принципа «обратных алиментов», принуждающих молодых содержать своих родителей в старости. Так что если не хочешь в пожилые годы быть нищим — заводи как можно больше детей. А уж дети, выросшие в новом порядке, тоже вынуждены будут обзаводиться большим потомством. Как промежуточная форма такого порядка: пенсию от государства получит лишь тот, кто смог родить и воспитать не менее троих детей. Для всего этого будет введен новый

принцип: политические права и право голоса станут иметь лишь те, кто платит налоги. Стало быть, из электората будут исключены пенсионеры и те, кто живет на пособия.

В дополнение к принципу «обратных алиментов» (или «пенсия в обмен на деторождение») кто-то введет и государственное стимулирование рождаемости в молодых семьях. То бишь, пособия и беспроцентные кредиты на каждое новое дитя (с повышающимся уровнем поддержки), жилье для молодых, налоговые вычеты тем, кто работает, ведет свое дело и растит не менее троих чад в своей семье. Как временная мера возможен вывоз в Западную Европу наиболее образованных, квалифицированных и трудолюбивых людей из бывших социалистических стран Восточной Европы. Ибо дыры на рынке труда лучше затыкать белыми чехами, словаками и поляками, а не марокканцами, турками и алжирцами.

Понятное дело, что такие меры в силах осуществить только жесткие политические режимы «постдемократий», подавляющего неизбежного недовольства изрядной доли населения, привыкшего к прежним социальным льготам и к гедонизму, не желающего снижать свой уровень потребления. А это — усиление полицейских аппаратов, создание тайной политической полиции, механизм соответствующих репрессий, наделение привилегиями полноправных граждан: работающих, платящих налоги и многодетных. Само собой, такие режимы должны будут взять в ежовые рукавицы общины мусульманских мигрантов.

Подобным режимам придется вспомнить многое из опыта гитлеровской Германии, франкистской Испании или Италии времен Муссолини. То есть — на идеологическом, государственном уровне воспевать ценность трудовой умеренной жизни, крепость религии и семьи, национализм и даже расизм. Логичное продолжение сего: гонения на феминизм и педерастию, изничтожение всяких ювенальных бредней, восстановление роли мужчины: кормильца, отца, защитника и создателя всего необходимого. А это, кстати, и соответствующие изменения в системах образования и воспитания — с отказом от политкорректности.

Ибо ведь в то же самое время придется проводить и новую индустриализацию Европы. А это — неизбежно насильственная перековка новых варваров в работников. Их придется снова учить хотя бы в пределах нормального среднего образования 60—70-х годов XX века, направлять в центры профтехобразования, на общественные работы. Понадобится адский труд по возрождению системы подготовки инженерно-технических кадров. Придется решить вопрос больших вло-

---

жений в научные центры, дать дешевые кредиты и прямые субсидии государства на строительство новых фабрик и заводов, оградив новый реальный сектор (на какое-то время) протекционистскими барьерами. Европейцам придется заново учиться шить себе обувь и одежду, делать тысячи нужных вещей. Придется жестко экономить энергоносители, сводя потребности в них к минимуму. Снова начнется производство долговечных, прочных вещей, настанет отказ от «одноразовости».

НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР

Проиллюстрируем это на примере возможного будущего автопрома согласно статье Романа Назарова «Автомобиль с открытым кодом» в журнале «Популярная механика» за ноябрь 2010 г.:

«Итак, никакого больше безумия, когда люди меняют авто как одежду. Нельзя будет больше купить машину, исчерпать ее ресурс на 30—70% — а потом продать или выбросить на свалку. Автомобили с открытым кодом будут продаваться не прямо потребителям, а прокатным компаниям. В отличие от частных потребителей, такие компании заинтересованы в том, чтобы машины служили как можно дольше. Создается сеть сборочных предприятий (до 5000 тысяч сборок в год), каковые сдают готовые автомобили в аренду потребителям на 1—3 года. По истечении срока аренды износившиеся узлы машины заменяются на более современные, старые узлы — отдаются производителям на стопроцентную утилизацию. Срок службы постоянно усовершенствуемых машин доводится до 20 лет.

Британский конструктор гоночных машин Хьюго Споуэрс, создав авто на топливной кислород-водородной ячейке (1 л топлива на 100 км пробега) дополнил идею аренды машин идеей о том, что производители узлов сдают свои изделия сборочным заводам в лизинг. А после того, как узлы отработают ресурс, — забирают их на утилизацию. Тогда производители будут заинтересованы в том, чтобы продлить ресурс узлов, стараясь спроектировать каждый узел так, чтобы его можно было легко разобрать для утилизации.

Таким образом, все будут заинтересованы в строительстве экономичных и долговечных автомобилей, способных к постоянному совершенствованию. Окажутся востребованными минеральные порошки, которые снижают износ деталей, уменьшают трение и снижают расход топлива/энергии».

Все это будет дополняться вполне нерыночными мерами принуждения к снижению удельного энергопотребления и

расхода ресурсов (коридоры развития). Это создаст спрос на инновации, которые позволят, например, быстро и дешево строить качественное жилье или эффективно излечивать болезни при наименьших затратах.

Экономику придется разворачивать не на прибыль (она перестанет быть самоцелью), а на ресурсную эффективность и демографический рост. Относительно дорогая рабочая сила (производство-то в Китай больше не вынесешь!) заставит переходить к роботизации и к долговечности производимых изделий. А чтобы механизм естественного воспроизводства населения заработал, понадобится не менее четверти века каторжной работы.

Естественно, изменится политическое поле. Старые политические партии в Европе не смогут ответить на вызовы времени. А массы в Германии и Франции уже выходят на демонстрации с лозунгами «Не будем платить за ваш кризис!». Однако платить все равно придется. Левые в кризисной Европе неизбежно усилятся и радикализуются. Но им в противовес создадут неофашистские и неонацистские силы, ратующие за диктатуры национального спасения и за предотвращение гражданских войн вкупе с распадом привычных государств. Тут и капитал придется крепко брать под уздцы, разворачивая его вглубь собственных стран.

Уменьшение политической вольницы будет компенсировано экономической свободой и свободой инноваций во имя народосбережения.

ЛУЧШИЙ ИСХОД ДЛЯ ЕВРОПЫ

Пожалуй, выше мы нарисовали лучший исход для Европы. В таком варианте возможно объединение самых энергичных и успешных в деле демографическо-экономического возрождения стран (с жесткими режимами) в некую конфедерацию Западной Европы.

Такой союз «постдемократических диктатур» (или республик, где полноправных граждан меньше, чем взрослого населения) может перейти к созданию общих программ европейского развития. Благо есть опыт еще старой Западной Европы: создание сначала «Конкорда», а потом и широкофюзеляжных аэробусов, совместная работа над истребителем-бомбардировщиком «Торнадо», совместные проекты в электронике, науке, энергетике. Тут понадобятся усилия ради создания новой ядерной энергетики (быстрые нейтроны, подкритические реакторы с ускорителями на обратной волне, высокотемпературные реакторы, «атомные батарейки», до-

---

жигание отходов, замкнутый топливный цикл). Развитие принципиально новой энергетики. Общие космические программы. Программы по созданию людей новой расы (людей), причем разными способами. Создание постчеловеческого будущего есть самый сильный вариант выхода из кризиса.

Тут же — программы по отключению механизмов старения. Биоинженерные и нанотехнологические проекты. Отдельная строка: совместные военные проекты, создание общего океанского и воздушно-космического флота, парка высокоточного скоростного оружия дальнего боя, боевых роботов.

Возможен вариант, когда такое развитие Западной Европы совместится с установлением успешной антикризисной диктатуры в США. И тогда постдемократическая Америка, сумев сохранить научно-технологическое лидерство и провести новую индустриализацию, может стать для Западной Европы вождем и защитником, объединившись с нею в некое содружество Большого Запада. Или же спасшаяся Западная Европа останется самостоятельной, а обновленные Штаты создадут Англосаксонскую Океанию (Америка, Канада, Англия, Австралия, Новая Зеландия). Или же европейцам — если американцы потерпят крах — придется существовать и выживать самим.

Дополнительным ресурсом выживания для такой жесткой Западной Европы могут послужить и нищие восточноевропейцы, и бедная, разваливающаяся Украина, и распавшаяся РФ — в варианте полного упадка Русского мира.

Выживут европейцы, смогут вновь усилиться и размножиться — тогда через несколько десятилетий станет возможным смягчение политических режимов. Ибо подрастут новые поколения, привыкшие к труду, учебе, рождению детей и ответственности за свою жизнь. Однако эта жизнь уже не будет капитализмом.

Дополнительным фактором, подталкивающим Западную Европу к такому повороту событий, становится превращение Турции в новую силу. Сохранив рождаемость и активно развивая промышленность, турки объективно станут региональной сверхдержавой. Она будет обладать и внушительной военной силой, и приличной экономикой. Новая Турция объективно станет соперником европейцам. И претендентом на некоторые восточно- и южноевропейские земли.

Таким мне видится наилучший для Западной Европы вариант выхода из глубочайшего кризиса и выживания. Но он требует энергичности и ума, воли и умения отказаться от лож-

---

ных политкорректных «ценностей», навязывавшихся долгами десятилетиями. Отказа от мягкотелости и квазигуманизма. В 1920—1930-е такие люди в Европе имелись. А вот сейчас... Вопрос! Осуществить жесткие меры тогда, когда так много стариков и так мало молодежи (а имеющаяся — сильно расслаблена и наркотизирована) — очень и очень нелегко.

И потому Европу может ожидать и худший вариант. Падение в социальный ад новых Темных веков.

НОВАЯ ТЬМА

Здесь наступит просто одичание. После жесточайшего кризиса начнутся судорожные попытки выживания на местах. Выдвинутся новые лидеры.

Часть стран просто распадется из-за того, что местные «лидеры выживания любой ценой» предпочтут отложиться от Берлина, Парижа, Лондона, Брюсселя, Рима, Мадрида (и т.д.), дабы попробовать наладить какую-то жизнь на местном уровне. Евросоюз превратится в какое-то подобие аморфно-рыхлой Священной Римской империи германской нации — в лоскутное одеяло из новых «стран» (прежних герцогств и графств по размерам), каких-нибудь вольных городов, университетов, коммун. Появятся какие-то теократии местного пошиба, секты со своими территориями. Какие-то анклавные создадут уцелевшие корпорации. В них власть и собственность, как в путинской РФ, сольются. Между ними вкрапятся неомусульманские эмираты.

Поскольку мелкие образования не смогут обеспечить научно-технического развития и масштабных проектов развития, они неизбежно архаизируются. Жизнь станет беднее. На пару десятилетий (пока реалии не заставят неосредневековых европейцев вновь рожать деток) ускорятся процессы депопуляции. На это наложится поток мусульманских иммигрантов — ибо кому-то нужно будет заполнять вакансии на рынке труда. Жизнь в европейских лоскутках для них окажется лучше, чем в Африке и Азии. С другой стороны, продолжится экспансия китайцев. Они начнут заселять стареющую и пустеющую Европу, ставить в ней свои заводы и фабрики. Самому Китаю захватывать Европу напрямую не нужно: ему интереснее Сибирь, Казахстан, Персидский залив. И Африка.

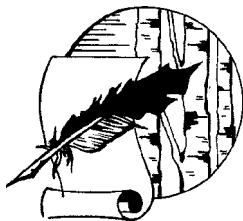
В раздробленной, свалившейся в неосредневековую тьму Европе неминуемо придут в упадок и образование, и наука. Оживет мракобесие минувших эпох. Могут вспыхнуть и неофеодальные войны — за контроль над прибыльными терри-

---

ториями и предприятиями. Свой кусок успеют урвать и мусульмане, усиливающие натиск. Если русские успеют подняться — то смогут вытянуть к себе из Европы самых ценных, пассионарных людей и даже взять под защиту часть этого континента. Если же Россия развалится, то настанет полный мрак. Впрочем, такой вариант может устроить США, в этом случае они останутся и оплотом Запада, и островом относительного процветания, и покровителем бедных европейцев.

Ну а если же и Соединенные Штаты потерпят крах, то настанет общая Тьма. Мир попадет в руки Китая. Тому останется только укрепляться, захватывать источники сырья, немного расширить жизненное пространство и наблюдать за агонией белого человечества. Ну, а с оставшимися мусульманами и африканцами китайцы разберутся. Они ведь политкорректностью не страдают, все некитайцы для них — всего лишь варвары и демоны.

P.S. Надеюсь, что Россия избежит этой мрачной перспективы, начерченной автором. Верим, что русский народ в конце концов возьмет власть в свои руки, наведет здесь порядок и вновь восстановит могучую державу. **(Ред.)**

Андрей ШЕНДАКОВ

СОЛНЦЕ НА РУКАХ

СТАРАЯ УЛИЦА

Улица, старая улица!
Шум озорной детворы.
Сонно собака жмурится,
Глядя из конуры.

Возле столбов промоины,
Камни вокруг ракушек...
Эти дома намолены:
Светел нехитрый быт.

Перед дождем — волнение,
После дождя — покой.
Ласковое свечение
Звезд над ночной рекой.

* * *

По сугробам февральских равнин
Уплывают лучей вереницы;
В старом доме скрипят половицы,
Словно ветви озябших рябин...

Гаснет солнце, танцует огонь,
Возносясь над поленцами бегло,
И остатки древесного пепла
У печи я сметаю в ладонь.

И мерцает звезда в темноте
За окном, прикасаясь к оврагам,
Словно дед мне дымит самосадам:
«Времена наступили не те...»

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Я помню светлую весну
И острых капель перезвоны,
Шумели вскинутые кроны,
Мешая утреннему сну.

Через мосты река текла,
Ручьи врывались в переулки,
Ветвей сиреневые струнки
Касались звонкого стекла.

Дымок витал в сырых углах,
А за окном, роняя блёстки,
Едва окрепшие березки
Качали солнце на руках...

* * *

Хрустнет старый ракиновый прутик,
Или с полной корзиной опят
Вдруг пройдет незнакомый мне путник —
Я всему благодатному рад.

И ручью в неглубоком овраге,
И застенчивым струйкам ключей,
И осенней искрящейся влаге
На ладонях рассветных лучей.

Я не свят, но святое приемлю,
Видя неба туманный откос:
Может, тайно спускаясь на землю,
Где-то рядом шагает Христос...

Владимир АРХИПОВ

РАССВЕТНЫЙ ВЕТЕР

* * *

Плакала мама, присев на пенек.
Небо осеннее. Каркают птицы.
Комкает мама промокший платок —
Папа от ран умирает в больнице.

Рубим дрова. Я сжимаю топор.
Я — мужичок из четвертого класса.
Мама встает. Проясняется взор.
Силушку крепит глоточками кваса.

Домик спасем от морозной беды!
Печку растопим! И книжку раскроем!
...Память мою обжигают следы
С черной-пречерной осенней водою!

* * *

Отец ушел из жизни рано —
Сгубили фронтовые раны.
В колхозе мать судьбину-ношу
Везла, как каторжная лошадь.

Ее сбивала с ног усталость.
Она не плакала — стонала.

Придет к могилке с хлебным квасом
И фразу выдохнет одну:
«Вставай, солдатик Афанасий,
А я прилягу, отдохну...»

* * *

Когда мне все не по нутру,
Когда усталость душу застит,
Я дочку на руки беру,
Мою малышку, дочку Настю.
Она щекой к плечу прильнет
И залопочет что-то странно.
И незаметно уведет
В свои бесхитростные страны.
Как мне целебен детский взор!
Он для меня — что в сказку двери!..
Смешные, влезли на забор
Мелком раскрашенные звери.
Под лопухом, где воздух сыр,
С крылом подбитым скачет птица.
И в капле росной этот мир,
Как песня тихая, струится.
Тем миром правят вера, честь,
Открытый взгляд и смех весенний.

В нем неизвестны злоба, месть,
Коварство взрослых и измена.
Я начинаю оживать,
Я вновь парю над диким бытом.
Я начинаю вспоминать
Всё, что давно полузабыто.
В душе роится добрый свет.
Он мне несет выздоровленье.
И вот уже в помине нет
Усталости и озлобленья!

* * *

Между сопок розовеют ели.
Подстелив туманы под бока,
Как дитя в волшебной колыбели,
Город спит.
Без имени пока.
За ночь отдохнув, проснулся ветер,
Из тайги решительной волной
Он ворвался в город на рассвете,
По-сибирски свежий, озорной.
В комнатушку к нам, раздвинув створки,
Ветер юркнул, книгу разыскал.
И ее от корки и до корки,
Словно человек, перелистал.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ И РУССКИЙ ВОПРОС

В конце далеких уже 60-х годов в один из вечеров мне довелось пить чай в квартире, где за столом сидел Анатолий Краснов-Левитин и несколько молодых людей, духовно ему достаточно близких. Беседа шла о том, о чем говорили тогда во всех религиозных кружках диссидентского толка: о России, власти и православии. Симптомы болезни в нашем отечестве к тому времени обозначились: превышение смертности над рождаемостью в русских областях, особенно в Нечерноземье; упадок деревни; распад семьи; рост алкоголизма. Уже тогда было очевидно: если эти тенденции сохранятся, возникнет угроза существованию русской нации и ее государству.

— Россию жалко, — сказал Анатолий Эммануилович.

— И православия жалко, — заметил я. — Не будет России — не будет православия.

— Причем здесь православие, — возразила сидевшая напротив меня худенькая чернявая девушка, которую все ласково звали Анечка. — России может и не быть, а православию останется.

Возможно, я бы и не вспомнил про ту реплику юной почитательницы Краснова-Левитина

РУССКИЙ ВОПРОС

тина, если бы недавно в разговоре с одним очень уважаемым мною батюшкой не услышал: «Да, русских становится меньше, но, обратите внимание, как быстро принимают православие корейцы».

Мое поколение приходило к вере не без влияния Достоевского, сказавшего: «Быть русским значит быть православным». Оно воспринимало это выражение двуединой формулой, то есть был верен и обратный тезис: «Быть православным значит быть русским». Так, собственно, его понимала Россия времен Достоевского. Наша страна стояла тогда несокрушимым колоссом, занимавшим ведущие позиции в военной сфере, политике, мировой культуре. Принадлежать к ее титульной нации было, говоря современным языком, делом высоко престижным. В дореволюционном паспорте, как известно, не было графы «национальность», в нем фиксировалась конфессиональная принадлежность. Приняв православие, любой инородец становился русским. Показателен вопрос англичанки Мэйбл Энни Сиверс своему сыну Эдуарду, будущему иеросхимонаху Сампсону. Узнав, что он крестился в православной церкви, она спросила: «Когда ты стал русским?» То есть в сознании людей разных конфессий (Энни Сиверс принадлежала к англиканской церкви) понятия русский и православный совпадали.

А сегодня они тождественны, увы, не для всех. И, судя по констатации уважаемого батюшки, нетождественны они и для наших клириков. Вот что пишет «православный журнал для сомневающихся» «Фома», который, хотя и не является органом РПЦ, но, как официально свидетельствует редакция, его деятельность «одобрена Московским Патриархатом»: «И нам всем надо хорошо понимать, что если суждено войти в историю чукотскому или узбекскому православию, оно будет иным, чем восточнославянское... Нам нужно суметь сочетать смелую проповедь о Христе с подлинным национальным смирением». «Чукотское православие» — было ли мыслимо такое даже как игра слов во времена Достоевского? А здесь солидный журнал и на полном серьезе...

Один из традиционных упреков в адрес Русской Православной Церкви состоял в том, что она проповедует угнетенным смирением перед угнетателями. Оценивать, справедлив или нет данный упрек, не тема нашей статьи. Но проповедь «национального смирения», с которой выступает одобряемый Патриархатом «Фома», — это, согласимся, нечто, порождающее вопросы.

Вопрос первый — о национальном смирении какого народа идет речь? — самый несложный. Разумеется не узбекско-

---

го или какого-то другого. Речь идет о русском народе (понятно, что и автор приведенных строк в журнале «Фома» совсем не относит себя к русской нации).

Вопрос второй: в какой мере проповедь национального смирения не противоречит взглядам тех, кто определяет позицию РПЦ по национальному вопросу?

Летом 2010 года в Одессе Святейший Патриарх Кирилл сказал: «На основе национализма невозможно создать прочную конструкцию, ибо она развивает зло, которое губит народ». Конечно, на Украине национализм действительно является губительным злом: он используется как инструмент, которым расщепляют единый русский народ (в силу этого на Украине мы, строго говоря, имеем дело не с подлинным национализмом, а с националистической провокацией). Политик (а предстоятель Русской Православной Церкви — крупнейшая политическая фигура) знает, что, где, когда и кому надо говорить. Проблема, однако, в том, что выступление Святейшего слышали не только собравшиеся в Одесском театре оперы и балета. Оно разнеслось по всей России и по всему постсоветскому пространству. Столь масштабная аудитория не озабочена обстоятельствами, в которых выступает Кирилл: она принимает его слова такими, каковы они есть, полагая, что слово Патриарха Всея Руси не подвержено политической конъюнктуре. И она понимает их так: с точки зрения главы Русской Православной Церкви национализм — всякий, в том числе и русский, причем, не в крайних своих проявлениях, а национализм вообще — является безусловным злом.

Но как же быть тогда с Менделеевым, сказавшим: «Национализм во мне столь естественен, что никогда никаким интернационалистом его из меня не вытравить»? Что делать со Скобелевым, заявившим: «Я готов написать на своем знамени «Россия — для русских и по-русски» и поднять это знамя как можно выше»? Как поступим с Александром III, который девиз — «Россия для русских» — принял как лозунг имперского национализма, унаследованный затем его святым сыном? И, наконец, как относиться к святому Праведному Иоанну Кронштадтскому, сказавшему, что «Русь есть подножье Престола Господня»? Его слова выражают идеологию православного национализма.

Не будет большой смелостью предположение, что все наши святые, начиная от Преподобного Сергия Радонежского до святого мученика воина Евгения Родионова, были русскими националистами. Разве они, граждане и ревнители Святой Руси, осознающей себя Третьим Римом, не вдохновлялись национальной идеей в ее религиозном, мессианском значении?

Если беспристрастно анализировать взаимоотношения церкви и Советского государства в течение десяти лет с 1943 по 1953 год, нетрудно увидеть, что именно национальный подъем, который переживала страна, борясь с гитлеровским нацизмом и сокрушив его, явился основой сближения «сержанцев» и власти (кстати говоря, Московский Патриархат, представители которого сегодня ставят Сталина на одну доску с Гитлером, — прямой наследник этого сближения). Вождь СССР еще перед войной стал последовательно проводить курс, в котором в советскую модель социализма встраивались традиционные ценности русского национального бытия. Это не могло не вызвать отклик у нашего духовенства и порождало определенные надежды на идейную эволюцию тех, кто определял политический курс страны. «Есть серьезные основания предполагать, — пишет отнюдь не симпатизирующий вождю Глеб Якунин, — что в послевоенный период у руководства Московской Патриархии было предчувствие великих грядущих перемен. Патриарх Алексий и его ближайшее окружение, по-видимому, ожидали скорого наступления того момента, когда Сталин — «Новый Константин» — распустит или полностью переформирует компартию, провозгласит страну панславянской православной империей».

Обвинения Русской Православной Церкви в том, что при Сталине она стала винтиком государственной машины, «служанкой власти», стали общим местом и слышны, в том числе, от видных представителей Московской Патриархии. Так, игумен Петр (Мещеринов) считает, что после 1943 года РПЦ «заняла геттообразное сервильное место в советской структуре». При этом уважаемый деятель Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи не видит различий между политикой Иосифа Сталина в отношении церкви и политикой Никиты Хрущева. Между тем, они есть, и весьма существенные. Во время знаменитой ночной беседы в Кремле четвертого сентября 1943 года Сталин заявил трем митрополитам — Сергию (Старогородскому), Алексию (Симанскому) и Николаю (Ярушевичу): «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку Правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР». Развитие Церкви при всесторонней поддержке государства — это, согласимся, нечто мало похожее на марксизм-ленинизм. Хрущев же, в душе всегда остававшийся троцкистом, вернул отношения Церкви и государства к «ленинским нормам», закрыл около семи тысяч церквей — примерно половину действовавших в стране (причем закрытия часто сопровождались разрушением храмов) и 72 право-

---

славных монастыря (из 90, действовавших при Сталине), запретил священникам служить вне церковных стен, для чего реанимировал религиозное законодательство 1929 года, введенное к началу «безбожной пятилетки». То есть именно творец либеральной «оттепели» Хрущев загнал церковь в «геттообразное сервильное место», выражаясь языком игумена Петра.

Не пресловутая сервильность, а искренняя благодарность вождю за его огромную роль в возрождении национальной России, за тот высокий статус, который при нем обрел русский народ как лидер борьбы за мир и социальную справедливость на всей планете — вот что служило источником тех высоких оценок, которые давали Сталину высшие иерархи нашей Церкви. Трудно обвинять в «сервильности» познавшего лагерь и ссылки иеромонаха Пимена (Сергея Михайловича Извекова), во время войны командовавшего пулеметным взводом, после войны ставшего Патриархом всея Руси. «Церковь учит, — говорил он, — что с Правдой Божией связано стремление современных миролюбивых народов жить в мире и справедливости. Мы счастливы, что эту правду осуществляет наш народ под твердым водительством всем миром признанного вождя и вдохновителя миролюбивых народов Иосифа Виссарионовича Сталина».

Не все знают, что по случаю 70-летия Сталина по церквям служились молебны (можно ли себе представить такое на юбилеях Хрущева или Брежнева?). На молебне в Богоявленском кафедральном соборе Святейший Патриарх Пимен сказал: «Всякий, кто лично знаком с нашим Вождем, поражается обаянием его личности; он покоряет собеседника своим внимательным отношением ко всякому делу; ласковостью; своей необыкновенной осведомленностью во всяком деле; силой и мудростью слова; быстрым и благоприятным решением каждого представленного ему дела и вопроса». Можно ли сомневаться в искренности митрополита Николая Ярушевича, когда он рассказывал о встрече со Сталиным 10 апреля 1945 года: «Мы были приглашены в приемный зал и как только увидели Иосифа Виссарионовича, просто и сердечно с улыбкой приветствовавшего нас, мы, как и при первом приеме у нашего великого Вождя, сразу почувствовали себя во власти этой обаятельной и теплой простоты обращения, за которой скрывается подлинное величие носителя этой внешней простоты... По приглашению Иосифа Виссарионовича мы сели, и потекла беседа в атмосфере такой же сердечности и простоты, с какими мы были встречены». Заметим, что Николай Ярушевич тоже не страдал «сервильностью»: он

открыто осуждал хрущевские гонения, за что под давлением властей был отстранен от церковной работы и вскоре умер в больнице при невыясненных обстоятельствах.

Конечно, государство со времен Алексея Михайловича стремилось подчинить церковь. Эти попытки бывали особенно жесткими, когда русское православие оказывалось под давлением западных конфессий. Влияние представителей Киево-Могилянской школы, в которой была сильна католическая традиция, на исправление богослужебных книг стало причиной церковного раскола и жестоких преследований ревнителей старой веры. При императрице Анне Иоанновне, когда Россией правил Бирон, клириков, в том числе архиереев, протестовавших против попыток изменить по немецкому образцу православные обряды и таинства (делами церкви распоряжался тогда лютеранин Остерман), ссылали в Сибирь, истязали, сажали на кол. Факты показывают, что раболепие исторически не было присуще Русской Православной Церкви. Кровью мучеников доказала она непреложность своего упования во время большевистского террора.

Встреча в Кремле в сентябре 1943 года знаменовала начало сотрудничества государства и Церкви. Разумеется, оно не было во всем равноправным, РПЦ приходилось идти на определенные компромиссы с политическим режимом, но важно то, что в главном вопросе — укрепления страны — интересы сторон полностью совпадали. Собственно, РПЦ сегодня тоже сотрудничает с политическим режимом: в этом отношении ее стратегическая линия не изменилась. Но, увы, изменился режим. Его носители, как показал опыт последних двадцати лет, проводят политику, направленную не на укрепление страны, а на демонтаж государственных институтов. От этой политики страдает, прежде всего, государствообразующий русский народ. Нельзя не видеть, что новая власть систематически и последовательно проводит курс на отбрасывание русских на периферию во всех ключевых сферах экономики, науки, образования и культуры. И если раньше сотрудничество РПЦ с государством было исторически оправдано, то сегодня встает вопрос о нравственных границах такого сотрудничества.

Речь идет не о компромиссах, на которые приходится идти высшим церковным иерархам: например, вполне в духе пресловутой «сервильности» называть А.Б.Чубайса в день его 55-летия «одним из наиболее эффективных руководителей России» (адресат послания Святейшего Патриарха эффективен, но как разрушитель страны) или награждать мастера финансовых спекуляций и гражданина по крайней мере двух

государств Бориса Йордана тремя церковными наградами: орденом св. Владимира, орденом св. Серафима Саровского и орденом прп. Андрея Рублева. Учитывая, что Московский Патриархат находится в определенных отношениях с правящей верхушкой и ему приходится проявлять дипломатическую гибкость, на компромиссы можно было бы даже закрыть глаза (в конце концов, руководство РПЦ поздравило с юбилеями и Валентина Распутина, и Василия Белова). Весь вопрос: допустима ли сегодня сама поддержка Русской Православной Церковью политики Российского правительства и, прежде всего, — его национальной политики.

Антирусский характер этой политики сегодня почти или даже вовсе не маскируется. Технологии демонтажа государствообразующей нации используются с нарастающей интенсивностью. В основе этих технологий, во-первых, — разрушение ценностных установок русского человека, основанных на Православии (если развернуть их либеральную оболочку, то увидим в середине не что иное, как грех, преступление против Божественных заповедей), во-вторых, внешнее давление: создание таких социальных условий, при которых большинству русских приходится свои силы без остатка тратить на борьбу за существование во все более враждебной среде, угнетающей их культуру и поощряющей чуждые культуры, часто агрессивные и открыто враждебные.

Авторитетнейший исследователь головного мозга Академик Наталья Петровна Бехтерева писала о том, что личность, угнетенная обстоятельствами, поставленная в ситуацию постоянной борьбы за выживание, не может реализовать свой потенциал, способность к творчеству. А именно славянские народы в высокой степени одарены творческим даром. Но политика власти направлена на то, чтобы снизить круг их возможностей, и мы наблюдаем, как русские вытесняются из всех значимых сфер деятельности. Когда Святейший Патриарх говорит, что «быть богатым в России просто», хочется добавить: просто кому угодно, только не представителю титульной нации. Чтобы в этом убедиться, необязательно видеть списки миллиардеров, публикуемые журналом «Форбс». Достаточно зайти в ближайший супермаркет, на любой рынок, чтобы увидеть, кому принадлежит торгово-розничная сеть, куда идет содержимое кошельков русских покупателей.

Когда личность ставится в условия, при которых она не может себя реализовать, неизбежно происходит постепенное снижение ее потенциала, и мы наблюдаем сегодня, как процесс деградации захватывает все более широкую часть русского народа. Это облегчает задачу его демонизации заинтере-

---

ресованным силам, верным традициям, восходящим еще к гуманистам Возрождения (в частности, к Петрарке, не считавшему славян полноценными людьми). Нынешняя госсекретарь Белого Дома, заявив, что у руководителя России «по определению не может быть души», показала себя прилежной ученицей певца Беатриче. Вспомним, что, расчищая место в Америке поселенцам из Старого Света, западная религиозная мысль доходила до утверждения, что у индейцев нет бессмертной души. А стоит ли жалеть тех, у кого нет сердца и души? Пусть их место займут другие. Поэтому общественное мнение Европы и США, руководимое СМИ, способно выражать симпатии к любому народу, проживающему на постсоветском пространстве, но меньше всего — к народу русскому.

Планомерно и систематически ведущаяся пропаганда, настраивающая Запад против России, по своей сути является дымовой завесой, имеющей целью скрыть от мира подлинную картину величайшей трагедии планетарного масштаба: ускоренный процесс исчезновения русского этноса, разрушение великой русской цивилизации. Причем гасится сама возможность сострадания уничтожаемому народу, достигшему в области культуры вершин, каких не знали другие нации от античности до наших дней (да и наличие этих вершин скрывается: например имя автора периодической системы элементов на Западе предпочитают не называть). Но главный результат русской цивилизации не великая русская литература от Пушкина и Лермонтова до Шолохова и Твардовского. Не музыкальная и исполнительская культура, вырастившая Мусорского и Чайковского, Шаляпина и Обухову. Не русский балет, выпестовавший Павлову и Уланову. Не русская инженерная школа, давшая миру Сикорского, Зворыкина и Королева. Главное ее достижение — сердце русского православного человека. Сердце, в годы Великой Отечественной войны вызывавшее в бою огонь на себя и закрывавшее амбразуры дзотов. Сердце, прощавшее врагов, делившееся последней вареной картошкой с пленным немцем. Сердце, вмещавшее все народы Российской, а затем и Советской империи, так что ни один из них не погиб (а где сегодня цивилизации майя, инков, ацтеков? Где европейские народы — пруссы, ливы, бодричи, висляне, лютичи, мазовшане?..). Уйдет это сердце — мир опустеет, лишившись, может быть, самого главного.

Вспомним, Дмитрий Иванович Менделеев считал, что в начале XXI века русских будет 400 миллионов (рождаемость у нашего народа в его время была выше, чем в Индии), и сравним, сколько нас осталось. Все силы глобального зла

брошены на то, чтобы ослабить Россию, спалить в огне мировых войн и революций, а что не удалось сжечь — разложить мощным арсеналом информационного оружия.

Единственный путь спасения русского остатка — внутренняя мобилизация, организация отпора сбрасыванию в историческое небытие. Любая нация имеет право сопротивляться геноциду. Но именно русскому народу перекрыли пути к сопротивлению. Центральный избирком строго следит, чтобы ни одна партия, не санкционированная Кремлем, не была допущена к выборам. Для подавления инакомыслия широко используется «русская» 282-я статья, наследница печально знаменитой 58-й статьи УК РСФСР. Смерть русского патриота стала обычным явлением, и заранее ясно, что следственные органы не найдут убийц. Параллельно идет дискредитация наемными СМИ русских, искажается русская история, обесцениваются достижения русской науки и культуры. В государстве, которым правят люди, позиционирующие себя православными христианами, насаждается порнография, легализуются сексуальные извращения, вводятся ювенальные технологии разрушения семьи, культивируется насилие. Растут, как грибы после дождя, «магазины для взрослых» (в последнее время они стали множиться на пригородных станциях; неужели их не замечает руководитель РЖД и одновременно глава фонда Андрея Первозванного?). На глазах наших «верующих» руководителей тает православный народ, а они продолжают твердить о неизменности курса на интеграцию в мировую экономику (с таким же жестоким упорством большевики в свое время говорили о своей приверженности диктатуре пролетариата). Главным результатом этого курса стала демографическая пропасть, в которую падают русские. В столице они составляют уже меньше половины ее жителей. 40 процентов детей в РФ сегодня растет в мусульманских семьях.

Не случится ли так, что уже через три-четыре десятилетия некому будет ходить в недавно отстроенные православные церкви, и над храмом Христа Спасителя будет водружен магометанский полумесяц? Будут ли с амвонов церквей, из которых к тому времени еще не вытеснят православных, по-прежнему утверждать, что русский национализм губит народ?

Куда заведет путь «национального смирения», непротivления насилию, которые навязывают русским? Да, нынче не восемнадцатый год. Нет «кожанок из Черезвычайки», пресловутые «тройки» не выносят расстрельных приговоров. Технологии смерти изменились. Убивают незаметно, методов «бесшумного» прекращения жизни множество (например, «планирование семьи», облегчение доступа к наркотикам,

---

разрушение системы здравоохранения). Создается впечатление, что однажды смертный приговор был вынесен всем нам. Вспомним фразу Маргарет Тетчер о том, что русским хватит и 15 миллионов. Что ж, вполне возможно, практичная англичанка поняла, что пятнадцати миллионов туземцев вполне достаточно, чтобы обслуживать добычу и транспортировку нефти и газа. То есть на повестке дня стоит «окончательное решение русского вопроса».

Кто и как может остановить исполнение этого приговора? Вспомним, в Смутное время православная церковь во главе с патриархом Гермогеном стала тем ядром, вокруг которого сформировалось сопротивление антирусским силам. Вспомним и преподобного Сергия Радонежского, благословившего князя на Куликовскую битву. Вспомним патриарха Сергия, 22 июня 1941 года, еще до того, как по радио прозвучало выступление Молотова, призвавшего народ подниматься на Отечественную войну. Русская Православная Церковь всегда была с русским народом.

Сегодня священников не водят на допросы, не ставят на край расстрельных рвов. Больше того, пожалуй, впервые за историю нашей церкви они стали привилегированным словом. Но зато их постепенно лишают тех, ради кого они стали на путь священства и кого должны вести к Богу.

Кому они будут проповедовать Евангелие через 30—40 лет? Наивно думать, что татары, башкиры, калмыки, северокавказские и другие народы, населяющие сегодня нашу Федерацию откажутся от ислама. Да и что будет с самой Федерацией, если русский народ станет в ней исчезающим меньшинством? Что останется: наднациональный проект «Русский мир»? Ему придадут большое значение высшие иерархи РПЦ. Стало традицией, что на ассамблеях Русского мира выступает Святейший Патриарх. Проект этот — «нечто вроде Британского содружества наций», — по словам Патриарха Кирилла, — в котором русский язык используется в качестве языка межнационального общения, развивается русская культура, сохраняется общая историческая память».

Идея Русского мира, «который не признает новых лоскутных границ», восходит к мыслям академика Трубачева о русском языковом союзе, изложенным им в книге «В поисках единства». «Ни одна подлинно великая страна не кончается там, где кончается ее территория», — писал академик. С его точки зрения, после распада императорской России, а затем СССР, постимперское и постсоветское пространство продолжает сохранять единство благодаря русскому языку.

Однако это единство не есть неизбежная данность. Ее стержнем является носитель русского языка — русский народ.

Ослабеет народ — сократится ареал распространения его языка, что мы, собственно, и наблюдаем сегодня. Исчезнет народ — язык станет мертвым. История показала, что другому не бывает. Не стало древних римлян — ни один этнос, живущий на территории римской империи, не говорит на латыни. Исчезла Византия — та же судьба постигла древнегреческий. Ее цивилизационное пространство срезали сначала арабы, а затем до минимума стиснули турки-османы. Не возникни по Божьему Промыслу на севере Русь — судьба православной церкви могла стать совершенно иной, она поделила бы судьбу, скажем, коптской церкви или армяно-григорианской. Конечно, нельзя не согласиться со словами Патриарха Кирилла о том, что у стран исторической Руси «есть веские основания для развития интеграционных процессов: они принадлежат к одному уникальному цивилизационному пространству», но когда основной держатель этого пространства ослабеет, центробежные силы неминуемо одержат верх над центростремительными. Тогда сама идея Русского мира окажется иллюзорной.

«Благодаря православной вере, — сказал Патриарх Кирилл на открытии IV ассамблеи Русского мира, — народ Руси перерос свою этническую ограниченность и смог создать вместе с другими народами единое цивилизационное пространство, в котором Русская Церковь совершает свои пасторские труды». Прежде чем согласиться с этим утверждением, нужно помнить, что именно благодаря православной вере восточноевропейские славяне осознали себя единым народом — русским, живущим в одной стране — Русь. Положим, русский народ перерос свою этническую ограниченность, но разве мы можем это утверждать в отношении татар, башкир, народов Северного Кавказа?.. Недавние поджоги православных храмов в Карачаево-Черкесии лишний раз показали, что цивилизационное пространство РФ отнюдь не однородное и не гладкое: по мере ослабления национального самосознания у русских происходит усиление национализма других народов, населяющих Русский мир.

Когда на его ассамблеях выступают такие фигуры, как М. Швыдкой и А. Фурсенко, невольно возникает вопрос: во благо ли русских развивают этот проект? Не зря его идея имеет широкое хождение в среде либеральных интеллектуалов, говорящих о «многонародной русской нации» (член-корреспондент РАН Валерий Тишков), о русском мире как сетевой структуре диаспор, представляющих разного рода экономические интересы (Петр Щедровицкий). Проводятся «круглые столы» и научные семинары, на которых говорится о чем

угодно, только не о сбережении русского народа. Больше того, прослеживается устойчивая тенденция заменить неудобный (а для многих и нелюбимый) русский народ удобным комфортабельным Русским миром, в котором можно размыть русскую идентичность, выйти за пределы страны на любимый Запад, куда третья волна иммиграции вынесла много россиян, и с ними искать уже не русскую, а «российскую идею» (Вячеслав Никонов).

Замыслу размыть русскую нацию пытаются придать высшую легитимность, цитируя знаменитые слова Апостола Павла: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Но здесь ведь речь идет не о стирании национальных различий (так же, как половых и социальных). Речь идет о том, что все христиане, кто бы они ни были, равны перед Богом. Но это равенство отнюдь не отменяет существование мужчин и женщин, государственных границ, социальной дифференциации, различных этносов, не отменяет любви к своему народу. «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, — говорит тот же Апостол Павел, — тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тимофею; 5:8). А в его «Послании Римлянам» читаем: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян» (Рим. 9:14). Вот идеал любви к своей нации. Вот образец для подражания ревнителям Русского мира. Но в речах выступавших на его IV ассамблее в Интеллектуальном центре МГУ не было слов о русских, о нынешнем их трагическом положении. Зачем портить мрачными красками праздничные цвета Дня единства? Есть прекрасный новый Русский мир, не обремененный ответственностью за судьбу народа, являющегося его главной скрепой, не стесненный государственными границами.

Похоже, что на идею Русского мира работает план построить в Париже, ровно посередине между Эйфелевой башней и Домом инвалидов, кафедральный собор Русской Православной Церкви Московского Патриархата, воскресную школу и другие объекты (участок, как сообщают СМИ, уже куплен, и стоимость сделки эксперты оценивают как минимум в 60 миллионов евро). При нормальном положении вещей такое строительство можно только приветствовать: могучая страна, могучая нация с естественной экспансией культуры, мессианскими устремлениями. В стратегию Русского мира вписывается и активная деятельность РПЦ по расширению собственности на Святой Земле, переводу в свою юрисдикцию русских храмов в Бари, Оттаве, покупка квартала в

Амстердаме, земельного участка в Римини... Разумеется, нельзя не одобрить такую деятельность. Но сегодня что-то царапает в грандиозном замысле. Не получится ли так, что наши пастыри загодя готовятся к ситуации «православие без русских», когда они начнут пасти овец за пределами богоданного отечества? Но, как верно заметил один православный автор, «провидение не обмануть». РПЦ сильна, в первую очередь, приходами в России. Растают они — церковь не удержит имперское пространство, втуне останутся ее миссионерские усилия за пределами нашей страны.

Англичане, демонстрирующие удивительную устойчивость своей государственности, объясняют ее тем, что они, во всяком случае, их политические элиты, мыслят веками и континентами. Россия, к сожалению, представляет собой антипод Британии. Наши элиты, приходя к власти, рушат то, что было создано предшественниками, и разоренная страна всякий раз начинается с нуля (кстати, именно в этом, а не в каких-то изъянах русского национального характера заключается причина бедности населения нашей страны). Единственным устойчивый институт в России — насчитывающая тысячелетнюю историю Православная Церковь. Ей заповедано стратегическое видение судеб отечества в неразрывной связи с Божественным промыслом, Церкви дано соотносить с ним путь России, раскрывать народу высший смысл его национального бытия. До Петра, упразднившего Патриархию, церковь решающим образом влияла на общество, на государственную идеологию и политику. Вспомним, когда Иван III, испугавшись войска хана Ахмата, пытался укрыться в Москве, святитель Вассиан Ростовский встретил его с негодованием: «Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бужишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними. Зачем боишься смерти? Не бессмертный ты человек, смертный; а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войско, увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами». Вот как разговаривали пастыри Русской Православной Церкви с земными владыками!

Кстати, именно архиепископу Вассиану принадлежит мысль о России как «Новом Израиле», которая развивалась затем другими церковными писателями и оформилась в концепцию «Москва — Третий Рим», определившую всю идеологию Московского Царства: «Помни и слушай, благочестивый царь, — все христианские царства сошлись в твое единое, два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство иным не заменится», — писал старец Филофей Василию III. Когда зашаталось устои царства, церковь в лице свя-

---

шенномученика патриарха Гермогена явилась духовной опорой народа в борьбе с польскими интервентами, его грамоты вдохновили Козьму Минина на создание народного ополчения, помогли сплотить здоровые силы нации. Их победа и празднуется в День народного единства — в тот самый, в который традиционно проходят ассамблеи Русского мира.

Наша страна уже два десятилетия живет в идейном вакууме. Элита, сменившая коммунистическую власть, оказалась не в состоянии сформулировать сколько-либо внятной идеи, интегрирующей постсоветский социум. Единственной силой, способной его заполнить, сегодня является наша Церковь. Она может сделать это, во-первых, опосредованно: воспитывая русское православное сознание у руководителей государства, заявивших себя верующими, то есть пасти «стадо элитных овец» (если, конечно, это овцы, а в не волки в овечьей шкуре); во-вторых, непосредственно производя идеи и заряжая общество энергией, необходимой для их воплощения.

Нельзя сказать, что РПЦ не предпринимает усилий в поисках подобных идей. Собственно, сама идея Русского мира призвана заполнить этот вакуум. На IV ассамблее Русского мира Святейший Патриарх говорил о развитии духовной традиции Святой Руси, о возможности создания «цивилизационной традиции, которая уже переходит границы одного народа и генерирует способы духовной и материальной жизни, объединяющие в одно общество людей разных этносов и религий».

Возникает, однако, вопрос: на какой основе сможет произойти такое объединение? До революции 1917 года Русский мир держался на авторитете православного русского народа, православного русского царя и русской Православной Церкви. Советская власть объединяла народы бывшей Российской империи идеей построения общества социальной справедливости. На чем стоять Русскому миру теперь?

Сегодня все больше сторонников приобретает мысль соединить две линии русской истории — царской и советской: энергично развивается философия христианского православного социализма. Она способна стать идеологией масс, к ней позитивно отнесутся представители других верований (в частности, последователи Магомета — исламский социализм может вполне стать союзником социализма православного), то есть способна объединять «в одно общество людей разных этносов и религий».

Приходится констатировать: сегодня у нас в стране нет реальной силы, способной действительно защитить народ и, прежде всего, народ русский. Единственная сила, которая может это сделать, — Русская Православная Церковь. Вот почему

ответственность ее руководителей перед нацией сегодня как никогда велика. И не только перед нацией, но и перед самой Церковью. На чем основан авторитет РПЦ у широких масс? Во многом на почитании сотен тысяч ее мучеников времен большевистского террора. Это своеобразный кредит народного доверия. Он, разумеется, очень велик. Но не беспределен. И, конечно же, когда Патриарх всея Руси, откликаясь на декабрьские события, сочувствует кавказцам, оказавшимся почему-то на Манежной площади, заполненной русскими, пришедшими выразить свое отношение к убийству Егора Свиридова, но не находит слов соболезнования родным и близким убитого русского юноши, а выступления возмущенной молодежи относит к разряду хулиганских действий, это вызывает, мягко говоря, недоумение. И если православный мир увидит, что церковные иерархи оставили заповедь любви в отношении к собственному народу, им безразличны его тяготы, что они равнодушны к страданиям, притеснениям и унижениям, которым подвергаются русские люди, наша церковь столкнется с кризисом, может быть, самым глубоким в своей истории.

Евгений ЕЛЬШОВ,
участник Великой Отечественной войны

ВСПОМНИЛИ О РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ...

Значит, и впрямь дела незавидные, коли в Кремле вспомнили о тех, о ком «забыли» в Конституции, кого вычеркнули из паспортов, кому дали злобные прозвища: «хуже, чем...» И теперь, когда на площадь с протестом выходят новые «декабристы» и когда с бомбой за пазухой рышут нелюди-террористы, на самом высоком уровне раздался призыв опереться на «лучшие черты русского характера»: «терпимость, отзывчивость, умение уживаться вместе с соседями» и т.п. А как убеждение самих носителей этих ценностей — русских, чьи регионы «вымирают в два раза быстрее других» — сказано не было на том же совещании.

Каждый Божий день убивают поодиночке и целыми семьями. И вновь взрывы, кровь, похороны. Как на войне...

На двери подъезда появилось отпечатанное крупным шрифтом объявление: «Граждане жильцы, в связи со сложной оперативной обстановкой, будьте внимательны и бдительны!» Вот оно что: войну теперь называют «оперативной обстановкой». Призывают не от авианалёта прятаться или зажигательные бомбы с крыши дома сбрасывать, а всего лишь не проходить мимо «забытых вещей», в которых может оказаться взрывчатка. К такой войне мы не были готовы — это ярко показали еще события в метро 29 марта прошлого года.

А лет 20 тому назад я написал в одну серьёзную газету статью о нашем метро как о явлении: это — подземный храм, читальный зал, место свиданий, восторг туристов, ковчег. В годы войны это место служило укрытием от опасности, как бомбоубежище. «Служило», пока было государство, действовали законы и нравственные ценности. Когда же они порушились, здесь воцарилась полная беззащитность: твори, что хочешь. Я тогда нарисовал такой образ: незримый враг оставил себе метро «на десерт», когда у него кончатся все другие средства борьбы. Я внушал ответственным читателям: не прозевать бы этот момент, что-нибудь придумать для защиты самого лучшего в мире метро! Но статью мою, конечно, не прочитали или усмехнулись: фантазии...

Метро — только звено в цепи наших упущений в деле безопасности народа. Теперь в «зону боевых действий» (так выразился журналист «Financial Times» на РСН) включены и аэропорты. Что дальше: театры, стадионы, школы? Сегодня пора признать, что страна становится «оперативным» полигоном в геополитической игре глобального мира. Есть аналогия: нападение без объявления войны фашистской Германии на СССР, но есть и отличия: врагу не нужно пересекать границу, он без опознавательных знаков, говорит на нашем языке, а бомбу (мину, гранату, яд) держит под одеждой, возможно, миловидной девицы. Не фашизм ли это тоже? Чей? Кто, в конечном счете, ведёт с нами такую войну? Дознаются аналитики, уже намекающие на «дальнее зарубежье». Нам же надо разобраться с ближним «окружением», с самими собою.

Миф о том, что преступность не имеет национальности, испаряется на глазах. После убийства футбольного болельщика и протеста на Манежной площади власть с неохотой, но заговорила о создании структуры по «этнической преступности». Президент Ингушетии Ю.Евкуров приписал теракт

в «Домодедово» северокавказскому подполью, возглавляемому Доку Умаровым, и следствие это подтвердило. Наконец, исламисты-узники «Матросской тишины», составляющие треть обитателей этого заведения, потребовали выделить им помещение для проведения своих религиозных обрядов. По данным главы московской милиции В. Колокольцева, на долю «гостей» столицы падает более 70 процентов преступлений (еще в советские времена была статистика о преступных «пристрастиях» этнических групп: одни специализировались по торговым, другие по жилищным, третьи по финансовым афёрам и т.д.).

Рост преступности, включая этническую, накладывает повышенную ответственность не только на правоохранные органы, но и на общественные, религиозные и другие организации неблагополучных территорий. Было бы честнее и полезнее, если бы они испытывали не обиду за «неточную» идентификацию своих земляков («лицо такой-то национальности»), а стыд за дурные поступки своих соотечественников и принимали нужные меры. По словам председателя Совета Федерации С. Миронова, нередко этнические диаспоры и землячества «занимаются не поддержкой мира, а защитой своих представителей, независимо от их правоты». Не следует обижаться и тому, что русские пытаются приобщить гостей к своим традиционным ценностям; ведь сказал же президент Д. Медведев на совещании руководителей обеих палат Федерального собрания:

«Русские являются самым большим народом нашей страны. Русский язык является государственным. Русская православная церковь является крупнейшей конфессией нашей страны. И нам нужно развивать самые лучшие черты русского характера именно потому, что в какой-то период лучшие черты нашего характера сделали нашу страну сильной, по сути, создали нашу страну»).

Но озабочены должны быть и русские: к ним пришла война. Чего же им не хватает в новых условиях, помимо того, что у них уже есть? Духовности? Война-то совершенно новая, с вариантами. Справа и слева заклятые враги и вчерашние «друзья», как стоворившись, ополчились на страну, которую еще вчера признавали «державой» или «старшим братом» и бескорыстными дарами которой безмерно пользовались. Мы предоставили Польше все документы обстоятельств аварии польского самолета под Смоленском. Расследование, проведенное под эгидой авторитетной Межгосударственной Авиационной Компании (МАК), установило, что виновата польская сторона. А поляки не верят, обвиняют РФ, требуют

провести повторные допросы наших диспетчеров, обвиняют их в ошибках или недоброжелательности, угрожают пожаловаться в антироссийски настроенный Евросоюз...

Почему так ведет себя Польша? Возможно, сказываются исторические факторы, повлиявшие на характер поляков. Но есть и современные, которым потворствует российская власть. На наших глазах расцвела неоправданная и бесконечная уступчивость России всем и во всём. До этой авиационной катастрофы РФ, преемница СССР, взяла на себя вину за расстрел поляков в Катыни. Мы решили поставить в ней точку даже ценой потери «лица». Российская уступка была воспринята поляками как их «победа» и поощрила их на дальнейшие действия: поиск «русского следа» и под Смоленском.

Возможно, многие поляки в душе понимают абсурдность своих действий и даже испытывают стыд перед восточными «братьями-славянами», но им не терпится смыть позор за допущенную глупость своих «стратегов»: взять на борт самолёта всю правящую верхушку и упрямо, вопреки предупреждениям, ринуться в пропасть. Их стремление к национальной реабилитации можно понять, но если мы уступим давлению поляков еще раз — тогда от нас можно требовать чего угодно. Например, как предположил один радиослушатель РСН, теперь могут потребовать от России, «чтобы она извинилась перед Европой за освобождение от фашизма».

Мы видим, что «круг друзей» смыкается и всё больше напоминает «окружение». Бездействие самоубийственно — надо прорываться из окружения на стратегический простор. Не подставлять «другую щеку», а наоборот, как говорили в нашей деревне, где случались кулачные бои с обидчиками из соседней слободы, давать «сдачи». Мы делаем это сегодня, но так редко и, главное, так робко, что противная «слобода» наших «жестов» просто не замечает.

Вспоминая войну в Осетии двухлетней давности, многие задаются вопросом: можно ли было избежать кровопролития? В любом случае попытку и не одну надо было предпринять: провести «круглый стол» с грузинской диаспорой, подпитывающейся русским гостеприимством; не ограничиваться «винной картой», а затронуть вопросы торговли и энергетики по-крупному; брать инициативу в информационной войне; не прощать ни одного антироссийского выпада Саакашвили. Помнится, В. Путин предлагал даже наносить превентивные удары по скоплениям боевиков — то, что делают США, Израиль и другие страны в подобной ситуации. Но наши дипломаты говорили: «Надо подождать развития событий». Дождались: произошла война.

Чего же нам не хватает? Видимо, характера. Но он чаще идет от природы, а вот волю можно воспитать. Тут у нас явный пробел. Самое ужасное в школе — прослыть «драчуном» и «хулиганом», даже если ты дал «сдачи» забияке. Это начинается даже раньше — с детского садика: один человечек отнял у другого игрушку и обиженный бежит к мамочке или воспитательнице, чтобы пожаловаться и поплакаться. Это и есть «воспитанный» мальчик, таким он останется всю свою оставшуюся, взрослую жизнь. Даже выучившись на боксёра или дипломата... И напутствие наших руководителей спортсменам: быть более энергичными, «агрессивными» в положительном смысле слова, может стать уже запоздалым.

Наконец, смогут ли они защитить своё Отечество, если не могут защитить себя? По «путёвке» Совета ветеранов я побывал в одной воинской части по случаю Дня допризывника. Рассказал, как мы уходили в армию во время войны, по призыву и добровольцами. А когда некоторых из нас уже в училище забраковали (меня по зрению), вернувшись домой, мы снова «атаковали» райвоенкомат и добились своего — обучения и отправки на фронт. Нынешние допризывники мне сказали, что они тоже готовы постоять за Родину, пойти на войну, но только не такую, как сегодня: не на равных. И боятся они не врагов-иностранцев, а здешних. Не строгих командиров, а кавказцев, которые вооружены ножами, а главное — этническими нравами. И наши безоружные, разбросанные первогодки противостоят этому «врагу», сплоченному и агрессивному, не в силах. Речь шла о «дедовщине», да не простой, а этнической. То, что это не фантазии напуганных юношей, подтверждают и центральные СМИ.

Почти четыре десятка новобранцев Балтфлота были жестоко избиты группой «дедов». 38 жертв — славяне («из равнинной части РФ» — политкорректно ссылается источник информации), а мучители — 8 дагестанцев. Изувеченных ребят выложили на земле в виде слова «Кавказ» и сфотографировали с крыши соседнего дома. По словам «Комсомольской правды», «из ностальгических чувств», но, возможно, как полагают другие СМИ, и для отчета о «проделанной работе». Издевательства продолжались постоянно: у военнослужащих отбирали деньги, телефоны, их заставляли работать, петь и плясать погорски. Пока ребята не пожаловались в Комитет солдатских матерей, и одна из них рассказала об этом на радио РСН. Прокуратура Ленинградской области завела судебные дела, но сообщений о наказании мы так и не услышали.

Приведу рассказанный мне эпизод из московской жизни. К русской девушке в ресторане стал приставать и буквально

тащить на танцы против её желания один посетитель. Все вокруг смотрели и ничего не предпринимали. Даже приятели девушки. Тогда к нахалу подошёл один незнакомый и ударом кулака свалил его с ног, а потом за шиворот выволок из заведения. Заступником оказался иностранец.

Нам нужны не воины, владеющие боевой подготовкой, а также характером и волей. Нужно восстановить программу военной подготовки в школе с учётом опыта прошлой войны и современных угроз. Не отказываясь от книг, удовлетворять новые приоритеты молодёжи: важнейшие битвы Великой Отечественной войны сделать в виде компьютерных игр. Решать конфликты не столько голыми уступками, сколько хорошо просчитанными «симметричными» действиями. Сплачивать общество не только в «День народного единства», а каждый день и каждый час.

Альфред КОХ

ВЕРХИ-ТО МОГУТ, А ВОТ НИЗЫ УЖЕ НЕ ХОТЯТ

*(Откровения бывшего заместителя председателя
правительства РФ, изложенные в журнале «Форбс»)*

Мы столкнулись с первыми сполохами бушующего в глубине народного пласта пожара. Да, реальность вот такая, не очень изящная и симпатичная. Да, эти волчата не очень похожи на сытых и ленивых обитателей якеменковского зоопарка.

Но зато, в отличие от кремлевских комсомольцев, это свободные люди. Жестокие? Тупые? Злые? Может быть. Нацисты? Вряд ли. Это скорее человеческая протоплазма, из которой он может родиться, но это пока еще не нацизм. У них нет настоящих вождей, стройной теории, нет никакой организации. Но у этих мальчиков есть одно важное преимущество перед выдуманной страной, которую мы видим глазами Эр-

---

нста и Добродеева: они реальны, они существуют в действительности. И именно это нас всех и пугает.

Что, страшно? То-то же и оно-то же. Да ладно вам хорохориться, сам вижу, что страшно. Так в этом и есть весь трюк: лишь только покажется русский бунт на одну осьмушку его реальной силы — и уже вот вам и готово: толстый пингвин робко прячет тело жирное под мышкой у «Кровавого Режима». «Все что угодно! — кричит наделавший от страха в штаны фрондирующий тандему обыватель. — Зачеркните все, что я говорил до этого. Правьте нами сколько угодно. Только защитите нас от этих погромщиков. Это же ужас какой-то. Откуда только они взялись, эти фанаты, нацисты, скинхеды?» «Ну что? — говорит «Кровавый Режим». — Страшно, сволочи? Вольно ж вам, свиньи, ругать нас, пока все хорошо. А как страшно, так сразу к нам? Ну ладно, на этот раз прощаю. А погромщиков, так уж и быть, накажу».

Что ж это за бунтовщики? Что ж это за карбонарии такие, что наш всегда находчивый премьер аж два дня думал, как комментировать их выходки, пока не придумал ничего лучше, чем обвинить в этом Немцова с Алексеевой.

Средний возраст молодежи, которая пугает обывателей своим радикализмом, составляет примерно 20 лет. То есть это первое поколение россиян, которое не знало совка. В отличие от своих родителей, эти мальчишки выросли в относительной информационной свободе и при отсутствии серьезного идеологического пресса. Первые 10 лет жизни они вообще ничего не понимали, а вторые 10 лет государство лишь имитировало молодежную политику. Как, впрочем, оно вообще имитирует сейчас все — образование, здравоохранение, оборону, правоохранительную деятельность, политическую борьбу, напряженный труд вождей и т.д.

Интересно посмотреть, что же такое мы вырастили, а еще вернее — что же само выросло на наших необъятных просторах? Это тем более важно, что идущие за ними поколения скорее будут похожи на них, чем на нас, а значит, вскоре их мировоззрение и способ его практического использования станет характерной чертой большинства нации. Я далек от претензий на полноту и глубину анализа, но какие-то очевидные выводы сделать можно уже сейчас.

Первое. Эти люди намного смелее нас. Мы, запуганные совки, боимся всего на свете: царского гнева, милицейской дубинки, чеченского ножа, женской истерики. Они не такие. Они открыто выражают свои мысли, они не боятся ментов, они кавказской сплоченности готовы противопоставить свою сплоченность, они готовы в буквальном смысле слова

драться за свои убеждения и интересы. Пусть даже эти интересы ими неправильно осознаны, а методы борьбы, на наш изнеженный вкус, слишком brutальны.

Второе. Они действительно (не на словах) гордятся тем, что они русские. Они осознают тот очевидный факт, что это их земля и что это их право устанавливать здесь те порядки, которые они считают справедливыми. Они готовы драться за эти права и порядки и проявить в этой борьбе заметно большую самоотверженность, чем мы.

Третье. Они невежественны, и поэтому для объяснения своих проблем хватаются за лежащие на поверхности лозунги, которые, как правило, страдают упрощенчеством. Но ведь и власть с завидной регулярностью подкидывает им всё новые и новые аргументы, которые подталкивают не к самокопанию, а к тому, чтобы прийти к простому и вульгарному выводу: «Кремль продал Россию чеченам».

Четвертое. Они не считают сегодняшнюю власть своей властью. Они никак себя с ней не корреспондируют и не видят в ней защитника своих интересов. Для них это какие-то дяди и тети, которые жульническим путем поставлены на свои должности лишь для собственного обогащения. И опять власть с ужасающей производительностью поставляет им всё новые и новые доказательства этого.

Пятое. Вотличие от нас, в них нет священного трепета перед сакральной силой государства. Они ничего хорошего от него не видели. Оно их не образовывало, не лечило и не защищало. Единственный раз, когда они с ним столкнулись, — это когда их старших братьев забирали на две кавказские войны. Можно себе представить, что им рассказывали те, кто с этой войны вернулся. А за тех, кто не вернулся, говорили их могилы. И как им теперь объяснить, почему чеченцев, убивавших русских солдат, амнистируют, а Буданова и Ульмана — нет? Почему чеченцы в начале 1990-х выгнали всех русских из Грозного (а не уехавших зарезали), а мы не можем их заставить хотя бы вести себя прилично в нашей Москве? Почему мы их так щедро кормим, если самим всего не хватает? Наверное, на эти и подобные им вопросы есть правильные и мудрые ответы. Но ведь власть не дает никаких! Она просто делает вид, что их нет. Чего же удивляться, что эти парубки ответили на эти вопросы сами? Уж как сумели, так и ответили. Как говорится, университетов не кончали. Да и какие нынче университеты...

Улица их университет. Вынужден констатировать: это было полбеда, когда чеченцы не хотели жить с русскими в одной стране. Настоящая беда начнется, когда русские не захотят жить вместе с чеченцами.

Можно еще долго перечислять и шестое, и двадцатое, но и сказанного достаточно, чтобы понять: они другие. Они совсем не мы. Когда власть, состоящая в основном из 40—60-летних бюрократов, «общается с народом», она разговаривает со своим поколением. С поколением, которое она хорошо понимает и чувствует. Но мы скоро перестанем быть большинством нации. Нам на смену идут вот эти люди. Бестолковые, жестокие, искренние и активные. Власть, вместо честного диалога со своим будущим народом, придумала «объяснялку» про либералов-provokаторов, а взамен общения с молодежью — проплаченное шоу «Селигер».

Наша сегодняшняя жизнь наполнена суррогатами реальности. Даже по телевизору вместо реального фигурного катания или бального танца идет суррогат в виде кривляющихся «випов». Политическая борьба тоже превратилась в суррогат, когда за разрешением на оппозиционную деятельность идут к Суркову. Мой гневный протест согласован! — кричит нарицательный гозман, тыкая пальцем вверх и не понимая, что выглядит лишь карикатурой на самого себя десятилетней давности. Власть уже давно имитирует жизнь вокруг себя. Она лечит не болезнь, а симптомы. Люди вышли на улицы? Разогнать! Видите: разогнали, и все спокойно. Потому, что это не настоящие граждане, а так, экстремисты, проплаченные западными спецслужбами. А у тех понятно какие задачи: развал России. Настоящие же россияне изнывают от любви к «Едру», а по вечерам выпивают «Путинку» за здоровье помазанников. Но ведь это ложь! И власть знает, что врет. И с кафкианской иррациональностью верит в собственноручно состряпанную дезу. **Загоняя болезнь вглубь, делая вид, что ее нет, можно некоторое время продержаться на самообмане, воспринимая ремиссию как избавление от недуга. Но, выходя в глубине организма, оглушенного болеутоляющим, болезнь вырвется наружу в самых грубых и неуправляемых формах бессмысленного и беспощадного бунта, индивидуального террора и презрения к любым властным институтам вообще.** А вот это как раз и чревато полной анархией и развалом России. Таким образом, наша власть, искренне пытаясь избежать развала страны, наоборот, делает его неизбежным.

Созданная Кремлем потемкинская деревня национальной политики представляет собой адскую смесь из опостылевшей политкорректности, тошнотворной сервильности и давно почившего в бозе пролетарского интернационализма. Это убогое вранье про добрый преданный народ и мудрых вождей невыносимо по своей вторичности. И вот мы столкнулись с первыми сполохами бушующего в глубине народного пласта

пожара. Да, реальность вот такая, не очень изящная и симпатичная. Да, эти волчата не очень похожи на сытых и ленивых обитателей якеменковского зоопарка. Но зато, в отличие от кремлевских комсомольцев, это свободные люди. Они, повторяю, реальны, они существуют в действительности. И именно это нас всех и пугает.

(«Знание-власть!», 2011, №1)

От редакции

Эта публикация — реакция далеко не самого зашоренного представителя т.н. либеральной интеллигенции на выступление московской молодежи 11 декабря 2010 года на Манежной площади. Ее автор, как ни удивительно, выразил правильную мысль о том, что национальное русское чувство рано или поздно обязано было прорваться в той или иной форме после десятилетий замалчивания русских национальных проблем. И нет ничего неожиданного в том, что прорвалось оно именно в такой форме. Говорит это либерал-западник, стоявший у истоков бесчеловечной «демократической революции» в России. Говорит точно и правдиво, выражая общелиберальное чувство страха перед грядущей расплатой за содеянное с нашим народом. Они поняли, что выросла молодежь, лишенная страусинового комплекса, которой нечего терять, кроме морально удушающих «демократических» цепей. И в будущем этой власти и этим самовлюбленным либерал-предателям придется иметь дело с жестким, безоглядным и национально ориентированным поколением.

РАССКАЗЫ

ВАСИЛИЧ

Василич получил позвоночную грыжу — это раз. И какой уж тут теперь работник! Работы-то за зиму провернул гору, да какой работы — книги, семинары, лекции... Словом, к весне накопилось долгов две тысячи этих самых — ненаших, зеленых. Для семейства Василича то был удар.

Вот в таком виде и выехали на дачу: сам Василич, писатель с двадцатилетним стажем и с плотницким инструментом в мешке, жена его — бывший филолог, а ныне на инвалидности, да трое детишек — мал мала меньше, все мальчишки и все хулиганы — помощники еще те...

Василич подрядился строить дом. А вот в грядках копать ему было невмочь. У жены давление... до огорода ли... И это тогда, когда все российское народонаселение роет землю впрок!

По зиме жена запилила Василича: ну, кинь ты свою писанину, никому же это не нужно! С голodu отдохнем! — Василич сам понимал, что плотничать три месяца в году — это маловато. Но бросить писать! Зарыть талант... хоть единоржды предать дело, которому служишь...

ПРОЗА

А ведь на даче неплохо: детишки целый день на воздухе — то воюют, то стучат и гремят, тоже строят что-то свое — вон все гвозди перетаскали... А то бегают между папкиной стройкой и мамкой... Словом, при деле. Жена «пилит», но в меру. А за работой можно и отдохнуть и подумать, и, может быть, закончить большую книгу о *Нынешнем*, что несколько лет уже мучила Василича.

Василич взял арматуру, обошел весь участок и прощупал матушку-землю: торф, как пух, — где метр, где и два и более... — нет, машина здесь не зайдет. Предстояло вывалить, выкорчевать лес, откопать котлован да засыпать его вручную, а дом — дом уже плевое дело.

— Ну, Господи, благослови! — Василич перекрестился и пошел косить мелкоту топором. Где на полусогнутых, где на коленочках — главное не гнуться, беречь поясницу. Разобрав площадку — куда валить — Василич взялся за бензопилу. Деревя стоят — будьте-нате — до небес, не так зайдешь — зажмет, заклинит, пиши пропало. Но у Василича был старый, со стройотрядовских еще времен лесоповальный опыт.

За таким делом невольно лезет в голову всякая чертовщина. О своей книге Василич забыл, в голове под рев пилы проворачивались страницы солженициновского Гулага... Обидно было Василичу за собратьев по перу, с самых первых горбачевских времен так храбро закричавших о свободе. Теперь о свободе продолжали кричать только те, у кого были деньги. Приехал Александр Исаевич, ужаснулся, «Россию в обвале» написал. А кто обвалил-то, кто столпы подпиливал!.. Теперь диссиденты представились Василичу таким лихим Бармалеем из детского фильма. Проковыряли дырочку в днище корабля, а потом кричат: «Ой, откуда вода!»...

Но Бог с ними... Василич чистил пилу, натягивал цепь и снова заводил — не любил он за собой этого критиканства. Грех осуждения. Но что делать — камни уже вопиют. Лучше ни о чем не думать, чем думать о литературе... Работал Василич насмерть, до упоения и быстро забывался в работе. Настоящая работа лечит человека, и о голоде забываешь, и об усталости, но и калечит — забываешь и о своем человеческом, если забыть во имя чего... «А во имя чего это я? — подумал Василич. — Домик новому русскому, это, что ли, наше светлое будущее?.. На кусок хлеба детишкам, как некое извинение перед ними за то, что не прокормить нонче своим писательским трудом, не получается... Или во имя свободных ночных часов, чтобы хоть что-то успеть...»

Неделю Василич валил, корчевал, копал канавы. Но 10 соток нашего лесу — не фунт изюму.. Идя до дому, Василич ставил инструмент да маленько висел на воротах — чтобы спина отошла...

На выходные приехал заказчик, привез аванс. Да нет... в принципе, мужик неплохой. Разговорились. У него и фирма — «для поддержания штанов» (хороши штаны! — подумал Василич). А еще и писатель: «Я по детективам больше...»

«Ого! — улыбнулся Василич, — два писателя на одной улице в маленьком поселке. Это уже перебор». Но это про себя, ничего не сказал.

— А вы в Союзе-то писателей бываете? — Припомнить его лица как-то не удавалось. Впрочем, борзописцы наши все переругались и союзов теперь пруд пруди. «Может, он в другой ходит?» — решил Василич.

— Никуда я не хожу. Там, понимаешь, «писатели» штаны протирают, а я деньги делаю. Настоящие книги — это деньги.

Василич ничего не сказал — тот был по-своему прав. Друзья Василича заседали, шумели, «спасали Россию», печатали книжечки (кстати, иногда и неплохие) за свой счет по 300, ну, по 500 экземпляров... чтобы подарить друг другу и... все. Неужели это и есть литературный процесс? Те многотысячные детективы — это, конечно, не литература — прямая погибель... Но что теперь мог сказать Василич? В кармане у него лежал только что полученный аванс. Он вытащил скомканные бумажки:

— Михалыч, а у тебя рублями нет? Где я тут обменяю...

— Рублями нет.

Василич валил и валил. Где-то день на пятый в голове все утряслось, и будущая книга предстала стройным и четким сооружением. Не зря же по первому своему образованию Василич был архитектор. Надо было только добить свою смену, дотерпеть до ночи и — чердачок, и — стол тесанный своими руками, и — чистая бумага, что давно уже ждала Василича к себе. И... дай-то Бог! Главное — не отвлекаться...

Василич заглушил пилу, чтобы спуститься в ручей напиться. Солнце палило, и с Василича лилось — хоть выжимай. Июнь в разгаре.

— Отец, а нельзя ли бересты надрать? — Перед Василичем стояло двое не то студентов, не то... Лет по двадцать, навеселе уже: один с бутылкой пива, другой с сигаретой. А на горе, метрах в ста над делянкой веселая компания парней и девчонок собирала костер.

— Ну, дерите, вон там береза распущена. — Василич присел на минутку, а вышло минут на сорок.

— Мы, это... шашлык тут хотим... — одному из парней стало как-то неловко. То ли вид у Василича был такой уработавшийся и не гармонировал с отдыхающими, то ли... что-то передалось напрямую, помимо слов. Первому сыну Василича сейчас могло бы быть столько же... но он не любил об этом... А ребята, то ли от того, что пьяны, то ли день такой светлый воскресный, но... русский человек все темнит, темнит и вдруг возьмет и выльет всю душу первому встречному.

— А вы, простите, кто по специальности?

— Сейчас — лесоруб.

— Не-е, а вообще...

Василич увидел тоску какую-то и одиночество во взгляде и решил не отшучиваться.

— Вообще... вообще был архитектором, в театре играл... — То, что пишет книги и считает это делом жизни, Василич не сказал — это уже слишком...

Второй боец нетвердой рукой драл бересту:

— Ну, вот вы с образованием и здесь лес валите?

— Душеспасительно. — Василич сказал тихо и спокойно, так, что у ребят не улыбка, а тревога отразилась на лицах: на их загорелых шеях крестиков было не видно и ожидать можно было всякого.

— И сколько вы тут получаете?

Василич назвал.

— У-у, да я за месяц втрое больше сшибаю.

— Погоди, — перебил первый, — дай поговорить!

Солнце палило, жужжало вокруг летучее всякое, благодатный ветерок оведал сидящих на бревнах троих мужиков. Разговор полился легко и просто:

— Вы вот в Бога верите?

Василич скинул сапоги и перемотал портянки. Посмотрел на ребят, кивнул головой.

— Я вот все ишу... — упав голосом, вел первый. А с горы кричали девчонки: «Что вы там провалились?» У них уже загорелся костер. «Да подождите там!» — крикнул первый. — ...Кастанэдой, значит, занимался, потом — йогой... Потом кололся, значит, вот. Сейчас...

— А я и сейчас колюсь, — перебил второй.

— Подожди! — Первый боялся сбиться. Ухватить что-то главное хотел... и не мог. — Все ишу, знаю, что Бог есть, но вот проблемы...

Василич знал, что если вот так сейчас ляпнуть в лоб: бросай, мол, все и приходи в церковь, то это оттолкнет. Сидеть тут на пеньке в роли Учителя... нет, посмиреннее надо.

— Вот проблемы у меня... — Первый остановился.

— С девушками проблемы?

— Откуда вы догадались? — покраснел первый, а второй только отвернулся и бросил сигарету... На горе девки уже перестали кричать и заявили, что съедят шашлык без них, а парни, бывшие с ними, обозвали пропавших всякими словами... Но эти двое уже и не откликнулись.

— Как не догадаться, — вздохнул Василич. — Вот вы с бутылкой не расстаетесь... а пиво да плюс никотин — вот тебе и импотенция. Уж лучше водку пить.

— Я водку пить уже не могу.

— Да лучше-то ничего не пить. Вам, ребятки, ведь жить и жить еще после нас... А проблемы-то — это во спасение.

— А у вас есть дети?

— Четверо. — Это было правдой. Пред Богом четверо. И всегда будет четверо.

— А вы нам, наверно, в церковь посоветуете...

— Посоветую. Только не спешите. А то вот протрезвеете и переохочется... Много чего еще мог бы сказать Василич: «С первого захода что-нибудь, мол, не так выйдет. Соблазны будут. Не спешите. Силы надо рассчитать, чтобы дойти. А свернувших с полпути — ох, как много...» Но Василич помалкивал, парни-то не дураки: сами поймут.

И они спрашивали и спрашивали, Василич отвечал. Иногда молчал в ответ. Разговор вышел за жизнь, и расставались как-то с грустью. Ребята были не здешние, а так — проездом и, похоже, не увидеть им Василича боле, а Василичу — их. Оттого и грустно стало.

— Вы уж нас простите, мы вас от работы оторвали...

— Э-э, чего там... Ступайте с Богом.

И они ушли.

Меж тем, солнце было уже высоко и надо было наверстывать. Бог знает, с какой попытки Василич завел старенький свой «Урал» и пошел валить ель да березу. Скорей — пока не заглохло, пока не лопнула цепь или еще что-нибудь. Деревья ухали крест-накрест (так легче потом будет распускать на дрова)... и вдруг увидел — малой бежит, прямо к батьке ручонки тянет.

— Васька! Назад! — большая ель уже пошла и вот-вот должна была накрыть сынишку. Васька на бегу посмотрел наверх, увидел падающую на него ель и еще быстрее припустил к отцу...

— Васька, ложись! — Василич уже ничего не видел из-за опускавшейся кроны: «Господи, помилуй, Господи, помилуй, Батюшка-Николушка, помоги!» Земля дрогнула — ель была тяжела, Василич бежал, перемахивая через стволы, к тому месту... Василек стоял, где застало, и до того напугался, что даже не закричал... Ветви накрыли его со всех сторон, но —

чудо! — ни одна не коснулась. Василич схватил малого на руки, и тот прижался к нему крепко-крепко...

Василич побрел было домой — тут метров двести напрямую... услышал тарактенье за спиной, повернул, заглушил брошенную пилу: «Вот ведь, когда надо и не заглохнет!» За штанину Василича ухватился средний — Ванюша. Которого Василич сперва и не заметил. Он-то откуда!

— Пойдем, ребятки, грибков поищем.

— Пап, ты ж говорил, что они через месяц пойдут?

— А пойдем, поищем... — Ясно было, что ребятки соскучились без бати да и убежали со двора. И сейчас, когда на них, да и на нем самом, наверно, лица не было, появляться перед заполошной мамашей было ни к чему. Василич взял Ванюшу за ручку и полез с ребятами в гору: — Ну, ладно, черники поедем!.. — Тут раздался истошный крик матки, прибежавшей, видать, по следу мальцов, но с той стороны кучи дерев, что наворотил Василич, ей было не видно никого:

— Батя! Васька! Ванюша! Где вы! — заголосила она.

— Не кричи, тут мы, чернику едим.

Мать обежала дерева — на ней самой не было лица: то ли видела все, то ли догадывалась — кинулась к малому ошупывать ручки-ножки:

— Цел? Цел?

— Цел-цел.

— Ах, леший, угробил бы сыночку! Все сочиняешь на ходу, не видишь ни черта!.. — и дальше, дальше, чего только не говорила мать. Василич потащил детей в гору: «Пойдем чернику есть», — подальше от позору, от крику... Знал по опыту, что бесполезно, что ничего, ничего не объяснишь... Хотя бабу корить — тошней всего. Василич обернулся: мать сидела на пеньке и плакала... У ног ее лежала пустая бутылка и пачка «Мальборо» да еще — куча бересты, так и забытой парнями.

Василич поворотил, взял мать за руку, и повел всех в лес. Поводил, поводил, — и вправду кой-где черника пошла! — привел домой и снова пошел на делянку. Жара спала, работа пошла шустрой, и мысли вовсе оставили его. О задуманной книге он забыл напрочь... и когда затемно вернулся, все в доме уже спали. В печи стоял горячий чайник, на печке — картошка под одеялом... О том, что Васек был жив (а это чудо явное!) и мирно спал сейчас в своей кровати, Василич и думать не смел...

На следующий день — Господи благослови! — работа пошла своим чередом. Василич пилил стволы на дрова, а сучья жег. Тут только успевай: жар от кострища такой, что мокрые пни прогорают в пепел. Тут только пошевеливайся, тут да-

---

вай... То ли от того, что работка пошла веселая, то ли просто время и час, а стал сочиняться рассказ. Василич отделал его в уме в совершенстве и помнил наизусть, но отходить от костров нельзя было ни на шаг. Обед мать принесла сама. Дети, прибежавшие за ней, кинулись кидать ветки в огонь. Василич насилу прогнал их — кострища были велики, трещали и стреляли горящими головнями во все стороны. Малыми кострами жечь — оно безопасней, но только это на неделю. Да еще ходи, присматривай — как бы чего...

К ночи все поле очистилось от бурелома, осталась только поленница в четыре ряда, несколько елей, оставленных на сруб, да три кучи дышащих жаром углей. Василич — весь черный — умылся в ручье, побрел домой, повисел на воротах... — И-их, жалко лесу-то.

Дети редко когда засыпали без Василича. Вот и сейчас устроили концерт — каждому нужно внимание, а как же! А на часах двенадцать. Мать поставила Василичу тарелку щей, легла и моментально заснула. С нее будет, пусть спит. Но Василичу еще предстояло. Он затеплил лампадку, ребята притихли — это им нравилось. Помолился кратко за всех... Только Василек вертелся на полу, он еще не навык, а устоять на месте — ну нет, «милый дедушка, никакой моей возможности!» Старший послушно лег в кровать, среднему нужно было сказку, а младший сидел на руках — попробуй уложи... Иван-царевич побывал уже в и в тридевятом и в тридесятом царстве, а Василек все не засыпал. Наконец уснул и он. Щи стояли холодные. Василич выпил их через край, взял хлеба и полез наверх... Здесь было у него разом и Болдино, и Ясная Поляна. Зажег лампу, пристроился у стола. Рассказ, так замечательно выходявший в уме, теперь совершенно забылся...

Василич просидел с полчаса или более без всякого видимого движения. Порой мысли неслись в бешеном темпе и сюжет и фразы лепились одновременно, словно там, внутри, некто хотел закончить картину одним ударом кисти... Порой Василич забывал думать, и время останавливалось. Наконец он взял ручку и вывел заглавие:

«Юродивый».

Ворона подошла к собаке и дернула ее за хвост. Собака не реагировала. Ворона дернула сильнее — в клюве остался пучок шерсти... Теперь собака обернулась и посмотрела на ворону как бы с интересом. Вороне стало стыдно... и она пошла, пошла куда-то мимо. Собака опустила голову — она была голодна и замерзала, ей было все равно.

Люди выходили из церкви на мороз. Кое-кто бросал мелочь нищим. Но собаке дать было нечего — деньги ей были не нуж-

---

ны. Нищие тоже замерзли, но служба уже закончилась, — народ расходился... Скоро нищие пойдут домой. Собака останется...» На этом месте Василич уснул и свалился лицом на стол. Внизу тихо спали дети, за окном звенели цикады, плыла луна, вдохновляя поэтов. Ничего этого Василич не видал — он спал крепким рабочим сном без сновидений. Посреди ночи он проснулся — затекла рука и шея. Выключил раскаленную лампу, сполз на матрас, что лежал тут же у ног, прямо на полу. О вечернем правиле он и не вспомнил... — главное, по утру надо проснуться раньше ребят, а то не дадут...

Василич взялся за котлован: нет, не зароем, а откопаем, откопаем наши таланты! К вечеру над поверхностью виднелась только голова и плечи Василича — он дошел до суглинка. Теперь нужно было отвести воду и засыпать щебнем. Щебень был уж на месте: за два прошедших дня шофер сделал шесть рейсов. «Шесть «КамАЗов», восемьдесят четыре тонны», — считал в уме Василич. Все это предстояло перекатать тачкой в котлован. Потом будет легче: столыко же песку, опалубку сшить, связать арматуру, залить бетон. Полдела сделано.

Тачки хорошо катать под Иисусову молитву, но нынче она то и дело исчезала непостижимым образом... Василич, словно продолжая прерванный диалог, рассуждал сам с собой, пробегая в памяти «Колымские рассказы». «Что за ерунду пишет там Шаламов. Якобы он катал тачки со щебнем в 0,25 куб. м или даже в 0,5 куб.м. Это что же выходит — почти тонну щебня? Да еще на деревянном ходу! Да еще по трапикам вверх! Быть такого не может. Ну, там 0,1 куба еще туда-сюда, но полкуба!.. То ли он их сам не катал и не видел, то ли хотел припугнуть московскую интеллигенцию? И чего ее пугать... она и так от одного только слова «тачка» заикаться начинает. Да и вообще, невеселые какие-то рассказы, без Бога, без света. Полярная ночь... Впрочем... моя ситуация отличается мало. Вот ведь, ни вышек не надо, ни Колымы... Он там мог хитрить — выбиваться из сил, падать и даже вовсе обмануть хозяина — умереть без разрешения. А тут надо вкалывать постахановски: 300% плана, и никаких прогулов или там смертей! Полная взаимоудовлетворенность. Славно-славно!»

— Э-э-э-х, опять отвлекся! — корил себя Василич и зате-вал снова: «Господи Иисусе Христе..»

Вечером Василич, чтоб взбодриться, весь в пыли и цементе — машину разгружал — окунулся в озеро. Солнце уже уходило за гору, и озеро запарило. Туман змейками свивался, летел,

---

срываясь с поверхности, и таял в сумерках. А вода-то, вода, прям — молоко. Благодать! Дети стояли на берегу. Смотрели. Темнело. Но вот пришли домой, попили чайку, малых спать повалили, с женой поругались — не без того... И все же часу во втором Василич залез на свое Болдино. На столе лежал листок:

«Юродивый.

Ворона подошла к собаке и дернула ее за хвост...»

Василич перечитал трижды. Да... начало... Но о чем он хотел — вспомнить не представлялось никакой возможности. Василич ругнул себя: «Хоть бы сюжет записал в двух словах, а то гадай теперь, к чему это все было...» Опять посидел молча. Опять время замерло, претерпевая и не подвигаясь вперед из уважения к человеку. Глаза словно заволокло пеленой, и не было в них, казалось, ни единой мысли... Наконец рука пришла в движение и строчки привычно побежали по бумаге:

«Могилка была малюсенькая и крестик малюсенький, и написано на нем: «Люсенька Петрова». Сирень цвела на кладбище, ландыши, черемуха. Гроза отошла только, и по могилкам, по свежим листочкам, камушкам, лужицам — всюду виднелись улитки. Сколько улиток на кладбище... Боже!

В конце дорожки показалась бабушка с клюкой. Завидев ее, вороны, попрятавшиеся было по дождю, устроили гвалт. Снова замелькали ласточки, а то и поползни, скворцы... Так и шагала она, словно по раю, со всей своей летающей и поющей свитой. «Слава Тебе, Господи, добралась!» — Бабушка перекрестилась, поцеловала крестик и села на скамеечку...» Тут у Василича потемнело в глазах — давление ли прыгнуло, или еще что. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль: «Ну хоть сейчас-то надо сюжет записать...» Но мысль мелькнула и оставила. Василич потянулся за валидом. Валидол никогда и не помогал ему, но все же... проплыла рифма: «вали в дол»... Все померкло и оглохло вокруг, и даже мысли ушли, и лишь Имя Божие, не произносимое, но лишь вспоминаемое еще, цеплялось за краешек бытия. Василич опустился на матрас: «Господи, Господи, нельзя, нельзя... дети...» Зашло сердце. Гипертонический криз, и сейчас отпустит через минуту... или — инсульт и все уже...

Не скоро, не скоро отошло. Но отошло, слава Богу, и уснул наконец.

На утро снова: «больше бери, дальше кидай». Скверно: совковая лопата не берет крупную фракцию, уж больно крупна! Щебень грузить, это тебе не песком баловаться. Ладно. Плохо, что и этот рассказ пропал. Даже названия не осталось. Но Василич не унывал: 84 тонны — 400 ходок, всего-то

делов! Удивительно другое: как бы ни работал Василич, Господь не попускал болезни (опять же — детишки, долги опять же), а вот за письменным столом — тут приходилось туго... Можно лопатой махать, можно дом рулить, но отсидеть без движения полночи — это уже тяжело.

Опять «Болдино», опять стол, опять матрас на полу.. Едва Василич стал проваливаться в забытие, едва взвились и понеслись первые, еще неясные сновидения, как детский плач вернул его в реальность. Меньшой Васютка, топая босыми пятками по полу, с криком — видать, испугался чего-то во сне — кинулся искать папку. Василич рванул вниз: полезет сейчас дурачок на чердак и упадет в темноте! Взял сынишку на ручки, укутал и стал расхаживать по избушке: «Тише, тише, Васенька, разбудишь всех...» Поясницу Василича свело и сдавило — целый день в режиме ручной бетономешалки...

— Господи, Боже ты мой, уснешь ты или нет... — Терпение начинало лопаться. Василич запел шепотом: «Поле чистое турецкое, мы, когда тебя, поле, пройдем...», а мысли потекли своим чередом.

Когда Василичу было двадцать с небольшим, и молодая кровь, как и положено, гудела и гуляла, покойная бабуля решилась, видно, внучка оженить:

— Что ты все бегаешь, беспутный?

(Василич и не блудил никогда, чем среди сверстников и выделялся. Но все же шел последний курс института, и студенческие вечеринки по квартирам сокурсниц, хоть и вполне скромные, Василич не пропускал). Беспутный... — нет, не беспутным назвала его тогда бабуля, а — непутевым. Не глянувшись ей девушка, сокурсница Василича, что сама бегала за ним, не сводя жадных глаз.

— Ты приходи ко мне на Пасху, мы к Бусыгиным поедем. Я тебя познакомлю со своей крестницей...

Василич не реагировал или делал вид, что не реагировал, занятый книжкой.

— Коса русая до пояса. С тобой познакомиться хотела... А как в церкви поет! — так вся и светится, как ангел Божий... — О-о, это-то Василича и доконало: Ну, дура полная — молодая девка в церковь ходит, да еще поет!

Василич с малых лет любил приходиться к бабушке с дедушкой на Пасху. Будут пироги есть, кулич, пасху, будут крашеными яйцами биться. И эта старая коммуналка, эти разговоры про деревню, про Первую мировую, про блокаду... Гармонь дяди Лёши, пиджачок с орденами, рюмка, покрытая горбушечкой, за тех, кто... И обрубки посеченных осколком

пальцев по клавишам гармонии... Потом пойдут все вместе провожать гостей — родителей Василича, его самого, сестренку... Огни вечернего Питера, звон трамваев по Садовой... С малых лет так — как обряд — из года в год. Замечательно и волнующе... Но вот Василич подрос и к бабуле чтой-то не пошел, а пропадал он в компании студенточек своих чернявеньких, не поющих и не светящихся. А там на столе вместо кулича и пасхи были торт-наполеон, портвейн и водка.

И вот двадцать пять лет, как в пропасть ухнуло... Где та крестница, кому светит? «И что я, со всем своим бредом бестолковейшей жизни? Познакомиться она хотела, а я — нечистый попутал — убежал. И бегал, бегал, полжизни бегал вокруг Храма большими кругами. Отчего не приручила меня бабушка к храму с малых лет? И сколько дров наломано и прочего всего... Боже ж мой! Да и сама-то ходила в храм редко, от всех украдкой. Икона спрятана была в шкафу, за бельем (я-то пяти лет знал: вот за стопкой белья на третьей полке — Богородица). Спасибо, хоть крестила тайком...» — Василич запнулся, и весь тот вихрь мыслей, что пролетал в его душе, встал и замер. Васенька пригрелся, укачался на руках и уснул.

— О, Господи, прости меня грешного, что я несу!

Василичу стало стыдно за минутную слабость: женись я, что ли на той — руса коса до пояса — и все было бы, слава Тебе Господи... — А эти детки, эта женщина, чье исстрадавшееся нездоровое лицо светилось по-своему в полумраке избушки... Женщина, которую он и терпел едва-тодчас, но все ж таки любил. Что она была бы сейчас без него и что он без нее?.. О, нет, на все воля Божья и ничего переиграть, даже самые тяжкие падения и провалы, он не желал бы. Василич положил сыночка на кроватку: «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа! Спи, Васюха...», потом перекрестил другого и третьего, перекрестил жену, себя, свою подстилку в углу и завалился без всякой мысли и размышления. Уцепившись руками за косяк, вытянул до хруста позвоночник. Полегчало... Уснул, быстро проваливаясь в счастливый младенческий сон.

«Ребенок подошел к отцу и открыл ему пальцем глаза. Отец проснулся. Ребенок был мал и не понимал еще, что отец нуждается в жалости и отдыхе, он был мал и требовал внимания сейчас, а не в будущем, которого для него просто не было... Ну что же? «Подъем, подъем, кто спит — того побьем!» — Василич перечитал начатый листок: «В печку, что ли, все это бросить?..» — задумался на миг, бросил на стол и пошел на работу.

Василич взял второй объект: полдня здесь, полдня там. Так легче — дом рядом — сто шагов: притомишься на одной ра-

---

боте, можно перейти на другую. Дом тут стоял почти готовый, но без стен — каркас и крыша. Хозяин умер и не достроил... Рак. Взялся было сосед, но тем же летом утонул. Три года никто не хотел и братья. Вдова зашла к Василичу как бы ненароком:

— Вот вы там закончите... может быть...

— Нечего и ждать — я в перерывах ухвачу.

Василич пришел, благословился, перекрестил злополучный дом и начал. Под самой кровлей на стропилах жила ласточка.

— Здорово, соседка, — крикнул Василич, когда ласточка скользнула у него над головой и исчезла в гнездышке. Василич пошел колотить блоки да рамы, потом — дюймовка, рубероид да сверху шпунт. Любил он с вагонкой работать — красивая работа. Пока набивал три стены, ласточка была спокойна, — летала мимо, пела песенки, кормила птенцов. Когда же Василич взялся за четвертую, она сообразила, что не залететь ей более в свое гнездышко и заметалась туда-сюда. Василич по три раза на дно цеплялся руками за потолочную балку и висел, чтобы спина отдыхала. А нынче, едва он повис, ласточка тут как тут, села на балку возле Василича и смотрит в глаза — как же, мол? Василич все понял: «Ты не бойсь, я стены зашью, тебе окно открою. А улетишь в свою Африку, тут уж не взыщи, закрою на зиму. По весне вернешься, — давай как все: лепи под застрехой».

Поняла она или нет, а прощebetала что-то и улетела. Теперь повторялось это каждый день: как только Василич повисал на балке, ласточка садилась рядом, и объясняла что-то Василичу — может быть, жизнь свою рассказывала...

Наконец Василич зашил все стены и стекла вставил. Верхнее окно, как обещано, открыл, только ласточка не хотела летать через окно. Птенцы, видать, уже встали на крыло и исчезли вместе с ней. Василич подождал день-другой да окно и закрыл: чего зазря дождю заливать. На первом объекте фундамент был закончен, и пока бетон становился, Василич сидел здесь и занимался внутренкой. Ласточки нигде не было.

По утру закрытое окно оказалось нараспашку. Василич подумал — усохло, наверно, и сквозняком открылось: залез и закрыл. На следующее утро окно было открыто снова. Что за мистика — дом словно звал улетевшую до срока ласточку и открывал окна... Василич залез снова и врезал задвижку. Теперь никаким сквозняком открыться оно не могло. На следующее утро, выглядывая в свое окошко, Василич посмотрел в сторону соседского дома не без тревоги. Слава Богу, окно было закрыто. Придя на объект, Василич так и встал —

теперь у дома открылось другое окно — на противоположном фронтоне... Василич перекрестился, и уж не трогал окон. Осенью, когда все уехали, а ласточки улетели, окно захлопнулось само.

Но пока до осени было далеко. Август был в разгаре. Жаркий, пыльный, без единого дождя. Для стройки это славно. Только вот книга не шла, не шла... Рассказы, начатые и не законченные, валялись во множестве. Теперь Василич просто строил, он решил не бороться более с собой, с усталостью, с бумагой и всем прочим. Просто работа, а чего еще нужно человеку? На большее и рассчитывать грех...

Сегодня полночь он опять вскарабкался на свое Болдино. На столе лежал позавчерашний начатый листок. Но Василич и не взглянул на него. Нет, не то, совсем не то... Он перекрестил себя и дом, лег и уснул. Не проспав и часа, Василич, словно кто толкнул его, вскочил на своем лежбище. Сна не было. А слова так и лились, только успевай. За окном звучали цикады, бились в стекло полуночные мотыльки, чуть слышно гудела электролампа, под стать ей тихо шуршала шариковая ручка по бумаге. Василич чувствовал, что вот оно — и расслабляться нельзя: завтра уже не напишешь. Одна беда — спина... Он исписал уже десяток листов убористым и неровным своим почерком, но сидеть больше не мог. Не отрываясь от работы, отодвинул стул, встал на колени — так было легче. Спина разогнулась, — он повис на столе локтями и дело пошло веселей.

Наконец Василич поставил точку. Усталости не было... Не вставая с колен, он повернулся направо, где висели картонные иконки, прибитые к стене толевыми гвоздями, отодвинул бумаги, разложил перед собой на полу «Молитвослов» и прочитал вечернее правило... Да тут же без остановки начал и утреннее, потому как солнце уже вовсю лилось в окна. Правда, не дочитал... — внизу послышался знакомый стук: меньшей — Васюха — уже проснулся и бежал к Василичу, голенький, перебирая пятками по полу: бум-бум-бум. Прыг — и обхватил папину шею крепко-крепко: «Пап, а чего у тебя лампа горит?» — Папа ничего не ответил, поднялся, закружился по горнице с Васильком на руках — он был счастливым человеком. Поднес малого к окну и распахнул рамы — одуревший за ночь мотылек вылетел наружу.. А навстречу утренний лес пел в тысячу птичьих голосов. Василек заслушался, открыв рот.

— Всякое дыхание да хвалит Господа... — чуть слышно пропел папа сыну. Но сын-то знал это гораздо лучше папки.

Тут бы и поставить точку, тут бы и завершить повесть о Василиче. Кабы не накаркать чего... Но повесть завершаться не хотела.

А было в тот день — Преображение, Яблочный Спас. Василич поехал с семейством в город... Всё лето, не считая Троицы, работал Василич, грешным делом, без выходных. Всё лето, не считая Троицы, не был Василич в храме...

Вернулись затемно. Василич вынес спящих детей из машины, разложил по кроваткам и... наверх. На столе лежали листы. Василич перечел не спеша:

«Василич.

Василич получил позвоночную грыжу — это раз. И какой уж тут теперь работник! Работы-то за зиму провернул гору, да какой работы — книги, семинары, лекции... Словом, к весне накопилось долгов две тысячи этих самых — ненаших...»

Да-а... Нет, совсем не об этом хотелось написать. А о чем же?

Как русский мужик катает тачку, месит бетон... Ладно, надо хоть имя сменить, чтоб не так натурально было. Как бы назвать... Ну. «Вадимыч», что ли...

Что-то тут не так, что-то все-таки не досказано?.. Ладно. Утро вечера мудреней.

А наутро опять работа. Опять лесоповал. Теперь бревна на сруб. Куплены бревна на корню, тут же, на той же горушке, где недавно веселилась молодежь.

С утра у Василича разболелась голова — давило, давило железным обручем. Давление, шут бы его побрал... Но все же Василич продолжал пилить елки. А, завалив и пропилив в размер, кидал их с горы. Были тут и коротыши — окна-то Василич делал сразу, а не пропиливал (как вообще-то полагается) потом. Так было легче. Но больше получалось полномерных концов: ведь нужны были венцы над и под окнами. Бревна, подпрыгивая и сотрясая почву, неслись под угор и застревали где-нибудь на полпути до стройки, зацепившись за пенёк или встречное дерево, поворачивались наискось склона... Последние сто метров Василич волочил их волоком.

Кровушка зашумела, забегала, и голова — слава Тебе, Господи! — отошла. И Василич разошелся: валил, пилил, катал. А сердце уже выпрыгивало из груди... Но что там, главное — голова б не болела! А и не так стар был Василич да и не слаб. И простую мужицкую работу любил пуще всякого иного...

В голове вертелась чужая фраза: «Как нам обустроить Россию?» Он повторял ее на все лады то всерьез, то с иронией и со смехом, и сам себе отвечал: «А вот так, вот так и вот так!» и рубил сучья вмах, норовя срубить их с одного удара. «А вот так, и вот так, и вот так!» — подхватывал бревна и кидал их

под уклон. «А так-то вот, так, и вот так!» — накидывал ремень удавкой и впрягался в лямку — даёшь трелёвку!.. И даже не мелькнуло у него ни разу, что вот, мол, передохнуть бы надо... и он всё ух да ух — вверх-вниз — по полной программе. И даже не так тяжело тащить бревно: по хвое да по пожелтому листу, под горку — само пойдёт! — как с каждой ходкой неумогу становилось подыматься в гору порожним ходом. Вот где сапоги отяжелели.

Поднявшись в последний раз, он с удивлением увидел, что бревен боле нет. Оставалось только подобрать пилу и топор... Сучья... сучья сожжем завтра... И тут только заметил Василич, как колотится сердце, как от седьмого нехорошего пота промокли роба и портки. И всё это — трудный этот пот вперемешку с душистым смоляным еловым да сосновым запахом, весь лес с пением птиц, летящим пухом ольхи, звоном комаров, которых давно не замечаешь... Все эти звуки, запахи, всё это живое, летучее и ползучее... всё было свято, всё было Божьим...

И Василич прилег, где стоял, прямо в мох, в ландыши, в чернику, раскинул руки и загляделся в небо. И мыслей-то у него никаких не было, да они и не нужны были. И если бы и мог он подумать о чем-то в ту пору, то тут бы с порога и прогнал всякую мысль, дабы не мешала счастью вот так лежать, смотреть в небо, ни в чем не сомневаясь...

И тут встало сердце Василича — сколько же можно! — встало...

Вот и конец нашей повести.

Впрочем, для тех, кто верит — это не конец, а только начало. Тут-то всё начинается... Но об этом уже не напишешь вот так — словами. Да и не вем, не вем...

Одно плохо: остались жена да дети малые. Не успел возрастить и на ноги поставить. Это он зря. Это неправильно.

Но... Богу виднее.

КУКУШЕЧКА

— Ой, ой! Шевелится! Смотри, смотри, поднимается!.. А-а-а... Старый! Смотри, земля поднимается!

Земля на грядке пошла трещинами, вздыбилась, но вдруг замерла — тот, кто поднимал её изнутри, услышал голос старухи, вскочившей с завалинки, и замер...

— Чё ты, старая? — старик выглянул в окно.

— Мотри-мотри!

— Дак, крот... чё ты...

— Какой крот, мотри кака горишша...

А гора тихо осела вниз, трещины на грядке сошлись, будто ничего и не было.

Старика и старуху привезли в родную избу. Привезли после нескольких лет отсутствия — в избу, где они прожили почти всю свою жизнь, где родились, и где хотелось бы им — а вот дадут ли? — умереть. В избу, где родилось не одно поколение их предков и где теперь внуки пожелали иметь дачу в заброшенной, заросшей бурьяном деревне.

Теперь старики назначены были дачниками — три месяца стеречь дом от выходных до выходных и... опять в город. Не в поле, не по хозяйству.. А какое хозяйство? — ни скотины, ни животины — даже кур нет. «Вот ещё возиться! — сказали внуки — И никаких огородов! Всё привезём...» И правда, где уж там возиться: дед язвенник, у старухи сердце... Но работать они не могли. Не умели. Это было хуже смерти...

Одурели они, что ли, от городского жития, от чумового теллика, от бессмыслицы и мутоты... И вот на родине всё стало каким-то чудным, непривычным, неузнаваемым. Старики, как малые дети, тыкались и мыкались не зная, как приспособиться к жизни в родном доме.

— Какой крот, рази ж кроты такие бывают! Прёт, как черт... барсук, наверно...

— Барсук на огороде! Ха... ну ты, старая...

А сад позадь избы, порубленный и посохший наполовину, погибал окончательно. Зимой кору погрызли зайцы — а кому было укрыть на зиму! Сейчас, по весне, едва зацвело — пошла тля да гусеницы, а теперь вот ещё и кроты: всюду виднелись свежие горки чернозёма. Гибнет сад, гибнет. А какие яблочки давал... Не только что людям, а и корове, и свиньям перепало. То есть перепадывало — то, что падало, — то и им. А внуки что? А внуки и не видят ничего, не поняли ещё, что через год-другой могут вовсе остаться без яблочка: антоновка, белый налив, каробовка, восковое или медовое ещё зовут — так и светится на солнце. А слива, а вишня, а тёрн... Особенно славная у деда (это он был старшим по саду: прививал, обрезал, мазал варом) была вишня. И это в нашей-то северной стороне! Большую грибковую корзину (а в неё ведра два входило) набирал дед вишни за раз. Варенье, опять же... и она самая — наливочка вишнёвая. Дед клал вишню (без косточек обязательно!) в трехлитровую банку (можно в пяти), закладывал сахаром, сверху надевалась крышка с трубочкой, опущенной в бутылку... Готовые бутылки, закрытые ста-

---

рыми красными, как морковка, сосками, складывались в погреб. Дед был не пьющий, это так — для гостей... Да и рази ж вишнёвая это выпивка — это нектар Божий...

Малые любил заходить в погребец. Это была небольшая землянка между малинником и баней, выложенная дерном, с деревянными двойными (от тепла) дверями, с дощатой трубой-тягой наверху. Там помимо бутылей на полках, хранилась картошка, присыпанная песком морковь, репа... (О-о-о, какое объедение печеная в печи репа!) Соленья и прочую стеклотару старик хранил в подполье. Там было сыро и холодно, а вот в землянке...

— Эй, старый, смотри — коршун кружит!

— Како коршун, это журавель — крылья-то, крылья!

— Како журавель, вон, вишь, кругом ходит!

— Какое... вон шея длинна, ноги...

— Не вижу...

— Вот и я не вижу — высоко поднялся... Да нет, всё одно — журавель.

— Коршун... смотри, к нам подходит... О-о-о, и я ноги вижу.

— А я что говорил — журавель. И чего кружит-то?.. Оголодал, сердешный...

— У ястреба насмотрелся, перенял, это...

— Не-е, ищет чего-то...

А журавль стал опять подниматься кругами, смещаясь за лес, за гору и вдруг — уверенно полетел по прямой... В этот миг старики увидели поднимающуюся с другой стороны небосвода станицу журавлей. Она шла нестройно, но уверенно, нагоняя ушедшего уже далеко вожака. Проходя над деревней, журавли запричитали свой вековечный причет, прощаясь или здороваясь со стариками...

— Это, видать, разведчик был, вожак... те, чо ль, на болоте отдыхали...

— Север никак потеряли?

— Ну...

Уж сколько тут прожито стариками и с детства ведомо, из-за какой ёлки на гребне горы вылетают они по весне, и за неё же уходят, прощаясь по осени... От болота к болоту, от Севера до Африки — как по расписанию: к девятому маю прилетели. Но чтобы как ястреб...

Вечер... Какой уж вечер — ночь! Светлая, белая ночь за занавесками... Старик на лежанке греет старые кости, этажом ниже — под печкой — тикает сверчок. Выше — за потолком — перебегают стремительными перебежками мыши: шу-шу-шу... Старуха на кровати в углу... Старая кровать на пружинах...

жинах с бронзовыми шариками в изголовье (материна), с кружевными подзорами — ещё прабабкиными... А где теперь те кружева? Уж не выходит старая с валиком на крылечко, не звенят, как вешний лёд на реке, её коклюшки... И кружева не в моде, и соседок кружевниц нету — на погосте мастерицы-кружевницы: с кем и выходить на крыльцо, с кем вести разговоры...

Вот так лежат старик со старухой — лес слушают или думают о чём. А в лесу соловьи, как когда-то в ихние семнадцать лет... и кукушка без устали выводит: ку-ку, ку-ку, ку-ку... Вот уж отгуляли соловьи и кукушка, наконец, замолчала:

— Слушай, старая, ужель мы столь с тобой проживём? Ишь, как накуковала — конца-краю нет.

— Ну, ты, старый... Ты-от и не спросил ё.

Старик понял свою ошибку и, помолчав, с боязнью какой-то в этой странной, затянувшейся тишине, пересохшим голосом спросил:

— Кукушка, кукушка, сколько мне жить?

Кукушка отозвалась мгновенно — кукукнула один годок и замерла.

В избе стало тихо. Совсем тихо. Даже сверчок осёкся и замолчал... только ходики: тик-так, тик-так, тик-так... Господи, помилуй!

ИЗ ЗАПИСОК ПРОРАБА

Я вот ещё какую тему показать хотел: народ и царь.

Вот представьте себе завод «Электросила». Тут уже в названии загадочное что-то... Там делали генераторы и турбины. Для электростанций и для подлодок. А мы строили новый корпус для испытания этих силовых агрегатов. Самые большие в мире агрегаты — турбина плюс генератор. И вот... приезжает на завод Брежнев. Много про него рассказывали анекдотов, но ещё больше рассказывали потом — вот, мол, символ застоя, апофеоз проклятого темного прошлого социализма... Но это потом... Потом, когда мы перестали делать эти самые замечательные в мире турбины. И не то что стали делать хуже, чем за бугром, а — вовсе перестали... Потом они от износа будут взрываться, ломаться... ну это — потом... Потом и лампочка Ильича чуть не потухнет...

А тогда еще был тот самый славный «застой» и экономика наша развивалась неудержимо — по восемь-десять процентов прироста ВВП в год. Этот стабильный рост, этот расцвет потом, собственно, и обзовут «застоем». Ну, а анекдоты? Тут,

---

вот что получалось: ведь кого любили, о том, и говорили — Брежнев попадал в тройку самых любимых народных персонажей: Чапаев, Штирлиц и он. Правда, потом эти анекдоты станут толковать как насмешку народа над вождём. Однако — это задним числом.

Итак, Брежнев приехал... Вы представляете, что такое пол в цеху? Пол любого металлообрабатывающего завода... Боюсь, это скоро уйдёт в прошлое (заводы то есть...). Поэтому поясню — пол чугунный (выстлан чугунной плиткой), иногда — бетонный, но всегда — в машинном масле. Этого не учли «шестерки» из обкома. По первому цеху была раскатана привезенная красная дорожка и — по второму... Ильич ходил, здоровался с рабочими, разговаривал с народом... Третьей дорожки не было. Пока шел разговор во втором цеху, в первом дорожку смотрели, забежали в третий — ох, эти экономы! — и раскатали там. И этак думали катать по всему заводу... Но красная дорожка оказалась вся насквозь в масляных пятнах. Не учли. Не могли догадаться кабинетные товарищи. Ильич зашел в третий цех и увидел... И встал, и понял сразу... Замешательство славное: экскурсоводы-комментаторы закрыли сразу своё «рабочее место». (Это, помните, анекдот такой про замполита: *«Замполит: товарищ Петров, уберите своё рабочее место, я сколько раз буду повторять! — Вам хорошо, товарищ замполит, вы рот закрыли — ваше рабочее место убрано»*.) Вот они сразу и закрыли и устались на громадные эти масляные пятна — а что скажешь... Немая сцена. Но Ильич погрозил пальцем и ничего не сказав, продолжал общаться с народом. Ильич по дорожке — народ рядом, нет, не забором оцеплен, не охраной, — сами вступить на дорожку боятся, ибо в рабочей обуви... Что б не напачкать.

Ну, это присказка...

Пришли в испытательный цех. Там уж трибуна сколочена (вот с этим делом — со сколачиванием трибун — проколов не бывало). Речи сказали — всё как полагается... А сыр-борто весь, речи все — это наш ответ Чемберлену: испытание самой мощной турбины. Она действительно в мире аналогов не имела. Конечно, её уж испытывали до того и не раз, и всё слава Богу, но тут... То ли уж из осторожности так вот не спеша стали набирать обороты, то ли Господь промыслил, то ли лукавый пошалил... Однако турбина вошла в резонанс и весь цех заходил ходуном. И как заходил! Начальник кричит инженеру, который на пульте: мол, набирай быстрее обороты — чтобы пройти резонанс... Другой начальник кричит ему же: глуши мотор! Ну, растерялся человек и держит машину в резонансном режиме: ни туда и ни сюда. Что было: народ сы-

---

панул к двери (это ведь почище землетрясения!), начальников как ветром с трибуны сдуло. Один Ильич остался — вцепился в поручень, чтобы не улететь и стоит. Да и не то здоровье, чтоб бегать, а главное — неловко ему бегать... Хотя уж никто и не смотрит в его сторону, а всё одно неловко — не побежал. Фронтвик всё же. Не побежал. А охрана? А чем тут охрана поможет? Они не знали, куда бежать, в кого стрелять. Растерялись... Наконец кто-то нажал там куда надо — турбина набрала обороты, резонанс прошла, и всё путём. Начальники стали выползать — кто откуда... Не сразу, не сразу пришли в норму. Набежало много помощников-спасателей: «Леонид Ильич, Леонид Ильич!..» А он только пальцем погрозил. Не страшно. Никого не сняли, как выяснилось потом. Не посадили... Да и чего сажать — не те времена уже.

А турбина была славная... она потом лет сорок работала на Саяно-Шушенской, пока не взорвалась при нынешних президентях... От переизносу. Её ведь давно надо было заменить, да не на что было — вот и крутили.

А вот история вторая. Приехал Хрущев на Кировский завод. Этого я по возрасту, конечно, не видел, а вот со слов моего бригадира Алексея Ивановича, с которым мы вместе строили на Кировском...

Для выступления Хрущева выстроена была необычайно высокая трибуна — в конце главного сборочного (откуда готовые трактора выкатываются). А там на постаменте памятник военных лет — танк КВ стоит. И вот, когда уже сколотили трибуну, начальник поднялся проверить — а пушка танка оказалась аккурат вровень с выступающим, прямо в него смотрит! Вот те номер! А Никита Сергеевич с минуты на минуту должен приехать! Забегали.

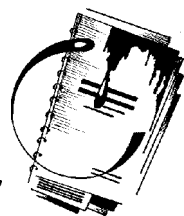
Послали рабочих повернуть башню... Не тут-то было — башня заварена, не повернешь, и пушку не поднять. Во дела! Может, лучше поднять трибуну повыше? Или передвинуть её от греха? Да где успеть! Никита Сергеевич уже въезжает...

Он не в цех, не к народу — сразу на трибуну... Может, не заметит наведенную пушку, может, на народ засмотрится? Да где там: народ внизу, а пушка — вот она, прямо в лоб целит. То ли понял он это как намек, то ли как угрозу, а может, не отошел еще от выступления своего в ООН... Только вместо приветствия Никита Сергеевич погрозил кировцам кулаком: я вам, мол, покажу Кузькину мать — танки на меня нацеливать... Что он потом говорил, много ли начальства потом поснимали, того Алексей Иванович не помнит. Да и не важно... А вот то, что не пальцем, а кулаком — это запоминается...

ТОЧКА ЕЩЁ НЕ ПОСТАВЛЕНА

В августе 2010 года Басманный суд Москвы постановил отменить решение о прекращении следствия по делу об убийстве Императорской Семьи. Тем самым он частично удовлетворил жалобу адвоката Германа Лукьянова, обязав следователя исправить формулировку оценки смерти членов семьи Императора Николая II.

Напомним, что ещё в 2008 году Президиум Верховного суда РФ принял решение о реабилитации Членов Императорской Семьи, в котором указывалось, что в отношении Августейших Особ не совершалось какое-либо уголовное преступление, а расстреляны они были от имени государства. Затем в январе 2009 года Следственный комитет при Прокуратуре РФ прекратил уголовное дело по факту гибели Августейшего Семейства в связи со смертью лиц, совершивших умышленное убийство. Причём следователь СКП Владимир Соловьев, который фактически занимался делом об убийстве Императорской Семьи, выступил с достаточно странным заявлением. По его мнению, Император Николай II был расстрелян по приговору президиума Уральского Облсовета — и поэтому, хоть и с натяжкой,

ДОСЬЕ "МГ"

может считаться незаконно репрессированным и подлежать реабилитации. Что же до членов его семьи и слуг, то, поскольку в их отношении никакого приговора никто не выносил, то налицо акт обыкновенного уголовного убийства и о реабилитации речь не идёт.

С такой позицией следствия не согласились члены Российского Императорского Дома, опротестовавшие позицию Следственного комитета в суде. И действительно, судья Артур Карпов пришел к выводу, что Президиум Верховного суда в своём решении о реабилитации членов Царской Семьи «не отделил Царя от членов его семьи» и установил, что все они погибли в результате расстрела от имени государства.

В Доме Романовых выразили удовлетворение решением Басманного суда Москвы. *«Это большая правовая победа тех, кто дорожит исторической памятью»*, — заявил Интерфаксу директор Канцелярии Главы Российского Императорского Дома Александр Закатов. По его словам, Глава Дома Романовых Великая Княгиня Мария Владимировна о решении суда проинформирована. *«Расследование уголовного дела должно быть возобновлено, или должно быть принято решение о приведении всех документов в соответствие с решением Президиума Верховного суда, который признал Императора Николая II и его семью жертвами политических репрессий»*, — сказал господин Закатов. Решение суда о признании незаконным прекращения расследования уголовного дела удовлетворяет Дом Романовых: *«Суд поступил абсолютно справедливо»*.

Однако следствие в лице старшего криминалиста Главного управления криминалистики Следственного комитета при прокуратуре РФ Владимира Соловьева продолжает не только настаивать на прежних своих выводах, но и делает ещё более интересные умозаключения. Фактически Соловьев снимает всю ответственность за это убийство с Председателя СНК Владимира Ленина и Председателя ВЦИК Якова Свердлова и пытается представить расправу с Царской Семьей некой «инициативой на местах». Как сообщало радио «Голос России», «Следственный комитет при Генеральной прокуратуре России опроверг информацию о том, что санкцию на расстрел в 1918-м в Екатеринбурге царской семьи дали Владимир Ленин и Яков Свердлов».

Владимир Соловьев, в частности, рассказал этому радио, что «ещё с февраля 1918 года прорабатывался вопрос об организации суда над Николаем Вторым. Суд должен был стать публичным, всероссийским, главным обвинителем предполагалось сделать Троцкого. И планы провести этот суд не получились».

Владимир Соловьев настаивает, что Российского Императора с семьей казнили по решению Уралсовета, то есть высшего органа Советской власти в регионе. При этом расстрел был осуществлён без санкции Владимира Ленина, Якова Свердлова или кого-либо из высшего советского руководства в Кремле.

«В начале июля 1918 года военный комиссар Урала Филипп Голощёкин отправился в Москву, где имел встречу с Лениным и Свердловым. Он сказал, что в связи с приближением к Екатеринбург белогвардейцев возникла опасность того, что Царская Семья будет захвачена, и предложил, не дожидаясь суда, расстрелять Николая Второго. Ответ Ленина был категорическим и отрицательным», — сказал Соловьев.

Последнее согласование Уралсовет, утверждает следователь, пытался сделать только в отношении Императора Николая II вечером 16 июля 1918 года. Пытались согласовать, но телеграмма пришла на имя Ленина и Свердлова тогда, когда уже невозможно было доложить и принять какое-то решение до расстрела.

Очевидно, речь идет о направленной руководством Уралсовета 16 июля телеграмме по прямому проводу в Петроград — Г.Е. Зиновьеву. Дело в том, что в 1918 году прямого телеграфного сообщения между Екатеринбург и Москвой ещё не было — связь шла только через бывшую столицу, Петроград. Поэтому Зиновьев по окончании разговора с Екатеринбург сразу телеграфировал в Москву: *«Из Петрограда. Смольного. В Москву, Кремль, Свердлову, копия Ленину. Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите [в] Москву, что условленного с Филипповым суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства. Ждать не можем. Если ваши мнения противоположны, сейчас же, вне всякой очереди сообщить. Голощёкин, Сафаров. Снесите по этому поводу сами с Екатеринбург. Зиновьев. Пометка: Принято 16.7.1918г. в 21 час 22 минуты из Петрограда Смольного 14 22 8».*

Подлинника телеграммы в архивах не сохранилось, и ее цитируют по публикации А.Н. Авдонина «Тайна Старой Коптяковской дороги». Таким образом, телеграмма (если она действительно существовала) была получена в Москве 16 июля в 21 час 22 минуты. Фраза «условленный с Филипповым суд» служила кодовым обозначением решения об убийстве Романовых, о котором условился Голощёкин во время своего пребывания в столице. Однако если, как утверждает Соловьев, в начале июля Ленин категорически запретил расправу над Императором уральским товарищам, то почему же

---

12 июля Уралсовет принял решение о расстреле, а в этой телеграмме лишь фактически извещал московское руководство о своем уже принятом по «военным обстоятельствам» решении?

К тому же заявление Соловьева, казалось бы, противоречит свидетельству Льва Троцкого:

«Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

— Да, а где царь?

— Кончено, — ответил он, — расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Все? — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

— Все, — ответил Свердлов, — а что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решал? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях».

Однако Соловьев доказывает, что в протоколе заседания Совнаркома, на котором Свердлов сообщил о решении Уралсовета по поводу расстрела Царской Семьи, среди присутствовавших фигурирует фамилия Троцкого. Это противоречит его воспоминаниям о разговоре «после приезда с фронта» со Свердловым о Ленине. К тому же Троцкий, как считает Соловьев, сам мечтавший покрасоваться на открытом суде в роли главного обвинителя, был разочарован, что не получил такой «исторической роли», и поэтому не может быть объективным свидетелем.

Жена Свердлова так рассказывает об этих событиях: *«Яков Михайлович вернулся домой под утро, уже светало. Он сказал, что задержался на заседании Совнаркома, где, между прочим, информировал членов СНК о последних известиях, полученных им из Екатеринбурга.*

— Ты не слыхала? — спросил Яков Михайлович. — Ведь уральцы расстреляли Николая Романова.

Я, конечно, ничего еще не слыхала. Сообщение из Екатеринбурга было получено только днем. Положение в Екатеринбурге было тревожное: к городу подступали белочехи, зашевелилась местная контрреволюция. Уральский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, получив сведения, что готовится побег Николая Романова, содержащегося под стражей в Екатеринбурге, вынес постановление расстрелять бывшего царя и тут же привел свой приговор в исполнение.

Яков Михайлович, получив сообщение из Екатеринбурга, доложил о решении облсовета Президиуму ВЦИК, который одобрил постановление Уральского областного Совета, а затем информировал Совет Народных Комиссаров...

Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищи, Свердлов просит слово для сообщения.

— Я должен сказать, — начал Свердлов обычным своим тоном, — получено сообщение, что в Екатеринбурге по постановлению областного Совета расстрелян Николай... Николай хотел бежать. Чехословаки подступали. Президиум ЦИК постановил одобрить...

— Перейдем теперь к постатейному чтению проекта, — предложил Ильич...»

Любопытно, однако, то, что последнее сообщение из Екатеринбурга, как свидетельствует жена Свердлова, было только днем. А телеграмма о решении Уралсовета о расстреле безнадёжно запоздала (хотя решение о нём приняли четырьмя днями ранее), чтобы по ней можно было бы принять какие-то меры по его отмене, но вполне вовремя, чтобы огласить её на Совнаркоме. Все это, по мнению Соловьева, результат чрезмерного радикализма местных органов советской власти. В интервью различным СМИ он рассказывал, что с Императором пытались ещё весной 1918 года расправиться то омские, то тюменские красногвардейцы, а когда было принято решение о переезде Императорской Семьи из Тобольска в Екатеринбург, именно уральские красногвардейцы получили инструкцию доставить «груз» живыми или мертвыми, и второе — предпочтительней. Расправу тогда, по версии Соловьева, предотвратило вмешательство представителя центральной власти комиссара Мячина-Яковлева, прибывшего по поручению Дзержинского с отрядом охранять Царскую Семью. Причём ретивые уральцы якобы собирались заодно перебить и его отряд.

Кроме того, по утверждению Соловьева, и сам Ленин якобы был не склонен спешить с расправой над Царской Семьей — хотя бы потому, что Императрица Александра Феодоровна и Царские дети были родственниками кайзера Германии Вильгельма II, с которым портить отношения правительству большевиков было совсем не с руки — особенно вскоре после убийства немецкого посла графа Мирбаха. Кстати, это вполне согласуется с таким свидетельством, которое приводит Николай Соколов, проводивший расследование убийства Царской Семьи по поручению правительства адмирала Колчака.

Следователь Соколов оставил ещё и такое свидетельство. В июне 1921 года он беседовал в Берлине с Вальтером Бар-

---

тельсом, который был в июле 1918 года консулом в Москве. Вот что записал об этой встрече Соколов:

«Он, Бартельс, со времени возникновения большевистской власти в России, находился сначала в Петрограде, а потом в Москве в качестве германского консула. Ему положительно известно, что за несколько времени до убийства Мирбаха между королем Испании и императором Вильгельмом происходили через специальных курьеров совершенно секретные переговоры, имевшие в виду спасение русского Царя и Его Семьи. В результате этих переговоров через графа Мирбаха последовало требование к Ленину об освобождении Государя Императора и Его Семьи. Ему, Бартельсу, положительно известно, что Лениным было собрано специальное заседание «комиссаров», в котором большинство комиссаров примкнуло к точке зрения Ленина о возможности освобождения Государя Императора и Его Семьи. Такому решению большинства воспротивилась другая партия во главе со Свердловым... Г. Бартельсу известно, что после того, как состоялось решение комиссаров, враждебная этому решению партия тайно отправила своих людей в Екатеринбург, и там произошло убийство Царя и Его Семьи». Эти показания Бартельса тем более правдоподобны, так как он в московском консульстве отвечал за разведработу и связь с агентурой.

Однако, похоже, свои планы были у Якова Свердлова, которого у нас по инерции считают просто верным ленинским соратником, забывая, что по уровню своих амбиций он не уступал тем же Ленину и Троцкому. И зачастую вёл весьма самостоятельные игры. Вот ещё одно интересное свидетельство тех дней — бывшего сотрудника Дзержинского, ставшего впоследствии перебежчиком, Владимира Орлова:

«В июле 1918 года, когда я опрашивал агентов в здании ЧК, посыльный принёс телеграмму, адресованную Дзержинскому, который находился рядом со мной. Он быстро прочитал её, побледнел, как смерть, вскочил на ноги и воскликнул: «Опять они действуют, не посоветовавшись со мной!» — и бросился из комнаты. Что случилось?.. На следующий день мы узнали новость. Императорская семья была расстреляна без ведома ЧК! Самовольно, по указанию Свердлова и кого-то из высших бонз в Центральном Комитете коммунистической партии...»

И Орлов делает вывод: *«По общему мнению, сложившемуся в ЧК, в Революционном Трибунале и в Кремле, решение об убийстве было принято единолично и реализовано собственной властью Свердлова. Он осуществил подготовку втайне от товарищей и только после казни поставил их перед свершившимся фактом».*

А почему царевубийство вызвало такой переполох в ВЧК, понять тоже нетрудно, рассуждает историк Валерий Шамбаров. Это преступление на самом деле было иррациональным с политической точки зрения. Во-первых, в сложной для большевиков обстановке лета 1918 года Романовы были гораздо полезнее для них живыми — в качестве заложников. Это была лишняя козырная карта для торга с теми же англичанами, французами, немцами. Во-вторых, официальная версия убийства не выдерживала критики. Чехи и белогвардейцы находились ещё довольно далеко. Экзекуция совершилась в ночь на 17 июля, а Екатеринбург пал только в августе. В конце концов, ничто не мешало эвакуировать Царскую Семью — дорога на Пермь и Вятку оставалась свободной. В-третьих, наступали на Урал отнюдь не монархисты, а революционеры-учредилоры. Они боялись монархии даже сильнее, чем большевиков. И никаким идейным, объединяющим знаменем Император для них стать не мог. Если бы даже он и попал в их руки, Романовых мог ждать только новый арест. Эсеровское правительство потом даже колебалось, назначать ли следствие по делу о царевубийстве — не будет ли это слишком «контрреволюционно»?

Надо сказать, что Яков Свердлов вел свою собственную игру. Он вообще был личностью незаурядной — в отличие от Троцкого, Зиновьева, Ленина и Бухарина, он не только умел пописывать статейки и выступать с речами, но и был талантливым организатором, не чуждавшимся и черновой работы. Неплохо проявил себя в подполье, в том числе и в планировании и осуществлении пресловутых «экспроприаций». Внёс непосредственный вклад в организацию Октябрьского переворота, в разгон Учредительного собрания. Сумел превратить Съезд Советов и ВЦИК из хаотического митинга в подконтрольный большевикам аппарат по штамповке нужных им декретов. Подмял под себя Советы и их исполкомы на местах, расставлял всюду своих людей. А Екатеринбург и Уралсовет вообще были укомплектованы его старыми товарищами ещё по революции 1905 года.

Историк Валерий Шамбаров так пишет про екатеринбургское советское руководство:

«Уральский областной Совет. Председателем его был Белобородов, в руководство входили Голощёкин, Войков, Сафаров, Дидковский, Вайнер, Сыромолотов, Юровский, Быков, Жилинский, Чуцкаев. В своей книге О.А. Платонов сообщает: «Работая в уральских архивах и фондах музеев, я просмотрел десятки дел лиц, так или иначе причастных к убийству Царской семьи, и вскоре выявил важную закономерность. Все организаторы и ключевые исполнители убийства были боевиками бое-

---

вой организации РСДРП, возникшей на Урале в конце 1905 — начале 1906 года под руководством Я. М. Свердлова».

Подметим: кроме троих — Голощёкина, Войкова (Вайнера) и Сафарова (Вольдина). Хотя и они были направленцами Якова Михайловича, а Голощёкин — его, так сказать, персональным и полномочным послом. Должности они занимали разные — то комиссара продовольствия, то юстиции, то снабжения, то — по безработице. Это роли не играло. Они были здешней властью, и этим всё сказано. А Урал, таким образом, стал личной «епархией» Свердлова.

Так что заявления Владимира Соловьева о том, что раз нет документов, подтверждающих прямое участие Свердлова, то и претензий к нему быть не может, несколько наивно. Ясно, что эти люди с их опытом конспирации и подполья могли запросто обходиться и без письменных директив. А вот такую «самодеятельность», как убийство Императора и всей его семьи без разрешения «шефа», они вряд ли могли себе позволить. К тому же им и так предстояло неприятное разбирательство с московским начальством об обстоятельствах падения Советской власти на Урале.

Да и кое-какие следы всё же остались — их нашёл еще в 1919 году следователь Соколов, когда вёл расследование убийства Императорской Семьи. Соловьев, кстати, уважительно отзывается об этой работе, однако некоторые его материалы считает недоказуемыми. К примеру, Соколовым была найдена зашифрованная телеграмма, отправленная екатеринбургскими большевиками своему руководству: *«Передайте Свердлову что все семейство постигла та же участь что и главу официально семья погибнет при эвакуации».*

Позже в газете «Белградский вестник» была помещена статья «Кто убил Царскую Семью?». Вот часть текста этой статьи:

«Когда большевики и местный Совдеп при приближении белых вынуждены были спешно покинуть Екатеринбург, то впопыхах они оставили на телеграфе телеграфные ленты зашифрованных переговоров по прямому проводу между евреем Свердловым и Янкелем Юровским (Екатеринбург).

Ленты эти вместе с другими следственными материалами попали в руки следователя по особо важным делам Н. А. Соколова, проводившего следствие об убийстве Царской Семьи по приказанию адмирала Колчака.

Расшифровать эти ленты Н. А. Соколову удалось лишь в 1922 году в Париже при помощи специалиста по разборке шифров.

Среди этих телеграфных лент оказались ленты исключительной важности, касающиеся именно убийства Царской Семьи. Содержание их было следующее.

Свердлов вызывает к аппарату Юровского, сообщает ему, что на его донесении в Америку об опасности захвата Царской Семьи белогвардейцами или немцами последовал приказ, подписанный Шиффом, о «необходимости ликвидировать всю Семью».

Приказ этот был передан в Москву через Американскую миссию, находившуюся тогда в Вологде, равно как через нее передавались в Америку и донесения Свердлова. Свердлов подчеркивал в своем разговоре по прямому проводу, что никому другому, кроме Свердлова, обо всем этом неизвестно и что он в таком же порядке передает приказание «свыше» ему, Юровскому, для исполнения.

Юровский, по-видимому, не решился сразу привести в исполнение этот приказ. На следующий день он вызывает к аппарату Свердлова и высказывает мнение о необходимости убийства лишь Главы Семьи, а остальных членов Семьи он предлагал эвакуировать.

Свердлов снова категорически подтверждает приказание убить всю Семью, выполнение этого приказа ставит под личную ответственность Юровского.

Последний на следующий день выполняет приказ, донеся Свердлову по прямому проводу об убийстве всей Семьи. После этого Свердлов сообщил об этом ЦИКу, поставив последний перед свершившимся фактом.

Все эти данные, не вошедшие в книгу Соколова об убийстве Царской Семьи, были лично сообщены Соколовым в октябре 1924 года, то есть за месяц до внезапной своей смерти, его другу».

Олег Платонов выяснил и личность этого друга, и то, что он сам видел и телеграфные ленты, и расшифрованный текст.

Любопытно также, что скончался Соколов накануне назначенной им поездки в США, где должен был выступить на стороне Генри Форда против банковского дома «Кун и Лоеб», которым заправлял Яков Шифф.

Личность последнего заслуживает особого внимания. Якоф Шифф был одним из крупнейших банкиров США, владельцем банка «Кун и Лоеб», уступавшего по объемам своих активов только империи Моргана. Он же был одним из основателей Федеральной резервной системы США. К России же он испытывал искреннюю ненависть. И активно помогал Японии во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. Другим его «хобби» была поддержка российских революционеров.

По данным французской разведки, только через Шиффа российские революционеры в 1915—1917 гг. получили на

подрывную работу не менее 12 млн. долларов, писал Василий Шульгин. Сам Шифф хвастался перед смертью, что он «потратил 21 миллион дол., чтоб низвергнуть русского царя».

Среди его «содержантов» были и такие известные персоны, как Лев Троцкий и Николай Бухарин. Нет подтвержденных данных, что среди них был Яков Свердлов — зато его брат Вениамин подвизался в нью-йоркском офисе «Куна и Лоеба».

По другому вопросу, регулярно поднимаемому при обсуждении убийства Царской семьи, — о её ритуальном характере — следователь Соловьев в своем интервью агентству «Интерфакс-Религия» имеет отрицательное мнение. Однако Валерий Шамбаров приводит следующее свидетельство исследователя Олега Платонова: *«Какие ритуальные танцы они совершили на месте злодеяния, нам неизвестно, но после их ухода на южной, обращенной к храму Соломона, стене комнаты, где погибла Царская семья, остались две надписи, объясняющие значение совершенного здесь ритуала».*

Эти надписи были обнаружены следователем Н.А. Соколовым. Первая — по-немецки, две строки из стихотворения Гейне «Валтасар»: *«Belsatzar ward in selbiger Nacht Von seinen Knechten umgebracht»*. («В эту самую ночь Белшацар был убит своими слугами»).

Другая надпись — четыре каббалистических знака. Три из них — буквы «л» разных алфавитов, «ламед» арамейского, «ламед» самаритянского и «лямбда» греческого. Четвертый знак — косая черта. Причем буквы изображены перевернуто, «вверх ногами».

Относительно первой надписи следствие пришло к выводу, что сделал её еврей, очень хорошо знавший Гейне в подлиннике. Поскольку Гейне писал стихотворение о Валтасаре, не любившем евреев и за это понесшем кару, и имя дал в иудейской транскрипции, Белшацар. А автор надписи счёл возможным пропустить из оригинала слово «aber» — «однако», имеющее смысл в контексте всего стихотворения, но не отдельной надписи. И «скаламбурил», добавив в имя букву «t». В подлиннике — Belsazar. Но с добавлением буквы окончание имени получается «tzar» — то есть «царь» в немецком написании.

Расшифровку второй надписи впоследствии вёл ученый-востоковед, знаток магии, М.В. Скарятин. Дело это было очень непростое и неоднозначное. Поскольку в каббалистике буквы имеют и символическое, и цифровое, и астрологическое значение, особую значимость могут иметь и сочетания букв, и сочетания самих значений, «суммирующихся» раз-

---

ными способами. О.А. Платонов излагает рассуждения и аргументы Скарятинна. Я же процитирую только результирующий итог: *«Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы»*.

Другой наш современный историк, Пётр Мультиатули также выражает недоумение позицией Следственного комитета. *«Совершенно очевидно, что никакой Уралсовет не делал и шага без одобрения большевистского центра и конкретно Якова Свердлова, так как в 1918 году ситуация в Екатеринбурге полностью контролировалась именно Свердловым»*, — заявляет он. *«Так, в преддверии убийства Царской семьи Юровский организовал в Екатеринбурге убийства родственников Ленина — Ардашевых, — напоминает Мультиатули. — Можно себе представить, чтобы подобные расправы над родственниками главы советского правительства Юровский проводил без санкции Свердлова?»*

«Странным выглядит утверждение, что не существует «официального решения» об убийстве Царской семьи. Конечно, не существует! Ни Свердлов, ни Ленин не были бы выдающимися конспираторами, если бы все свои преступные планы объявляли «официально». В убийстве Великого Князя Михаила Александровича, в убийстве Алапаевских мучеников, в расстреле адмирала А.В. Колчака в 1920 году мы видим тот же большевистский почерк, что и в убийстве Царской семьи: преступления совершались тайно, по приказу из центра, причём ответственность за принятие этих решений брали на себя местные партийные власти. При этом тела жертв, как правило, уничтожались без следа», — отслеживает тенденцию Мультиатули. Он также напоминает, что «именно Свердлов проводил спешное расследование по «делу» Ф. Каплан, и именно по его приказу Каплан быстро расстреляли и на территории Кремля сожгли в бочке. Кстати, этот метод заметания следов по-свердловски, то есть сожжение трупов, невольно приводит нас к Ганиной Яме. О том же свидетельствует и имя человека, руководившего «расследованием» дела Каплан — Яков Юровский.

А вот, например, телеграмма Ленина по поводу расстрела Колчака: *«Шифром. Склянскому: Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку: Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?»*

Как видим, всё очень схоже с убийством Царской Семьи. Тайное «архинадежное убийство», «белогвардейский заговор» как предлог для убийства, бесследное сокрытие трупов.

Между прочим, Ленин впоследствии не скрывал свою причастность к убийству Царской Семьи: «Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда».

Н.К. Крупская в своих мемуарах причисляет мужа и себя к числу убийц Царской Семьи: «*Чехословаки, — пишет она, — стали подходить к Екатеринбург, где сидел в заключении Николай II. 17 июля он и его семья были нами расстреляны...*»

Поэтому из всех вышеприведенных прямых и косвенных свидетельств утверждение официального представителя Следственного комитета об убийстве Царской Семьи на основании «самостоятельного решения» Уралсовета выглядит откровенно притянутым за уши.

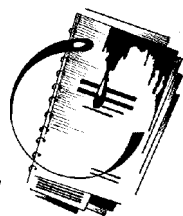
И здесь можно согласиться с Петром Мультиатули: мало того, что позиция СКП уязвима и с исторической стороны, и с правовой, она имеет еще одну опасную тенденцию: вольную или невольную попытку обелить организаторов одного из самых гнусных и кровавых преступлений в отечественной истории и свести его к обычной уголовщине.

ЗА ЧТО УБИЛИ НИКОЛАЕ ЧАУШЕСКУ?

В 1970-х и первой половине 1980-х годов все страны Запада, Международный Валютный Фонд (МВФ), другие транснациональные финансовые структуры всячески поддерживали руководителя Румынии и его политику. Румыния получала льготные займы и кредиты, ее товарам был открыт доступ на рынки Запада, в торговле со всеми странами «большой семерки» она имела режим «наибольшего благоприятствования». Подобных привилегий не имела ни одна страна, являвшаяся членом Варшавского Договора и СЭВа. Почему?

Потому что Н. Чаушеску во многих случаях осуждал внешнеполитические акции советского руководства, занимал самостоятельную позицию в международных вопросах. Так, Румыния отказалась поддерживать советскую военную операцию в Афганистане, а в 1968 году Бухарест заявил об отказе присоединиться к вводу войск Варшавского Договора в Чехословакию. Н. Чаушеску неоднократно подчеркивал, что акции Кремля в Праге и Кабуле приведут к дискредитации Советского Союза, обострят обстановку в мире и будут способствовать развитию антирусских и антисоветских настроений среди на-

ДОСЬЕ "МГ"

селения социалистических стран. Позиция Румынии по этим вопросам устраивала Запад, поэтому западные правительства и финансовые структуры стали поддерживать политику и риторике Н. Чаушеску. И когда в 1970 — первой половине 1980-х годов Москва применяла экономические санкции против «строптивного» Бухареста, у Запада появился лишний козырь в его противоборстве с СССР. Известно, например, что СССР внезапно сокращал свои торговые поставки в Румынию, задерживал оплату румынского экспорта в Советский Союз, применял «информационную блокаду» в отношении позиции Н. Чаушеску по многим международным проблемам, по вопросам мирового коммунистического движения.

Усиливавшаяся напряженность в румыно-советских отношениях способствовала тому, что социально-экономические программы Румынии оказались под угрозой срыва. К тому же Брежнев и Сулов принуждали другие страны СЭВ сокращать торгово-экономические связи с Румынией. Менялись и другие методы давления. Венгерский лидер Я. Кадар, назначенный на пост руководителя Венгрии хрущевским руководством в 1956 г., инспирировал кампанию за «возвращение» Венгрии Трансильвании (исконно румынской территории, оккупированной Венгрией до 1945 г.) и против «дискриминации трансильванских венгров». Марионетка Хрущева и Брежнева Т. Живков тоже стал «проводником» анти-румынской кампании: Болгария стала требовать пересмотра болгарско-румынской границы на Дунае.

В этих условиях Румыния была вынуждена обращаться за финансово-экономической помощью к западным странам и их структурам. Поскольку на долю стран СЭВ многие десятилетия приходилось свыше 60% общего объема внешней торговли Румынии, ускоряемый Кремлем кризис этих связей ставил Бухарест в безвыходную ситуацию. По оценкам румынских источников и МВФ, потери Румынии от осложнения отношений со странами СЭВ составляли за 1980—1985 годы свыше 3 млрд. долларов.

Н. Чаушеску решил стимулировать развитие связей не только с Западом, но и с теми социалистическими странами, которые открыто осуждали внутреннюю и внешнюю политику послесталинского руководства СССР и КПСС — с Албанией, Китаем, Северной Кореей, а также с Югославией, странами Латинской Америки и Африки. Румыния, став активным участником Движения неприсоединения, хотя и не вышла из Варшавского Договора и СЭВа, выдвигала самостоятельные внешнеполитические инициативы. Эти меры Бухареста привели к ухудшению советско-румынских от-

---

ношений. По данным посольства Китая и СФРЮ в Москве, особо резкой критике в политбюро ЦК КПСС подвергалось развитие отношений Румынии с Китаем, Албанией и КНДР — «идейными врагами» хрущевско-брежневского руководства.

В результате, к началу предательской «перестройки» в СССР Румыния стала важным экономическим партнером Запада. С 1975 по 1987 год (включительно) Румынии было предоставлено около 22 млрд. долларов западных кредитов и займов, в том числе 10 млрд. долларов — от США. Срок их погашения приходился на 1990—1996 годы. Но, как отмечалось в прессе США и Западной Европы, финансовые магнаты и официальные деятели западных стран предлагали Бухаресту выплачивать долги политически: намекалось на необходимость выхода Румынии из Варшавского Договора и СЭВа, т.е. на «желательность» открытой конфронтации Румынии с СССР и его союзниками.

Однако Н. Чаушеску отвергал подобные «идеи» и заявил, что Румыния погасит свои долги раньше положенного срока.

До «перестройки» в СССР Запад не называл Чаушеску «диктатором», «сталинистом», «палачом народов Румынии», но после 1985 г. эти эпитеты «приклеивались» к Чаушеску сперва в западной прессе, а затем — в выступлениях официальных деятелей стран «большой семерки». Более того, до 1986 года Румыния даже имела акции в угледобывающей и нефтехимической промышленности США (!). А визиты Чаушеску в США и другие страны Запада до 1985 г. превращались в грандиозные митинги, прославляющие румынского лидера и Румынию...

В 1987 г. Румынию лишили акций в угледобывающей и нефтехимической промышленности США, а приглашения Чаушеску в страны Запада прекратились в том же году. Тогда же был введен запрет на предоставление Румынии кредитов и займов от Запада. А в 1987—1988 годах ее лишили режима «наибольшего благоприятствования» в торговле со странами «большой семерки» и ЕЭС. Словом, Румынии и лично Чаушеску объявили блокаду. Почему?

Потому что румынский лидер отказался поддерживать предательскую «перестройку» в СССР и КПСС, распространявшуюся на страны-сателлиты Москвы. Румыния после 1985 г. активизировала связи с Кубой, КНДР, Албанией и Китаем, а также с Ираном и Ираком, Ливией и Никарагуа, Вьетнамом и другими «ненавистными» Западу странами. Чаушеску подчеркивал, что «перестройка» ведет к крушению социализма и последующему краху социалистического государства и развалу компартии. Такая риторика превраща-

---

ла румынского лидера в заклятого врага горбачевско-ельцинской «команды» и ее спонсоров. Соответствующие же действия Чаушеску на мировой арене подливали масла в огонь антирумынской истерии, развернутой на Западе и кремлевских кулуарах.

СССР и его сателлиты в 1985—1989 годах сократили торговлю с Румынией, стали чаще срывать свои торгово-экономические обязательства перед Бухарестом. Прессинг на Румынию усиливался.

В североамериканской и британской прессе в 1988—1989 годах подчеркивалось, что Чаушеску становится «проблемой для Запада и Горбачева», что Румыния может сплотить все социалистические страны, противостоящие «перестройке». Поэтому, мол, с «Чаушеску нужно что-то решать»...

Румынии пришлось напрячь свои ресурсы и силы для того, чтобы, во-первых, быстро расплатиться с Западом за кредиты и займы и, во вторых, — чтобы резко ослабить зависимость от торговли со странами СЭВ. И эти цели были достигнуты за 1987—1989 годы!

Впервые за послевоенные годы экспорт Румынии на 5 млрд. долларов превзошел ее импорт в 1988 году. Это позволило преодолеть многие экономические трудности, обусловленные блокадной политикой Запада и «горбачевского» СССР в отношении Румынии в 1986—1988 годах. А в декабре 1987 года национальная конференция Румынской компартии по докладу Н. Чаушеску приняла постановление о необходимости большей опоры на собственные силы и ресурсы в строительстве социализма. В этом же документе отмечено, что ликвидация устоев социализма под любыми лозунгами неприемлема для Румынии.

В те же годы Чаушеску прилагал усилия по сплочению всех соцстран и мирового коммунистического движения для борьбы с горбачевским предательством. Активизировались связи Румынии с ГДР и Чехословакией: Э. Хоннекер и М. Якеш тоже выступали против «горбачевских» реформ и против блокадного курса в отношении Румынии. Согласно публикациям югославской и западноевропейской прессы, в Бухаресте был разработан проект создания экономического сообщества соцстран в составе Румынии, Чехословакии, ГДР, Кубы, Китая, Албании, Северной Кореи и Вьетнама: ввиду начинавшегося распада СЭВ создание такого блока позволило бы укрепить сплоченность соцстран, противостоящих «перестройке».

Однако лидеры ГДР и Чехословакии так и не решились на открытый разрыв с Москвой, предоставляя эту «привилегию» лишь Чаушеску. А в Пекине и Тиране резонно предложили

Бухаресту публично огласить его же идею, после чего к ней присоединились бы Китай и Албания (такой же позиции придерживались в Пхеньяне и Гаване). Нерешительность Хоннекера и Якеша сослужила им плохую службу: летом-осенью 1989 года они были сняты со своих постов, а к 1990 г. социализм в Чехословакии и ГДР был официально «завершен» (в том же году ГДР стала частью ФРГ).

Чаушеску не стал оглашать свою идею, опираясь в Европе только на Албанию. Однако в октябре 1988 года в ходе переговоров в Москве с Горбачевым румынский лидер заявил, что Румыния и ее компартия отвергают «перестройку», характер которой означает постепенную ликвидацию социализма. Это не осталось незамеченным в Кремле.

По данным румынской и венгерской эмигрантской прессы 1989—1991 годов и согласно документам, опубликованным в Румынии в 1995 году, с 1987 года на территорию Румынии проникали специально подготовленные агенты из СССР, Венгрии, Израиля, США, Германии, Великобритании, причем их «работа» предусматривала взаимное сотрудничество. По некоторым данным, количество этих агентов к осени 1989 г. превысило 500. Так ЦРУ и КГБ стали «союзниками» против «общего врага»...

В Трансильвании венгерское меньшинство провоцировалось на выступления против Чаушеску, и именно в этом регионе концентрировалось наибольшее количество агентуры и оружия, боеприпасов, антигосударственных подпольных типографий и радиостанций. Протесты Румынии Будапешт игнорировал, опираясь на поддержку Кремля, его сателлитов и Запада.

Есть сведения о том, что в Иране, Албании, Китае и Северной Корее Чаушеску советовали полностью закрыть румынские границы, временно ввести в стране военное положение и огласить многочисленные факты вмешательства Запада и СССР во внутренние дела Румынии. Но Чаушеску не решился на эти меры. Правда, граница с Венгрией была закрыта в марте 1989 года, но было уже слишком поздно...

Между тем, травля Румынии и лично Чаушеску усиливалась на Западе, а также в Венгрии, Болгарии, Польше. По данным МВД социалистической Румынии, количество нарушений границы Румынии со стороны СССР, Венгрии и Болгарии за 1988 год возросло в 3 раза. За тот же год более чем в 5 раз возросла длительность радиопередач на румынском из стран Запада. В приграничных с Румынией районах СССР, Венгрии и Болгарии появились «передвижные» радиоточки, обслуживавшие антисоциалистическую агентуру...

Согласно зарубежным источникам, «румынская тема» осени 1988 г. стала одной из главных в переговорах Горбачева, Шеварднадзе, Громыко и Яковлева с официальными деятелями стран Запада, а также с Бжезинским и Киссинджером. Вряд ли эти факты не были известны Чаушеску. Но в Бухаресте, вместо открытого разоблачения «смычки» горбачевцев и Запада против Румынии и соответствующих мер внутри страны решили ответить «экономически»: к маю 1989 года Румыния полностью погасила свою задолженность перед Западом (22 млрд. долларов), а в июне того же года Бухарест заявил об отказе внешних заимствований! Одновременно Чаушеску заявил, что Румыния не допустит использования торгово-экономических переговоров для вмешательства в ее внутренние дела.

Пример Румынии становился все более опасным для горбачевцев и Запада. К тому же в 1989 г. Бухарест активизировал связи с Ираном, Китаем, КНДР, Албанией, Ираком, Ливией, Кубой. В румынской прессе стали часто публиковаться статьи, осуждающие империализм и «современный ревизионизм». А на праздновании 45-летия со дня освобождения Румынии от фашизма (август 1989 г.) Чаушеску заявил, что «скорее Дунай потечет вспять, чем состоится «перестройка» в Румынии...» Словом, было, за что ненавидеть Чаушеску.

По данным МВД социалистической Румынии, в 1989 г. нарушения румынской границы со стороны Венгрии и СССР стали практически ежедневными. А объем контрабанды в Румынию оружия, боеприпасов и радиопередатчиков увеличился в том же году более чем 3 раза в сравнении с 1988 годом. Радиопередачи на румынском из стран Запада, а также с передвижных «спецстанций» из приграничных с Румынией районов Болгарии, Венгрии и СССР стали ежесуточными. К антирумынской кампании подключилось и Радио Ватикана...

В ноябре состоялся XIV съезд румынской компартии, на котором Чаушеску объявил «перестройку» «вредительством делу социализма» и «пособничеством империализму». Съезд, в соответствии с докладом Чаушеску, предложил создать международное совещание коммунистических и рабочих партий, не созывавшееся с 1969 года. Причем румынское предложение предусматривало участие в этом форуме и тех компартий, которые после 1956 года разорвали связи с КПСС и переориентировались на Албанию, Китай и КНДР. Провести совещание Чаушеску предлагал в Бухаресте или Москве.

Многие компартии согласились с этим предложением, ответили согласием и Пекин, Тирана, Пхеньян, Гавана, Ханой. Но «просоветские» компартии хранили молчание, в том

числе восточноевропейские. Правда, 15 декабря ЦК КПСС направил короткую телеграмму в Бухарест, в которой соглашался «с идеей проведения совещания» (подробнее см.: «Молодая гвардия», 1991, №2, с.109-110). До этого, 4 декабря 1989 года Н.Чаушеску на совещании в Москве глав государств — членов Варшавского Договора заявил, что на предстоящем совещании компартий румынская делегация даст принципиальную оценку «перестройке» и ее последствиям.

Нетрудно предположить, что ожидало горбачевцев на предстоящем форуме компартий. Поэтому Москва предпочла «тянуть» с окончательным ответом.

Но руководство КНР, Албании и КНДР, как свидетельствуют многочисленные источники, советовало Чаушеску созвать совещание, не дожидаясь официального ответа Москвы. В Пекине, Тиране и Пхеньяне обоснованно считали, что Кремль и Запад инспирируют контрреволюционный переворот в Румынии, чтобы сорвать форум компартий. Поэтому «ждать» ответа и прибытия Горбачева на совещание — значит подписывать социализму в Румынии и лично Чаушеску смертный приговор. Но Чаушеску не внял этим предостережениям.

В ходе переговоров тогдашнего президента США Д.Буша с руководством Венгрии (июнь 1989 г.) и с Горбачевым на Мальте (начало декабря), согласно американским, иранским, ливийским и китайским источникам, было принято окончательное решение о перевороте в Румынии и ликвидации Чаушеску. Был согласован и план переворота, который должен был начаться с антигосударственных выступлений венгерского меньшинства в Трансильвании и с террористических акций спецагентов, переодетых в форму румынской госбезопасности. Так оно и произошло.

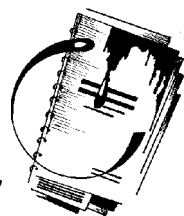
Участившиеся переговоры Чаушеску с официальными представителями Кубы, Китая, Албании и КНДР в ноябре—декабре 1989 г. переполнили чашу терпения в Москве и Вашингтоне. А 18—20 декабря состоялся визит Чаушеску в Иран, в ходе которого Тегеран и Бухарест договорились о военно-политическом и экономическом взаимодействии. Это было уже слишком...

21 декабря в Румынии произошел кровавый переворот. Чаушеску и его жена были зверски убиты иностранными наемниками. А через несколько дней Бухарест посетил Шеварднадзе, поздравивший путчистов-убийц с «избавлением Румынии от тирании Чаушеску»...

БАНДИТСКИЙ РЕЙД

15 лет назад, 9 января 1996 года, боевики численностью около 300 человек под командованием Салмана Радуева и Хункар-Паши Исрапилова атаковали город Кизляр в Дагестане. Событие, от которого нас отделяют полтора десятилетия, имеет символическое значение в истории современной Российской Федерации. В нём отразились все проблемы ельцинизма — недееспособность ведущих политиков, развал управления государством, измена СМИ, подчинение страны популистским планам руководства страны.

Успешность рейда Радуева была предопределена отсутствием стратегического выбора у страны: его не было ни у президента, ни у чиновников, ни у гражданского населения. В первую очередь, не было его у командиров армейских частей, дислоцированных на Северном Кавказе. Бандиты ударили в спину войскам, сражающимся против них. Не раз победно наступавшие наши войска отводились кремлёвскими изменниками. В 1996 году им надо было решить главную задачу — создать иллюзию легитимности предстоящих президентских выборов. В условиях войны это было невозможно, поэтому поли-

ДОСЬЕ "МГ"

тика уступок и непротivления бандитам продолжалась и нарастала по мере приближения выборов. Она-то и привела к дерзкому захвату Кизляра бандами Радуева.

По некоторым данным, о предстоящем рейде на Кизляр российскому руководству было известно. Сценарий ничем не отличался от ещё не забытого нападения банды Басаева на Будённовск. Имелись данные о том, что Кизляр покинула часть чеченской диаспоры. Тем не менее радуевцы смогли беспрепятственно миновать российские блокпосты.

Проникнув на территорию Дагестана, боевики захватили родильный дом и местную больницу, взяли в заложники до 3000 человек, включая женщин и детей. Здание больницы заминировали, чтобы подорвать его вместе с людьми в случае штурма. Радуев полностью повторил изуверский поступок Шамиля Басаева в Будённовске. Как и Басаев, он потребовал от руководства России вывести войска с территории Чечни и всего Северного Кавказа, то есть превратить целый регион в зону бедствия, а его население — в рабов у бандитов и международных террористов. Никаких переговоров Радуев с представителями российской власти не вёл. Опыт Беслана говорил о том, что рядовые бойцы армейских и милицейских подразделений не пощадят бандитов, какие бы приказы им ни отдавались, — уже в первый день захвата Кизляра банда Радуева сильно поредела.

Особенность ситуации состояла в том, что среди заложников были преимущественно представители кавказских народностей. И здесь сработала кавказская солидарность. Не в последнюю очередь — и страх кровной мести. Могли пострадать и чеченцы-акинцы, проживающие на территории Дагестана. Так или иначе, после переговоров с руководством Дагестана 11 января банда под прикрытием 60 заложников покинула город.

Российские власти мешкали: пропускать бандитов в Чечню или нет, рисковать жизнями заложников или дать Радуеву безнаказанно уйти? В Кремле почему-то были уверены, что Радуев выполнит своё обещание отпустить заложников у границы, и здесь его банду можно будет легко расстрелять с воздуха и добить двумя ротами ВДВ, высадившимися под носом у бандитов в чистом поле. Но Радуев этот вариант предусмотрел, он даже особенно и не маскировался. При выезде из села Первомайское, расположенного в 300 метрах от границы, колонна автобусов с боевиками и заложниками была остановлена предупредительным залпом с вертолётов «Ми-24». Боевики тут же отступили в село, где разоружили ничего не знавший о планах руководства блокпост из 36 омовцев

из Новосибирска, которому кем-то (кем?) был дан приказ пропустить колонну и не стрелять. В руки бандитам попали два БТР, 36 автоматов, 4 ручных гранатомёта, ручной пулемёт и множество боеприпасов, а также радиостанция.

В течение 11—14 января предпринимались безуспешные попытки переговоров. Всё это время вокруг Первомайского громоздилась без толку военная техника. Общая численность группировки, созданной вокруг Первомайского, — 2,5 тысячи человек, при них — 32 орудия и миномета, 16 огнемётов, 10 гранатомётов, 3 установки «Град», 54 БМП, 22 БТР, 4 БРДМ, несколько танков и боевых вертолётов. Но вся эта мощь не имела руководящего центра и даже была лишена приборов ночного видения.

Именно тогда страна была потрясена неадекватным поведением президента Ельцина, который рассказал с телеэкрана про снайперов, которые следят за каждым движением боевиков. Он даже показал пальцем, как снайперы сопровождают стволами своих винтовок перемещение намеченных целей. Тут уж вся страна увидела, как пошатнулся раскладок «гаранта Конституции».

После того, как радуевцами были расстреляны двое пришедших к ним на переговоры дагестанских старейшин и 6 милиционеров, российское руководство решилось на штурм. Утром 15 января в чистое поле, без бронетехники, были брошены под огонь боевиков девять лучших штурмовых групп: спецназы «Витязь», ГРУ, «Альфа» и СОБР, не предназначенные для общевойсковых операций и к тому же не имевшие необходимого боевого оснащения. После упорного боя в сумерках им пришлось отойти на исходные позиции. На следующий день сценарий повторился. Зимние ночи солдаты и офицеры проводили в поле — без обогрева и нормального питания.

Имея связь с руководством бандформирований в Чечне, радуевцы получили поддержку в Грозном: там был взорван кинотеатр, захвачены и увезены в неизвестном направлении 29 российских строителей; в турецком морском порту Трапезунд террористы захватили паром «Аврасия», на котором как заложников разместили более сотни российских граждан.

17 января боевики, прикрываясь заложниками, открыто пошли на прорыв. Атака была отбита, но успешным оказался другой их прорыв — в сторону Терека. Бой с превосходящим противником, скрытно подобранным к позициям наших войск, приняла группа солдат и офицеров под командованием полковника Александра Стыцина, который пожертвовал жизнью, прикрывая отход своих бойцов и нанеся зна-

---

чительный ущерб наступающим бандитам. Впоследствии ему посмертно было присвоено звание Героя России.

Части боевиков с заложниками удалось прорваться в Чечню — одни смогли сесть на лодки и добраться до Терека, другие перебежали на противоположный берег реки по нитке газопровода, но попали под удар нашей авиации. Из трёх сотен Радуеву удалось вывести в Чечню около 60 человек и 15 заложников (по другим данным, заложников было вдвое больше).

В ходе операции против банды Радуева нами было уничтожено 153 боевика, захвачено в плен 30. Освобождены 86 заложников. Погибли 78 наших военнослужащих, сотрудников МВД и мирных граждан Дагестана, несколько сотен человек получили ранения. В результате боёв разрушено более тысячи частных домов и квартир. При фактическом разгроме банды, которая бежала, бросив на поле боя раненых и убитых, действия российских сил нельзя считать успешными. Военные потери сопровождались политическим поражением. Чтобы освободить уведённых в Чечню милиционеров, Госдума 9 февраля 1996 года приняла постановление (противозаконное по своей сути) об амнистии выжившим радуевцам. Пленные бандиты были обменяны на пленённых милиционеров!

Через полгода, когда состоялся Хасавьюртовский сговор и Чечня была передана в управление Дудаеву, Радуев и его окружение получили высшие награды Ичкерии — ордена «Честь нации». Радуев стал командующим «армии генерала Дудаева», Хункар-Паша Ибрапилов возглавил на время «антитеррористический» центр мятежной территории, Турпал-Али Атгериев стал министром госбезопасности в правительстве Аслана Масхадова, а Айдамир Абалаев министром внутренних дел республики.

Расплата для участников террористического рейда наступила не сразу. Муса Чараев в марте 1999 года был убит неизвестным выстрелом в спину.

Турпал-Али Атгериев в июле 1999 года задержан в аэропорту «Внуково», в декабре 2001 года Верховным судом Дагестана приговорен к 15 годам лишения свободы. Сразу после этапирования, в июне 2002 года, был госпитализирован с подозрением на лейкемию, вызванную раком почек, и через месяц умер.

Хункар-Паши Ибрапилов в феврале 2000 года подорвался на mine при отходе из Грозного.

Айдамир Абалаев был убит в мае 2002 в результате спецоперации.

Салман Радуев был арестован в марте 2000 года в посёлке Новогрозненский, в декабре 2001 года приговорён к пожизненному заключению, а в декабре 2002 года умер от множественных кровоизлияний во внутренние органы.

Аслан Масхадов был убит в марте 2005 года в ходе спецоперации.

После кизлярских и первомайских событий их участники недолго оставались видными фигурами в российской политике. Генерал армии М.И.Барсуков был освобождён от должности директора ФСБ из-за скандала, связанного с задержанием руководителей предвыборной кампании Бориса Ельцина в июне 1996-го. После этого занимал незначительные административные посты. Генерал армии А.С.Куликов был снят со всех постов в 1998 году, с 1999-го по 2007-й — на политической пенсии в роли депутата Госдумы.

К сожалению, на место прежних предателей-руководителей далеко не всегда приходят более честные и профессионально подготовленные. Может быть, поэтому после радуевского рейда было ещё немало страшных террористических актов — достаточно вспомнить взрывы домов и захват заложников в Москве, погибших детей Беслана и взрывы в московском метро. И сколько ещё может случиться!

Пока живёт измена в государстве, пока действуют гнёзда боевиков на Северном Кавказе, а у страны нет руководящей идеи, пока армия и правоохранные силы дезорганизованы, — нас могут ожидать не только локальные трагедии, но и крупномасштабная война на Северном Кавказе, которая отзовется во всей стране. Как уже сейчас по всей стране расплзается этнический бандитизм, находящий себе высоких покровителей во власти и сочувствие среди изменническо-демократической интеллигенции.

РУССКАЯ ИДЕЯ СЕГОДНЯ

Единство национального самосознания

Чтобы верно наметить возможные пути национального возрождения необходимо прежде адекватно оценить масштаб национальной разрухи. То есть выйти на тот уровень видения нынешнего кризиса, где все распавшиеся части национальной истории предстают как единая цепь закономерностей, до конца открывающих причины распада. Осознание единого смысла этих закономерностей (как исцеление трещин национальной истории) и будет означать формирование новой стратегии будущего России, ее духовно-метафизическое «возрождение из пепла».

К сожалению, современные политологические подходы к анализу нынешней России, независимо от их лево-правой ориентации, страдают противоположным недостатком — узостью исторического взгляда, пытаясь строить цивилизационную логику сегодняшних событий, исходя из политических, экономических и идеологических реалий XIX—XX вв. Между тем, чтобы в

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

полной мере оценить действительное состояние России, и шире — русской цивилизации в ее глобально-исторической перспективе, надо подняться на более высокий уровень и увидеть Россию в ее целостной исторической судьбе как единый духовно-исторический феномен. Такой подход естественно вытекает из того факта, что Россия как единая целостность имеет своим истоком вполне отчетливое духовное рождение — принятие христианства в X веке.

Из этого целостного анализа можно определенно заключить, что цепь потрясений, выпавших на долю России в XX веке, включая и настоящее национально-государственное безвременье, не являются случайными эпизодами русской истории, а есть закономерный (диалектический) итог осуществления в истории мессианского смысла Русской идеи. По степени исчерпания на этом пути духовно-христианского потенциала собственной истории, выражающемся ныне в становлении России на либерально-глобализационные пути Запада (фактически снимающие с России какие бы то ни было остаточные формы ее духовно-исторической самобытности), данный итог можно диагностировать как полномасштабный *цивилизационный кризис*. И это лишь в лучшем случае. Ибо кризис еще предполагает возможность катарсиса, нового прорыва национального духа к актуальному историческому бытию в каких-то обновленных формах самоорганизации. Если же это не кризис, а нечто другое, то, вероятно, просто конец русской истории в собственном смысле этого слова. Так как вся зримая динамика общественно-политических, экономических, культурно-демографических и духовно-мировоззренческих реалий нынешнего либерального выбора России есть, по существу, полное вырождение русского духа как исторической категории.

Итак, будем исходить из того, что нынешний безысходный тупик национальной истории не абсолютно безнадежен и в своем историософском содержании есть лишь глубокий, внутренне обусловленный *цивилизационный кризис*. В чем состоит его историософский и собственно цивилизационный смысл?

Прежде всего, необходимо осознать цивилизационный масштаб этого кризиса как завершение всего тысячелетнего этапа русской истории. Как исчерпание, искупление и исполнение до конца некой изначальной духовно-исторической задачи, наложенной историческим Промыслом на плечи России. Не в том смысле, что Россия уже завершила свой исторический подвиг (пав смертью храбрых на поле истории за «светлое будущее человечества»), а в том, что осуществила

лишь его *первичную* (промежуточную) фазу, выйдя тем самым к новому уровню своей исторической миссии.

Если мы обратимся к существу Русской идеи, метафизически ярко запечатленному в понятии «Святая Русь» и состоящему в осуществлении идеала христианской святости на личном и общественно-соборном уровне, т.е. имеющем одновременно чисто духовную (Святая) и чисто земную (Русь) проекции, то нынешний русский кризис можно трактовать как исторический кризис самой Русской идеи, окончательно распавшейся по своим метафизическим полюсам. «Земная» и «небесная» Русь сегодня уже не имеют между собой ничего общего!.. Если предыдущий коммунистический этап русской истории еще имел, несмотря на свой воинствующий атеизм, отчетливую связь с высоким идеалом Русской идеи, являясь попыткой сугубо *земной* ее реализации, то нынешнее земное содержание российской государственности уже не имеет к Русской идее никакого отношения, являясь ее историческим и духовно-идеологическим отрицанием. Именно это обстоятельство ставит Россию на грань цивилизационного срыва и национальной катастрофы.

Однако есть один обнадеживающий момент: исходный небесный полюс Святой Руси не утратил своего идеального местоположения в национальном самосознании, т.к. храним в нетленных высотах Православия, и это позволяет смотреть на нынешнюю историческую ситуацию оптимистически. В этом позитивном историческом контексте общий смысл русской истории в ее идеологической взаимосвязи диалектически раскрывается как *тезис* и *антитезис*; где первое (тезис) — *небесное* задание Русской идеи, принятое Русью вместе с православием; и второе (антитезис) — реализация этого задания в сугубо *земном* измерении Советской Россией. В этом и состоит содержание цивилизационного кризиса сегодняшней русской истории как исчерпание «до конца» метафизического диапазона национальной идеи. Соответственно, диалектическое разрешение данного кризиса как единственное условие продолжения национальной истории, предполагает *синтез* — новое единство *земных* и *небесных* заданий Русской идеи на качественно обновленной мировоззренческой основе, открывающейся в опыте духовно-исторического самопознания нации. По своему характеру данное всеобъемлющее разрешение русского цивилизационного кризиса будет означать полное завершение цикла национально-исторического *самопознания* и выход Русской идеи на новый уровень реализации. Поэтому новая история открывается для России лишь как *сознательная* история — как

преодоление комплекса эмпирической бессознательности в исполнении мессианских заданий своей истории.

Таким образом, в условиях тяжелейшего национального кризиса, в идеологически и исторически распавшемся русском обществе отчетливо ожидаем **новый мировоззренческий синтез** как обретение общественной русской мыслью нового, фундаментально обоснованного единства национального самосознания.

История есть самопознание нации: осознание ею своей силы и немощи, ошибок и прозрений, величия и падений на пути исполнения своего идеального (боговдохновенного) задания в реальной истории. Между тем и другим существует непреодолимая трансцендентность, что практически неизбежно сопровождается расхождением идеала и реальности в истории, фактическим расщеплением (погрешностью) национального сознания, в итоге — уклонением реальной истории от ее идеальных заданий. Но исчерпание этих уклонений *до конца*, как тяжелое изживание исторических искушений нации на пути страдания, вновь возвращает национальное сознание к исходной правде национальных смыслов, обогащая их новым пониманием реальности и через это корректируя дальнейшие исторические пути нации.

Так, ожидаемый мировоззренческий синтез нового русского самосознания предполагает в первую очередь *исцеление* и *искупление* трагического раскола русской истории начала XX века, оправдание ее объективного историософского смысла и национально-исторического значения. Лишь в этом освобождающем акте самопознания (как покаяния) исчерпывается боль истории и обретается светлая решимость к новому, исторически непорочному, единому в своих целях национальному бытию.

Новое историческое самосознание не просто отвлеченная историософия. Чтобы быть действенным в конкретной истории, новый смысл духовно-исторического самопознания нации должен быть актуализирован в общественно зримой форме — в форме идеологии. Лишь *новая идеология* как новое Слово национального самосознания может легитимизировать и утвердить новые смыслы историко-мировоззренческого синтеза, перевести их из области идеального в конкретную ткань общественной жизни, обозначив тем самым переход национальной истории на качественно новый уровень. Это и будет являться, по существу, новой актуализацией Русской идеи в истории, новым всплеском пассионарности русского духа, выходом его к дальнейшему историческому созданию.

Как же *идеологически* раскрывается сегодня Русская идея? Общее содержание *новой идеологии* как осуществление мировоззренческого синтеза русского самосознания XXI века, являющегося в то же время выходом из цивилизационного кризиса русской истории XX века, если исходить из всего предыдущего изложения — вполне очевидно. Это **общество всеобъемлющей социальной справедливости, основанное на христианском нравственном законе**. Общество, где структура, содержание и форма социальных отношений не противоречат, а в максимальной степени соответствует принципам христианской этики, духовности и нравственности. Где понятие христианской *святости* как идеал имеет отношение не только к отдельной личности христианина, но и служит организующим идеологическим императивом для всей системы общественно-социальных отношений. Так, чтобы дух христианской Истины («Бог есть любовь») преображал не только человеческую личность в ее индивидуальном стремлении к совершенству, но и сами формы человеческих отношений, подчинив их нормам христианского социального закона как необходимому условию закрепления христианской Истины в реальном мире. Здесь земное и небесное содержание Русской идеи обретает новое актуальное единство; здесь русская история разрешает свои застарелые противоречия; здесь национальный цивилизационный кризис оборачивается свободой к новым историческим горизонтам.

Не важно, как определит себя это новое общество христианской справедливости — христианский социализм, неосоциализм или как-либо еще; принципиально важным его идеологическим качеством должно стать единство духовных истин и реальных форм их общественного утверждения, т.е. то, что на протяжении всей христианской истории оставалось фактически не стыкующимися в реальной практике областями. Именно это фарисейское по существу разделение христианского самосознания и реалий общественно-социальной жизни привело в конечном итоге, с одной стороны, — к либерально-апостасийному разложению традиционных христианских обществ; и, с другой, — к полосе атеистических по форме, но христианских по духу социалистических революций. Данное «фарисейское раздвоение» христианского социального самосознания и призвано преодолеть новое общество.

По глубине духовно-идеологического переворота и проникновению христианского духа во все сферы общественной жизни это общество можно условно определить как новый христианский фундаментализм. Но не в форме клерикальной диктатуры внешних церковных установлений, а в

форме внутреннего (идеологического) соответствия принципам социальной организации общества духу и смыслу христианской истины. С другой стороны, это отнюдь не отрицает светского измерения общества, в его культуре, экономике, политике и т.д., но есть лишь органичное взаимопроникновение *религиозного* и *светского* как обретение общественным сознанием гармоничной одухотворенной цельности, где духовное и материальное, научное и религиозное, светское и церковное находят свое новое взаимодополняющее и взаимообогащающее развитие. В этом смысле ожидаемое единство национального самосознания подразумевает не только новое духовно-историческое единство Русской идеи, но несет в себе и качественно *новую* мировоззренческую парадигму, открывающую принципиально новые горизонты человеческого самопознания и мироустройства. Поэтому разрешение нынешнего российского кризиса имеет и безусловное общечеловеческое цивилизационное значение.

Таким образом, нынешний национально-исторический рубеж имеет лишь два варианта исхода: либо дальнейшая, вялотекущая «управляемая катастрофа» и полное исчерпание пассионарной энергии нации как утрата ею смысла и духа Русской идеи — и через это схождение с исторической дистанции в качестве «отработанного» субъекта истории; либо — наоборот, решительная опора на внутренние импульсы Русской идеи как новое осознание идеальных заданий русской истории в форме *новой христианской идеологии*. Подобное пробуждение русского духа означало бы качественное обновление национального самосознания и начало очередного этапа русской пассионарности. Здесь замыкаются все ветви и смыслы тысячелетней национальной истории, и начинается новое национально-историческое бытие, имеющее одухотворенные и светлые горизонты.

О неизбежности нового идеологического разворота национальной истории на рубеже ее нынешнего кризиса убедительно говорит А. Панарин: «Следует с самого начала развеять одно недоразумение, связанное с привычкой власти заказывать идеологию. Идеологии не рождаются в кабинетах, они — продукт «плазменных» энергий человеческого духа, пробуждающегося в ответ на грозные вызовы истории. «Большая идея» — это всегда ответ осажденного роковыми силами, но не сломленного субъекта, сохранившего ориентацию на идеал. Она появляется тогда, когда наличные материальные ресурсы иссякли и люди ищут опору в ресурсах духовных, там, где действительно заключен источник всех чудес и парадоксов человеческой истории.

Власти — заказчики на «Большую идею» не подозревают, с какими энергиями им в самом деле предстоит столкнуться»...

Притяжение будущего

Любой цивилизованный переход можно рассматривать в категориях идеологической эволюции как смену внешней организационной структуры общества на основе принятия новой идеологии. Данный переход всегда сопряжен с точкой идеологического перехода, когда общество оказывается в идеологически нулевом (бессознательном) состоянии, равносильном утрате национальной идентичности — или в «точке смерти». Специфическая функция новой идеологии состоит в этом случае в метафизическом *воскресении* идеальных сущностей прошлого в обновленных идеологических формах будущего. Для национального самосознания, находящегося в *настоящем*, это означает перенос идеального *смысла* национального прошлого в актуальные масштабы *будущего*.

Сам по себе этот процесс сопряжен с очень большими трудностями, связанными с интенсивной «переоценкой ценностей» и соблазном линейного традиционализма как представления будущего просто в форме иной транскрипции прошлого. В противоречивом сочетании этих факторов состоит извечный эволюционный парадокс общественной жизни, зачастую оборачивающийся тяжелыми революционными катаклизмами. Последнее можно отнести и к сегодняшней России, цивилизованный переход которой парадоксальным образом завис в «мертвой зоне» идеологической революции.

Это обстоятельство является особой чертой нынешнего кризиса, значительно осложняющей его разрешение. В координатах идеологической революции нынешнее российское общество находится в состоянии искусственно затянутой идеологической паузы (в историческом безвременье), когда старая идеологическая структура (а с ней и прошлая национальная государственность) рухнула, а *новая идеология* (и будущая национальная государственность) не может вступить в свои исторические права в силу искусственной подмены ее западным идеологическим суррогатом. Поэтому, чтобы закончить переход и выйти из тисков нынешней исторической ловушки, нам принципиально необходима опора и ориентация на *идеологию будущего* как единственную возможную наследницу и правопреемницу *национального прошлого*.

В общем случае парадоксально, но справедливо известное определение А. Тойнби: «Общество, ориентированное на вер-

---

ность традициям, своему прошлому, обречено на исчезновение. Общество, ориентированное на свое настоящее, обречено на застой. И только общество, ориентированное на будущее, способно развиваться». То есть принципиальным для развития является чувство будущего как осознание обществом неких идеальных целей и смыслов, которые должны быть осуществлены и достигнуты в национальной истории. Другими словами, движение вперед (в историческом смысле) невозможно на основе простого отрицания *настоящего*, или на основе обращения к *прошлому*, но возможно лишь в предчувствии *будущего* — нового по определению. Увидеть будущее в его новых идеологических основаниях — наша сегодняшняя задача.

Само диалектическое содержание будущего состоит исключительно в его *новом качестве*, иначе оно не может в полном смысле считаться будущим, фактически оставаясь прошлым. Советский коммунизм потому и исчез без следа, что не смог осознать свое *новое качество* — следующую ступень эволюции. «Новое мышление» оказалось пустышкой, не наполненной никаким *новым смыслом* будущего — в итоге это будущее и не состоялось... Ориентация на будущее — это не просто модернизация или «перестройка» настоящего, это стремление к *преображению* жизни на основе идеологически новой конфигурации национальных смыслов. Только подобная эволюция по большому счету означает развитие, а не постепенное улучшение благосостояния, рост экономических показателей или удвоение ВВП.

Подобное «новое будущее», чтобы быть действенным в настоящем, должно обладать притягательной, завораживающей силой. Если этого нет, то оно не состоится. Это особенно относится к России, государству идеократии, государству, в котором движущей силой его истории всегда оставалась идея: будь это «Святая Русь», «Москва—Третий Рим», или «Коммунизм». Сами по себе, в конкретно-историческом смысле, эти идеи-символы, может быть, малореальны и не имеют прямого предметного содержания, но именно они задают России вполне реальную, идеологически осмысленную историческую динамику. Суть ее в том, что *идея* (как *идеал*) всегда входит в противоречие с реальной историей, требуя ее преодоления. Смысл существования России — в конечном преодолении несовершенной истории, в устремленности к *будущему* как задаче претворения некой *мечты, идеи и цели*, способной преобразить реальность несовершенного мира. Это не идея прогресса или эволюции в классическом (европейском) понимании, но именно идея преобразования как ка-

---

чественное, зримое изменение бытия, достигаемого не столько механическим усилием, сколько откровением *веры*. То есть основная энергетика национального исторического бытия сосредоточена не в области материально-экономической конкретики, а в области напряженного духовно-исторического творчества, являясь, в первую очередь, задачей духовной и идейной: «Ищите прежде Царство Божие и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6. 33). Поэтому ныне лишь идея может разбудить сонное самосознание нации. Подвинуть ее к дальнейшей исторической активности. Безыдейные, пустые, механические по своей природе, материально-экономические преобразования не могут восприниматься национальным духом иначе как бессмысленное (в историческом смысле) топтание на месте.

В этом смысле мы как народ вошли в полосу полного идеологического затмения. Нас как бы лишили *неба и света*. Те «тараканьи бега» за прибылью и достатком, в которых нам предлагают участвовать современные рыночники, унизительны и бессмысленны для русского самосознания и никак не могут служить основой какого-либо исторического вдохновения. Отсюда, от этого чувства полной идеологической бессмыслицы та апатия и безразличие, которые проявляются сегодня в нашем народе на фоне откровенного разрушения государства. Необходим идеологический прорыв — обретение светлого и вдохновляющего чувства новой исторической перспективы. Этим светом должна стать *новая национальная идеология*, включающая в себя все духовно-нравственные ценности и идеологические архетипы, которые выношены и выстраданы нашим народом на протяжении его тысячелетней истории.

И тут нужно понять одну принципиальную вещь. Новое национально-историческое возрождение не может начаться простой манифестацией традиционных национальных идеалов. Это было бы слишком просто. Сами по себе эти ценности — Русская цивилизация, Русская идея, Святая Русь, Православие и т.д. — не могут явиться в своем общем виде непосредственными источниками национального исторического акта. Они *вневременны*, т.е. внеисторичны в своей основе и являются своего рода статикой русского национального самосознания. Ожидать на их основе осуществления какой-либо реальной исторической динамики не представляется возможным. Для действительной общественно-исторической динамики нужно нечто большее — то конкретное значение *национальной идеи*, в котором нация увидит свою непосредственную историческую задачу, открывающуюся как реаль-

---

ная перспектива ее ближайшего существования. В этом смысле общая национальная идея должна иметь конкретную, исторически обусловленную идеологическую форму, мобилизующую нацию к осознанному историческому действию.

В чем состоит сегодняшнее содержание Русской идеи? Каковы ее конкретные идеологические приоритеты? — Вот задача реальной национальной политики и ответственного национального самосознания. Ныне для национальной идеологии мало быть просто укорененной в национальном прошлом, она должна стать в то же время *идеологией будущего*, т.е. идеологией *возрождения*, и это накладывает на нее вполне определенные условия.

Во-первых, идеологией национального возрождения не может служить некая абсолютная национальная святая, выраженная в своем *идеальном* виде. Наоборот, при всей своей идеальной возвышенности это должна быть идея предельно адекватная современной исторической ситуации, эффективная и действенная, способная привести в движение общественное сознание и общественную (политическую) практику — в этом критерий ее истинности, а не в абстрактных идеологических постулатах или устаревших стереотипах. Она должна быть проста, убедительна и исторически позитивна, т.е. иметь ясную историческую перспективу, способную вдохновлять нацию к новому историческому созиданию. Ибо речь не идет о национальной идеологии вообще в ее идеальных метаисторических измерениях, а именно об *идеологии возрождения*, т.е. практической, текущей задаче национального спасения в конкретной исторической ситуации. Здесь надо быть в первую очередь реалистом, а не хранящим белизну своих риз догматиком или вознесшимся над брэнной историей утопистом. Мало провозглашать красивые идеалы. Необходимо найти реалистические пути движения к ним — в этом суть идеологии возрождения.

Поэтому (во-вторых) идеология *возрождения* есть творческая задача. Нынешнее самоопределение национального духа не имеет тривиального решения. Исторические условия привели нас к очень глубокому по своим основаниям духовно-идеологическому кризису, полностью прервавшему единую нить исторического самосознания нации. Нынешняя ситуация в экономическом, идейном и духовном смысле есть нелинейная, сверхрациональная задача и простые экономические или традиционно-идеологические рецепты здесь не подходят. «В одну реку не входят дважды», как бы ни был велик соблазн повернуть реки истории вспять, это невозможно, мы должны найти свою *новую историю* в ее новых идео-

---

логических формах, принять на себя ответственность нового исторического творчества. Масштаб стоящей задачи выходит за рамки привычных политологических и идеологических стереотипов, ибо нынешний исторический перекресток состоит исключительно из «неизвестных». Как ввязию на перепутье, нам предстоит решить самые сокровенные вопросы своей судьбы...

И наконец в-третьих, идеология возрождения должна явиться полным исчерпанием нынешнего исторического кризиса, т.е. обязательно замкнуть и завершить собою прошлое национальной истории, всецело оправдать его историко-софское значение и исцелить его исторические раны. Без этого заключительного акта национального самосознания (своего рода всеобщего покаяния) нынешний исторический кризис не может быть преодолен, но останется незаживающей «язвой» национальной истории. Мы не сможем двинуться дальше с мертвой точки своей истории, если ясно не выразим на высшем уровне общественного самосознания в форме *новой идеологии* цельное, интегрированное понимание своего прошлого.

Таким образом, выбор для поиска новой национальной идеологии в общих чертах достаточно ограничен и очевиден. Принципы исторической преемственности, адекватности, позитивности, предметности, одухотворенности, перспективности, интегрированности и др. сходятся в задаче **христианско-социалистического синтеза** как единственно возможной форме дальнейшего осуществления в истории Русской идеи. Это и есть наиболее общая формулировка современной идеологии русского возрождения.

Конкретность такой постановки вопроса отражает предельную адекватность нынешнего русского духовно-исторического излома и является непосредственной задачей его исцеления. Теоретически в этом синтезе, осуществляемом на уровне национальной идеологии, нет никакого противоречия, ибо обе его составляющие направлены к конечному совершенству национального бытия в его духовных, экономических и социальных отношениях — к органической гармонизации его *земной* и *небесной* составляющих. Более того, как показывает предыдущее изложение, данный *синтез* предопределен на самом глубоком религиозно-этническом уровне, так как то и другое, христианство и социализм, обладают множеством взаимодополняющих духовно-мировоззренческих зависимостей, содержащихся в понятии христианского социального идеала. Предметное раскрытие этого социального идеала и есть задача русской христианской истории.

На уровне общественного самосознания данный *синтез* в общем-то не нуждается в особых богословско-догматических разработках или некой высочайшей санкции Церкви. Для простого человеческого сознания вполне понятна внутренняя близость этической правды христианства и социальной правды социализма. Проблемы возникают лишь на уровне *политическом* и *историческом*, содержащем огромные завалы разного рода штампов, предубеждений и стереотипов, воздвигнутых на месте возможного синтеза с обеих сторон за долгие десятилетия противостояния. Чтобы выйти на объективно-духовный уровень понимания данной темы, необходимо от всего этого освободиться и увидеть вопрос в его первоизданном существе — как вопрос о *христианском социальном идеале*. И тогда окажется, что земная идея социализма и небесная вера православия устремлены к одной цели — полному осуществлению этого идеала в русской истории.

Для первичного осуществления этого *синтеза* на общественно актуальном уровне достаточно простого православного сознания, свободно раскрывающегося ныне в душах русских людей. Достаточно простого христианского чувства правды и той вытекающей из этого чувства потребности *социальной справедливости*, которая не может не возникать в христианской душе при виде гримас нынешнего «демократического» общества, с его ложью, развратом, нищетой и беззаконием. Иначе нравственное сознание не может не чувствовать себя дискомфортно, ущербно и угнетенно, остро переживая полную неспособность что-либо изменить. Для чистой христианской совести в подобной несправедливой действительности никогда не найдется покоя и умиротворения, — что и является, по существу, объективной духовной предпосылкой необходимости социально-ориентированной *христианской идеологии*. Вопрос при этом не в том, чтобы создать некий формальный идеологический гибрид (полукоммунизм — полуправославие), а в том, чтобы привести пробуждающуюся христианскую совесть нации в соответствие с социальной реальностью. Именно в этом контексте принципы *социалистической* организации общества оказываются наиболее близкими, понятными и предпочтительными для христианского сознания.

Таково первичное основание синтеза. Все остальное: теория, идеология, практика — дело политической техники. Фокусировка внимания общества на данном вопросе неизбежно расставит все практические и теоретические аспекты христианско-социалистического синтеза по своим местам. Это и явится началом процесса восстановления единства

национального самосознания, новым наполнением общественного бытия реальным духовно-историческим содержанием.

Прошлое не должно разделять нас. Наоборот, сегодня крайне необходимо целостное, интегрированное, положительное понимание нашей истории как единой национальной судьбы, только тогда открывается ее общий смысл. Никакое противоречие не решается в собственной плоскости, решение всегда находится на ином, высшем — *положительном* уровне понимания, где обе части противоречия проявляются как стороны единого целого. Именно это целое национальной истории должно быть осмыслено нами как основа *нового идеологического единства*. И это не просто интеллектуальная или политологическая задача — это задача в первую очередь *духовная*, требующая некоего нового рождения свыше, позволяющего увидеть себя и Россию в новом духовно преображенном качестве.

При этом, говоря о новой национальной идеологии, мы также не подразумеваем за ней некий новый тоталитаризм как жесткое государственно-волевое проведение в жизнь очередной идеи, призванной подчинить себе все проявления общественного бытия. Истинная идеология есть внутренний атрибут национального самосознания и в этом отношении она есть *представление* об идеале национальной жизни в данных конкретно-исторических формах. Это представление лишь ориентир для эмпирической реальности, но не практическое лекало, по которому необходимо кроить эту реальность. В этом смысле новая идеология есть, скорее, новая *свобода* национального бытия, его более широкое и ясное измерение как открытость к новому историческому творчеству. Кроме того, идеология не формируется сразу в готовом и окончательном виде, но соборно-исторически творится национальным самосознанием в процессе раскрытия в реальных общественных формах заданий национальной идеи. Поэтому сегодня мы можем говорить лишь о *направлении* новой национальной идеологии, о ее общем концептуально-историческом смысле; конкретное же ее содержание и окончательные формы может проявить лишь реальная практика национально-исторического творчества.

Принципы реальной политики

Говоря об общих *направлениях* новой русской идеологии, нельзя не коснуться и некоторых конкретных идеологических направлений нынешней русской общественной мысли,

---

претендующих на статус идеологии возрождения. При этом круг рассмотрения логично ограничить критерием патриотизма (о чем говорилось ранее, чтобы сразу вывести за скобки возможных претендентов идеологию либерально-демократических реформ, всецело ориентированную на Запад и уже достаточно явно проявившую себя в качестве идеологии «национального разрушения»). Для дальнейшего рассмотрения остаются лишь два направления реального патриотизма: идеология русского православного патриотизма и идеология русского национализма.

Довольно часто в православных кругах вообще высказывается мысль, что никакой «идеологии» для возрождения России выдумывать не надо, что испокон веку такой идеологией для России всегда было и остается православие, и что возрождение православия — это и есть возрождение России. При всей внешней убедительности подобной логики данный подход есть явное упрощение вопроса, полный отрыв его от реальности и, тем самым, лишение какой бы то ни было практической значимости. Фактически он просто замыкает православное самосознание «на себя», оставляя внешнюю относительно Церкви сферу общественной жизни, предоставленную собственным стихиям. Не случайно данный подход всегда соседствует с аполитичностью и ее догматической формулой «Церковь вне политики», что само по себе есть противоречие, ибо какой же патриотизм — вне политики?.. Поэтому данную точку зрения следует также вывести из рассмотрения как не имеющую отношения к реальному патриотизму. Хотя возрождение России без возрождения православия (как тела без души) действительно невозможно, но это лишь исходное и ничего не гарантирующее условие; ибо если мы вспомним дореволюционную Россию с ее абсолютным «торжеством православия», то последнее отнюдь не защитило ее от государственно-исторического краха.

Значительно более последовательной и цельной позицией православного патриотизма, хотя во многом страдающая тем же недугом внеисторичности, выглядит *идеология православного монархизма*. И этому вопросу, безусловно, следует уделить более пристальное внимание.

Данное направление православно-патриотической идеологии хорошо понимает необходимость сильной государственности для возрождения России и связывает эту возможность исключительно с возрождением *монархии*. Причем обосновывается подобное настроение часто на догматическом уровне, в том смысле, что якобы *монархия* — единственная возможная (освященная Церковью) форма православной

государственности. Однако данный подход при всей его идеально-исторической возвышенности явно входит в противоречие с реальной историей. И не только потому, что современное общественное сознание совершенно индифферентно к идеалу монархии. Но, главным образом, потому, что в этой тенденции (точнее сказать, тенденциозности) просматривается попытка подчинить догмату историю. В этом есть чисто методологическое противоречие.

История как социально-материальный процесс не может быть подвластна какому-то формально-идеологическому «догмату» (будь то «православная монархия» или «научный коммунизм»), в том смысле, что догмат — это истина об *идеальном*, история же материальна. Мы не можем *верить* в формы истории, мы можем ей только следовать, принимая динамику ее форм как преходящий *материальный* процесс. Сакральный, религиозный смысл истории не в тех или иных ее внешних формах, а во внутренней динамике человеческого духа, раскрывающего себя в идеологические новых принципах организации общества. Этот процесс не детерминирован внешней структурой общества, но исходит из духовно-нравственного осознания *идеальной* истины и лишь в этой идеальной области подчинен вероучительным догмам. Материальная же сторона истории, наоборот, лишь следствие этих внутренних духовно-идеологических процессов. Догмат есть истина о *вневременном*, история же есть само *время*, и она не может остановиться, но подчинена собственной неисповедимой динамике.

История есть смена исторических форм. Вызревание нового содержания, преобразование и воплощение в новой форме... Содержание истории, т.е. ее *дух* определяет ее форму, но не наоборот. Никакая форма не способна удержать (и даже вместить) *дух* истории, который всегда устремлен *за* ее пределы. Поэтому догмат об истории, о ее формах невозможен, возможен лишь догмат *о духе* — животворящей константе истории.

Подобное догматическое абстрагирование от реальной истории неизбежно приводит к практической политической, идеологической и исторической беспомощности. Так, например, сторонники монархии совершенно опускают вопрос об экономическом устройстве общества, словно это вопрос второстепенный; не пытаясь даже в общих чертах представить, что же это будет за общество, то ли капитализм конца XIX века, то ли феодализм конца XVIII, то ли постиндустриальное общество XXI века? Словно не замечая, что в течении XX в. мировая экономика претерпела качественное изменение, пре-

---

вратившись из локальных капиталистических предприятий в рамках замкнутого национального государства — в гигантские транснациональные корпорации, перешагнувшие границы государств и ставшие самостоятельными субъектами геополитики, неподвластными и неподконтрольными государству как таковому (и даже определяющими государственную политику). Такой постиндустриальный капитализм не вмещается ни в какую монархию, но превосходит любую из них по степени экономической, политической и идеологической власти. Монархия при этой новой глобальной системе власти может сохраняться лишь в «потешном» виде.

Традиционные монархии пали не потому, что ослабла вера народа в их «божественный статус», а потому, что процессы капитализации общества приняли на рубеже XX в. тотальный характер, подчиняя все общество, каждого его члена новому тоталитарному социальному закону — закону *подчинения капиталу*, от которого никто не может уклониться. Это принципиально новый тип социальных отношений, новая меркантильная система жизни, при которой общество структурно атомизируется, распадается на самостоятельные субъекты капиталистического рынка, и вся иерархия общества перестраивается по совершенно новой схеме: не по социально-сословному (т.е. самодержавно-зависимому) статусу — а по количеству денежных знаков. Монархия в таком обществе просто неуместна, являясь помехой, сдерживающим капиталистическое развитие фактором. Ведь это классика всех буржуазных революций! — включая и Февральскую 1917-го. Как же наши современные монархисты думают совместить два этих антагонистических начала социальной организации, да еще на уровне постиндустриального общества, в условиях глобальной экономики? Как еще одно явление политического «постмодерна» это, наверное, возможно, но как явление реальной истории — нет.

Капитализм в его нынешней постиндустриальной стадии — это абсолютная власть Мамоны, основанная на жестком «механизме денежного тоталитаризма» (А. Зиновьев), и никакая божественная власть (в лице монархии) в этих условиях невозможна. В этом отношении *социализм*, как подчинение духа капиталистической свободы прямой власти государства значительно ближе к самодержавной форме государственности и может рассматриваться как один из путей ее реализации (К. Леонтьев). Поэтому сначала освободимся от капитализма... а потом будем говорить о монархии.

Кроме экономического вопроса по отношению к монархии, встает и вопрос социальный, который также никак не

комментируется современными идеологами православной монархии. Между тем, вопросов здесь очень много. «Можно сказать, прежде всего, — писал Н.Алексеев, — что абсолютная монархия никогда не была исторической реальностью, ибо не было и не может быть действительного государства, в котором высшая власть неформально, но фактически принадлежала одному-единственному лицу. Исторически нам известные формы абсолютной монархии обычно были в то же время *аристократиями* или *олигархиями*. Монарх разделял свою власть или с родовой знатью, или же с особым сословием служилых людей, с дворянством. Социальная связь абсолютной монархии с крупным землевладением неоспорима, и как раз землевладельцы и составляли реальную базу всякого самодержавия, представляя собою воплощение олигархического и аристократического начала в монархическом государстве». Данное обстоятельство приобретает на сегодня некую новую актуальность в связи с определенными попытками властных структур реабилитировать монархическую систему на общественном и официальном уровне. В связи с этим хочется задать риторическим вопросом: на какую же *олигархию* в таком случае собирается опираться «новая русская монархия»?..

В любом смысле данный подход — это социальная архаика. Монархия принципиально подразумевает *социальную иерархию*, и даже в идее «народной монархии», представляемой в свое время И. Солоневичем как «бессословное, бесклассовое общество», *социальный* вопрос не находит вразумительного ответа. Монархия (если она не бутафория) есть принцип социальной пирамиды, каждый социальный слой которой занимает строгое, единственно ему отведенное место, являясь опорой слою вышестоящему. При всей монолитности и государственной крепости подобной структуры невозможно не признать того факта, что в своей основе она подразумевает принципиальное сословное разделение на высших и низших, т.е. *социальное неравенство*. Но приемлемо и возможно ли для сегодняшней России, прошедшей опыт трех революций, опыт социализма и демократии, новое возвращение к какой бы то ни было юридически закрепленной форме сословного (т.е. социального) неравенства? Очевидно, что это есть выражение предельного исторического идеализма и политической мечтательности.

Как бы ни была симпатична и умозрительно убедительна идея восстановления крепкой национальной государственности на основе самодержавной монархии, следует признать, что в сегодняшних условиях это есть не что иное, как форма

политического соблазна, уводящая национальную мысль от исторической ответственности нового (исторически нового) государственного созидания. Решение исторических задач всегда находится *впереди*, а не позади истории — эта мысль остается вполне справедливой как по отношению к социализму, так и самодержавию как уже законченным формам русской государственности. Формальный подход к истории, выражаемый в попытке механического переноса тех или иных социально-экономических схем, в любом случае, вне зависимости от идеологического наполнения есть исторический волюнтаризм и в этом отношении может быть не менее разрушительным доктринерством, чем рыночная идея монетаризма начала 90-х годов. История — живой, одухотворенный процесс и все истинное происходящее в ней развивается лишь из нее самой, проявляясь как творческий процесс самоорганизации бытия, и каждая ступень в этом процессе есть *новая ступень*, отличающаяся исключительно самобытными историческими формами.

Как бы кому-то ни хотелось, но нет такой машины времени, чтобы мы перенеслись назад, за грань 1917г. и оттуда заново начали свою историю. История XX века нами прожита и пережита и стала неотъемлемой частью национальной судьбы, отложив *неизгладимый* отпечаток в нашем национальном самосознании. Единственное, что нам остается, это постараться понять и осознать эту историю в ее сокровенном духовно-историческом смысле и историософском значении. Ибо русская история — это раскрытие Русской идеи, которая сама по себе не укладывается в какую-либо конечную догматическую формулу, но всегда выше ее, ибо смысл Русской идеи — *в будущем*, а не в прошлом. Прошлое лишь предтеча будущего; и Святая Русь, как идеал, как сущность Русской идеи находится *в будущем* — туда устремлена русская история, туда же должны быть обращены и наши взоры.

Еще одним направлением реального патриотизма, претендующим на статус идеологии возрождения России является *идеология русского национализма*, стремящегося как бы вообще преодолеть рамки различных «идеологий» и строить возрождение непосредственно на силе национального духа. Может показаться, что это и есть наиболее верное решение идеологической проблемы патриотизма как опора на самое фундаментальное основание нации, способной мобилизовать ее наиболее сильные внутренние энергии. Но это лишь на первый взгляд. Если мы вспомним феноменологический ряд национального самосознания в его метафизическом выражении (Бог — дух нации — национальная идея — идеоло-

---

гия), то станет понятным, что опора на *национальный дух* в его чистом виде есть фактически отрицание не только идеологии как таковой, но и самой *национальной идеи* как духовно-стратегического смысла национальной истории; то есть, по существу — самой национальной истории... Понятно, что никакое «национальное возрождение» при таком подходе невозможно.

Последовательный национализм отрицает всякую идеологию как излишество; так, по А. Севастьянову, «нынешняя Русская идея суть технология выживания, ни больше ни меньше». И это очень показательное заявление, хорошо отражающее существо современного русского национализма в его реальном патриотическом значении: национализм занимает самый нижний доидеологический план национально-патриотического самосознания.

Как говорилось выше, национализм в своем актуальном выражении — это, прежде всего, энергия национального инстинкта. В качестве осознанного общественного явления он обычно проявляется в критические моменты жизни нации как *реакция национального самосохранения*, мобилизующая ее на объединение и защиту своих жизненных интересов. Это, действительно, самое фундаментальное (онтологическое) основание для национального единства, лежащее глубже любых внешних факторов объединения (вера, идеология, культура, история), однако специфика этого объединения состоит в том, что оно происходит на «биологическом», т.е. бессознательном уровне. Энергия национализма, будучи самой мощной мобилизующей энергией национальной самозащиты, является, тем не менее, слепой стихией, готовой пойти в любом направлении и за любым вождем. Ибо здесь начинается срабатывать «эффект массы» в самом своем худшем варианте. Энергию *национализма* может использовать любой провокатор, демагог или фюрер, направляя слепую энергию нации в любом произвольно-гибельном направлении, в лучшем случае — в своих личных вождистских целях. Именно эти причины — вождизм и перманентное отрицание высших наднациональных смыслов — постоянно ломают всяческие попытки патриотического объединения на основе «чистого национализма». Ибо реальное, стратегически *сознательное* национальное единство на основе национального *инстинкта* в принципе невозможно; т.к. объединение подразумевает *цель*, цель же подразумевает — идеологию. Если же чистый принцип национализма все-таки действительно закладывается в основу национальной идеологии, то такой национализм неизбежно превращается в *нацизм* — идею националь-

---

ной исключительности, становящуюся извращенной формой национальной идеи и ложной целью национальной истории.

Стихия национализма слепа в своей биологической страсти, опора на ее идеологические проекции есть тупик общественного самосознания. Только духовно осмысленная *национальная идея* как духовно-историческая цель национального бытия способна в полной мере реализовать энергетический потенциал национализма, направить его первозданную жизненную стихию в русло предметного исторического созидания. Национализм сам по себе не содержит каких бы то ни было оснований или точек опоры для конкретно-исторического национального действия, последнее — прерогатива *национальной идеи*. Лишь в отношении к *национальной идее* национализм приобретает и реализует свое положительное национально-историческое значение. И только в этом случае национализм действительно становится одним из важнейших факторов возрождения.

Поэтому национализм как здоровая реакция нации на свое критическое историческое состояние есть *обязательный элемент* идеологии национального возрождения. Он обязательно должен присутствовать в ней как базовое условие ее национальной легитимности: ибо вне национального духа — нет национальной идеи. С другой стороны, национализм как особая психосоциальная энергетика, как действенное, волевое начало нации есть важнейшее условие реализации национальной идеологии в эмпирической практике. Таким образом, *идеология* и *национализм* вполне совместимы и, более того, являются глубоко взаимосвязанными атрибутами национально-исторического бытия. Выше мы говорили, что основным критерием истинности государственной идеологии является патриотизм. Однако последовательный патриотизм как чувство любви к Родине находит свое основание в национализме — глубоко социальном инстинкте единства национального бытия. Поэтому любая идеология, претендующая на статус государственной, обязательно должна отвечать духу осознанного национализма как фактору, обеспечивающему ей самое непосредственное национальное признание.

Понимание взаимосвязи национального духа с национальной *идеей* позволяет глубже понять само содержание и границы национализма. Так, говоря о русской нации, мы не вкладываем в это понятие сугубо этнический смысл (чем так злоупотребляют наши националисты), но понимаем его значительно шире. К русской нации, по существу, относятся те, кто разделяет важнейшие духовно-мировоззренческие кате-

---

гории, заложенные в Русской идее (в русской цивилизации), кто не может мыслить себя вне этих категорий, кто готов полностью отождествить историческую судьбу России со своей личной национальной судьбой. Говоря проще, русский — это тот, кто считает себя таковым в своем национальном самосознании, кто любит Россию как свое единственное и святое отечество. Как писал И. Ильин: «Быть русским значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции с любовью принимать ее как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским значит верить в Россию...» И здесь нет этнических ограничений: русским в этом широком смысле может быть и татарин, и якут, и еврей. Так как принципиально возможно приобщение к русскому национальному духу — через искреннее принятие душой и сердцем, и разумом — русской национальной идеи, что делает всякого человека *русским по самосознанию*, включая его в качестве полноценного органического элемента в систему русского мира.

При этом, однако, принципиально важно понять, что масштабность и острота нынешних общественно-исторических катаклизмов требуют, в первую очередь, мобилизации именно *русского национального духа* как наиболее остро и глубоко переживающего сущность сегодняшних, трагических для России процессов. Именно к русским по духу обращен сегодня немой вопрос истории — готовы ли они отстоять свое право на самобытное национально-историческое существование? И поэтому *русский национализм* должен стать базовой точкой опоры (местом сбора) патриотического духа, общим мобилизационным источником идеологии возрождения.

Сама же идеология возрождения должна формироваться в предельно мягких идеологических формах: не путем идеологического доктринерства, исходящего из догматов тех или иных «великих учений», а из реальной потребности национального чувства, соборно-исторических традиций национального самосознания и конкретных задач национального строительства.

Нас не должно разделять ни прошлое, ни будущее, исходить мы должны лишь из реалий настоящего, в нем искать объективные объединяющие начала. Надо остановить бесконечное расчленение собственной истории на «нужное» и «не нужное», наоборот, необходимо положительное понимание ее *общего* надэмпирического смысла, способного стать опорой новой истории. «Идеальные» оценки прошлого (или будущего) уместны лишь в отвлеченной историософии, но они совершенно неуместны в реальной политике, в конкрет-

---

ной задаче национального возрождения, требующей в первую очередь *национального единства*, простого и монолитного, — на уровне нерасчленимого чувства любви к Родине, к своему народу, на базе здорового национализма как естественной воли к жизни национального духа. В этом исцеляющая доминанта *настоящего*, в нем как *едином* сходятся национальное прошлое, в нем же рождается и национальное будущее. И мы должны культивировать это национально-патриотическое единство *здесь и сейчас!* На основе внутреннего неприятия оккупационной власти, на основе единого чувства национально-державного унижения, на основе общего стремления к национальному и государственному возрождению. Эти чувства — объективная реальность, и на ее основе мы должны организовать растерянную волю нации к новой исторической мобилизации. Споры возможны и уместны, они даже необходимы, но они никогда не должны заслонять от нас главное — общее чувство национальной беды и готовность к ее преодолению. Мы — русские, в этом онтологическое начало нашего единства, и сегодня, в условиях тяжелейшего национального кризиса мы должны превратить это начало в фундамент всех наших идеологических и политических построений.

...Однако следует еще раз повторить: чтобы реально актуализировать огромный внутренний потенциал национально-патриотизма, необходима объединяющая идея — осознание общей цели и направления национального возрождения, дающее безусловное ощущение *выхода* из национально-исторического тупика к новому измерению национальной истории. В этом отношении идеология русского *христианско-социалистического синтеза* как выражение патриотического единства православия, коммунизма и национализма является объективной и единственно возможной формулой непротиворечивого сочетания интересов всех идеологических субъектов реального русского патриотизма. Такое органичное *идеологическое* единство русского патриотизма, имеющее глубокое обоснование в духовно-исторической силе Русской идеи, политически будет несокрушимо, ибо за ним стоит вся тысячелетняя история России!

Путь возрождения России — вновь связать (осмыслить) национальную политику с традиционными христианскими смыслами, понять их на уровне нового исторического опыта, опереться на них в усилия нового исторического становления. Не найдя в себе эти основания, не приняв их в качестве фокуса своего национального самосознания, мы никак не сможем подняться из того исторического «нокаута», в ко-

---

тором в настоящее время оказались. Никакие экономические или политические мероприятия здесь ничего не изменят, необходимо собраться в своем национальном духе, в его актуальном идейно-историческом выражении.

В некотором смысле мы должны просто «вспомнить себя», осознать свое право на формирование своей истории *здесь и теперь* — на своей русской земле, в начале XXI века. Это подразумевает свободу и ответственность... *Свободу* как независимость от каких бы то ни было внешних указаний, рекомендаций и моделей, и *ответственность* как готовность взять управление своей историей в свои руки. Мы вновь должны заявить свое право на историю. Пора делать выводы, исходя из реалий сегодняшнего дня, а не из догадок, оценок, предположений и прозрений полувековой и столетней давности (пусть самых возвышенных и нелицеприятных). ...Двадцать лет «реформ» на фоне патриотического топтания на месте, как ожидания некой особой исторической конъюнктуры, способной открыть наконец путь к национальному возрождению, — показали полную несостоятельность алгоритма ожидания. Так не бывает... История сама по себе не поднесет нам будущее на «блюдечке с золотой каемочкой». Только мы сами — реальные и непосредственные носители русской истории — должны взять на себя ответственность нового исторического акта. Исходя в первую очередь из тех реалий (политических, исторических, экономических, культурных), которые открываются во всей своей непосредственной (а не умозрительной) данности именно (и исключительно) нам, нашему поколению русских людей — живому субъекту национальной истории. Хватит боязливо оглядываться назад и ожидать «обыкновенное чудо»: что кто-то, где-то, как-то, ...кроме нас самих, сделает этот выбор. Это исключительно **наша задача** и надо принять на себя всю полноту ответственности за новое историческое самоопределение. Пора делать сознательный выбор. Дальнейшее аморфное, безвольное, бессмысленное состояние общества и нации есть путь к смерти. Необходимо очнуться к новой жизни, к новой цели, к новому историческому действию!

Национальная самоорганизация подразумевает предельный реализм исторического действия, исключаящее какое бы то ни было условное (идеальное) прожектерство. Только реальная и наличная историческая данность является исходной базой и материалом нового национального строительства. И только то направление действия, которое организует эту данность в органическое продолжение национальной истории — и будет истинным, каким бы неожиданным оно

ни оказалось. Ибо история, в любом случае, есть *новая история*, и надо смелее глядеть в глаза будущему.

...В связи с неизбежным продолжением нынешнего идеологического кризиса следует особо оговорить вариант так называемой «оранжевой революции». Его политическая привлекательность, технологическая легкость, чуть ли не праздничность могут послужить большим соблазном для разного рода оппозиционных сил. Опасность такой революции не в том, что она может не получиться, а в том, что она *не может получиться вообще*, ибо, по существу, это не революция вовсе, а лишь шоу на революционную тему. При всей своей цветастой яркости — это пустоцвет. Всеобщее ликующее объединение («левых» и «правых», «коричневых» и «зеленых») здесь потому и возможно, что не требует никаких идеологических оговорок — это революция «понарошку», голый выбор политических эмоций в лицо надоевшей власти. В ней нет никакого идеологического содержания. Она есть чисто формальный *сброс* патриотического потенциала общества, пустая растрата энергии национального духа, приводящая его (в любом варианте развития) лишь в состояние еще большей беспомощности, уныния и упадка. Вместо проявления и укрепления в общественном сознании *новой идеологической доминанты*, способной вывести общество к какому-то новому историческому направлению, «оранжевая революция», наоборот, лишь окончательно перемалывает и перемешивает существующие идеологические альтернативы, превращая их в исторически не усваиваемую идеологическую эклектику, что надолго, если не навсегда, хоронит надежду на какое бы то ни было самостоятельное и самобытное национально-государственное существование. Нация становится идеальным утилитарным материалом для использования в процессе глобализации. Поэтому только осознанно сформулированная идея (идеология) как *направление, путь и цель* может стать реальным основанием эффективного общественно-политического действия.

РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ КРАМСКОЙ. 1837 — 1887

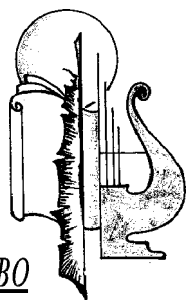
Шел 1862 год, только что пало крепостное право. Академия художеств напрасно пыталась закрыть свои двери перед напором новых идей. С разных концов государства учились в ней хлебнувшие горя дети разных сословий, начиная активно выступать против академической рутины.

Пылкий Крамской говорил товарищам:

— Пора, друзья, пора нам становиться на собственные ноги. Нужна своя, русская национальная школа. И кроме нас, никто этого не сделает!

Осенью 1863 года лучшие ученики Академии — Крамской среди них — с волнением ждали конкурса на первую золотую медаль. Получивший медаль сможет на казенный счет учиться за границей, увидеть творения старых мастеров!

«Наконец, зовут нас, — позже вспоминал Крамской. — Входим. Конференц-секретарь Львов прочел нам сюжет: «Пир в Валгалле» из скандинавской мифологии, где герои-рыцари вечно сражаются, где председательствующий — бог, — у него на плечах сидят две вороны, у ног два волка, и, наконец, где-

ИСКУССТВО

то в небесах, между колоннами, месяц, гонимый чудовищем в виде волка, и много другой галиматши».

Произошло небывалое. Крамской отделился от группы выпускников и, не дрогнув перед начальством, от имени всех конкурентов на золотую медаль объявил отказ писать на заданную тему.

Воцарилось ошалелое молчание.

— Все? — спросил Львов, скрывая бешенство.

— Все, — ответил Крамской. И четырнадцать лучших учеников вышли из аудитории.

Они лишились медали, заграничной поездки, оборудованных мастерских, без гроша в кармане, — но они были счастливы, они не изменили своему богу — России, всей горькой и сладостной любви к ней, которая только тогда и любовь, когда во всем — вместе.

О произошедшем в Академии было запрещено не только упоминать в печати, но и говорить. Однако город полнился слухами. Один из образованнейших людей своего времени, пламенный борец за все русское критик Владимир Васильевич Стасов горячо поддержал отступников. Громкий голос его статей доходил до самых дальних уголков страны.

Чтобы не погибнуть в неравной борьбе, молодые художники решили жить артелью. Наняли большую квартиру, где у каждого была своя рабочая комната. По вечерам все собирались вместе, читали, размышляли вслух. Заказы принимали сообща: заработок, на который можно покупать продукты, одежду, холсты и краски. Но главной целью было писание картин, таких картин, которые бы рассказывали о России!

Иван Крамской выбрал для себя сцену из «Майской ночи» Гоголя. Творчество Гоголя — одно из самых вершинных явлений русской литературы. Он, начиная свой творческий путь, сознавал высокий долг перед отечеством, перед народом. Выбор Крамского не случайно пал на него. Панночка, утопленницы, ведьма — это ведь тоже миф, такой же миф, как тот, скандинавский, предложенный выпускникам Академии и против которого Крамской и еще тринадцать академистов подняли бунт. Но миф, рассказанный Гоголем, — и как рассказанный! — был свой, понятный, он был близок душе, близок всему существу Крамского, возросшему среди российской природы. «О, как я люблю мою Россию... ее песни, ее характер народности...» — писал он в своем дневнике, когда ему было пятнадцать лет.

Но обстоятельства сложились так, что Крамской долго не мог приступить к картине. Надо было кормить семью, и он занимался портретами. Писал портреты и карандашом, и

красками... Они выматывали душу, иссушали творческие силы, однако деться было некуда. Когда наконец смог приступить к «Русалкам», отдался картине со всем жаром своей натуры.

Пруд, угрюмо обставленный темным кленовым лесом и оплакиваемый вербами. Возле леса, на горе, дремлет с закрытыми ставнями старый дом сотника; мох и дикая трава покрыли его крышу; лес бросает на него дикую мрачность. При свете луны бродят, сидят там и сям, тени утопленниц. Неопознанная панночкой ведьма выбирается из воды... Глушь, запустение, неиссякаемое горе — все слилось в поэтическую, чудно мерцающую серебреными отблесками картину.

«Русалки» были окончены в 1871 году. К тому времени артель распалась. Но по примеру артели появилось Товарищество передвижных художественных выставок, куда вошли самые даровитые художники России. На Первой передвижной выставке Крамской показал свою картину.

Эти выставки стали проходить регулярно. Сначала открывались в Петербурге, затем переезжали в Москву, оттуда в Киев, Одессу... Всюду художники имели благодарные зрительские отклики за то, что искусство, наконец, перестало быть только «приятным»: оно заставляет работать мысль и помогает возвратиться на родную почву.

«Достоин ты национального монумента, русский гражданин-художник! — восхищался Крамским Илья Ефимович Репин. — Боец, учитель, ты вывел родное искусство на путь реализма. Потребовал законных национальных прав художника. Опрокинул навсегда отжившие классические авторитеты и заставил уважать и признать национальное русское творчество».

В 1871 году Крамской окончил картину «Христос в пустыне». Он мучительно долго искал то единственное выражение лица, которое должно осветить мыслью это полотно, создать цельный характер человека. «Именно человека, ибо сын человеческий пришел взыскать и спасти погибшее», — был убежден Крамской. В образе Христа он хотел объединить черты каждого из живущих на земле. Христос — един, и в то же время Он — это все.

Юный Репин, наблюдая за работой Крамского, был поначалу ошеломлен. Станным казался даже тон, каким художник говорил о Христе: он говорил о нем, как о близком человеке. Илья Ефимович прекрасно знал эти библейские строки, где описывалось, что Иисус после крещения был возведен Духом в пустыню для искушения от дьявола, постился

там сорок дней и сорок ночей, и когда почувствовал страшный голод, тут-то к нему и явился искушитель.

«— Если ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сделались хлебом, — приставал он.

— Не хлебом единым жив человек, — отвечал Христос.

Тогда дьявол поднял Иисуса на крышу храма.

— Если ты Сын Божий, кинься вниз, твой отец тотчас пошлет к тебе на помощь ангелов, и ты даже не коснешься земли.

Иисус не поддался.

В третий раз приступил к нему дьявол. Вознес его на высокую гору, показал оттуда все царства мира, величие славы и предложил:

— Всё это дам тебе, если ты на коленях поклонись мне.

— Отойди! — велел Христос. И побежденный дьявол оставил его».

— Искушение сидело в нем самом, — объяснял своего Христа Крамской, — «Все, что ты видишь там, вдали, все эти великолепные города, — говорил Христу голос человеческих страстей, — ты можешь завоевать, покорить, все будет твоим и станет трепетать при твоём имени. У тебя есть все возможности быть здесь всемогущим владыкой!»

И Репину наконец стала ясна эта глубокая драма на земле. Слава, власть, деньги. Как часто ради них люди шли на подлость и преступления, продавались и становились на колени перед кем угодно, хоть перед дьяволом.

Илья Ефимович уже сам пробовал компоновать «Искушение», поставив Христа на вершине скалы перед необозримой далью с морями и городами. Христос отвернулся и зажмурил глаза. Одной рукой он судорожно сжимает свой огромный лоб, другой отстраняет от себя навязываемые дьяволом искусы.

У Крамского Христос сидит печальный на камне, сцепив руки, измученный длинной и трудной дорогой, усталый, но не сломленный: Он готов в любую секунду встать и продолжить свой путь к человеку, борьбу во имя человека.

— Надо уяснить одно, — делился Крамской с друзьями, — я пишу своего Христа, своего Человека, лицо по всем признакам историческое, связанное не только с днем вчерашним, но и с днем завтрашним.

Слух о новой, необычной картине Крамского будоражил Петербург. Одни с нетерпением ждали, когда она будет выставлена, другие заранее злопыхали при встречах с кем-нибудь из друзей Крамского, старались выразить им свое неудовольствие. Особенно донимали Шишкина, близкого друга Крамского.

— Видели картину «Явление Христа»... то бишь «Христос в Пустыне»?

— Во-первых, картина еще не завершена, во-вторых, библейский Христос тут и вовсе ни при чем. Библейский Христос — это царь вселенной, а у Крамского — просто любящий человек. А вы-то сами, простите, видели эту картину?

И все же, когда она была выставлена, ее приняли далеко не все. Один художник прямо заявил:

— Что-то я понять не могу, отчего Христос, судя по пейзажу, оказался в Крыму?

Но Ивана Николаевича сбить с толку было уже невозможно, он уже знал, что вышел из трудной борьбы победителем. На насмешку оппонента он отвечал не меньшей насмешкой:

— Да ведь все верно, если не учитывать главного: пейзаж в данном случае меня и вовсе не интересовал.

А когда на выставку явился Третьяков и начал торговать картину, Крамской, не задумываясь, заломил такую цену, что в первый момент сам этой цены испугался, — 6000 рублей! Но... прямо с выставки картина отправилась в галерею Павла Михайловича, где заняла почетное место. Кое-кто из недоброжелателей пытался повлиять на Третьякова: дескать, все бы ничего, да разве стоит эта «фигура» таких денег? Третьяков, как всегда, сухой, подтянутый, отвечал холодно:

— Цену, в конечном счете, назначает художник. Он лучше, чем кто-либо, знает стоимость своего труда.

Павел Михайлович не упомянул о главном: если бы картина не была редким по величию шедевром, он бы и полушки не заплатил, — он как никто умел разбираться в живописи.

А Иван Иванович Шишкин очень радовался за Крамского: ведь евангельский рассказ, какова бы ни была его историческая достоверность, есть только памятник пережитого когда-то человечеством психологического процесса.

И Крамской замечал то же:

— Пусть бы Христос делал чудеса, воскрешал мертвых, летал по воздуху, его бы оставили в покое; никто не стал бы ни нападать на него, ни защищать; но совсем другой разговор, когда находится такой чудак, который будит заснувшую совесть!

В Третьяковской галерее возле «Христа в пустыне» зрители стоят подолгу. В образе Христа отразились все страдания, боли и размышления человечества. Это — образ по-настоящему гениальный духовным охватом того, кто изображен на полотне, и того, кто стоит перед картиной, ибо перед ней никогда не остановишься просто так, праздно или оценивая искусство художника, — здесь нужно большее: ты весь.

Летом 1873 года Крамской находился в Ясной поляне, где писал по просьбе Третьякова портрет Льва Николаевича Толстого. Толстые были очарованы талантом и интеллектом художника. Софья Андреевна восклицала: «Вот умен-то и всё понимает!» А Лев Николаевич впоследствии вывел Крамского в «Анне Карениной» художником Михайловым.

О романе «Анна Каренина», который только еще вызревал в мыслях Толстого, писатель говорил много: он был полон его образами. Крамской узнал, что пять лет тому назад в Туле Лев Николаевич познакомился с дочерью Пушкина, Марией Александровной, чья породистость и полурусская красота настолько его восхитили, что он придал Анне Карениной ее внешность. И возраст Анны, примерно двадцати семи лет, был возрастом Марии Александровны.

— Она вошла в залу в черном кружевном платье. Легкая походка несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру. Мы сели с ней за чайный стол и долго говорили.

Что-то схожее было в описании Толстым Марии Александровны с той незнакомой женщиной, которая однажды позировала для артели художников. Об этом сеансе сохранилось воспоминание Репина — он, прийдя к Крамскому, застал подъехавшую к дому тройку, и в квартиру ввалилась ватага артельщиков-художников с холодом мороза на шубах. Ввели в зал красавицу. Репин просто остолбенел от дивного лица, роста и пропорций тела черноглазой брюнетки!

В общей суматохе быстро загремели стулья, задвигались мольберты, и живо общий зал превратился в этюдный класс. Красавицу усадили на возвышение в кресло незатейливой архитектуры. Кругом мольберты, художники с палитрами... Репин сконфузился, хотел было уйти, но что-то удержало его. Оправившись, он стал смотреть из-за спин художников.

Журавлев увеличил красавице глаза, сузил нос, смуглое лицо подбелил — вышло не то и хуже, несмотря на явное желание приукрасить. У художника М. выходило этюдно, без жизни и цветисто. У Шустова красиво и очень похоже, но эскизно, не нарисовано. Наконец Репин добрался и до Крамского. Да, это она! Крамской не побоялся верной пропорции глаз с лицом: у нее небольшие глаза, татарские, но сколько блеска! И конец носа с ноздрями шире междуглазья, — какая прелесть! Вся эта теплота, очарование вышли только у него.

Но оригинал неисчерпаем... Засмеялась, что-то сказала Шустову... Какие ослепительные зубы! Как красиво растягиваются крупные пурпуровые губы!..

В 1887 году Крамской представил Петербургу свою «Неизвестную», в которой при внимательном рассмотрении мож-

---

но заметить пушкинские черты. Художник усадил Неизвестную в пролетку, тем самым как бы подняв ее над другими. Взгляд Неизвестной полон достоинства. Право на такой взгляд дает не пол, не возраст, а душевная высота.

Роман «Анна Каренина» уже вышел в свет, и многим посетителям выставки казалось, что «Неизвестная» — портрет Карениной. Вспоминали момент из романа, когда Анна, презираемая высшим светом за свою любовь к Вронскому, явилась в театр, бросив вызов мелким душам, которым Господь не дал большой любви, ибо она для них непосильна. Нашлись, конечно, и хулители, называли «Неизвестную» исчадием больших городов.

Участь картины оказалась легендарной. В копиях и репродукциях «Неизвестная» разошлась по всей России. Что-то было в ней такое, что притягивало к себе и не желало отпустить. Возможно, душа красавицы, которую художник не скрыл от зрителя. Больше всего русский человек ценит душу. Можно показывать ему какие угодно роскошные полотна, но если в них не живет душа, он останется безучастен.

«Неизвестную» приобрел для своей галереи Павел Михайлович Третьяков. Владелец величайшей коллекции русской живописи, он был очень своеобразным человеком. Худой и высокий, с окладистой бородой и тихим голосом, Третьяков больше походил на угодника, чем на замоскворецкого купца. Он и внутренне не походил на своих собратьев: никаких попок, ресторанов с цыганами, тройками и швырянием денег, ничего из того богатого набора хамских выходов, на которые были так щедры его современники богачи.

Павел с малых лет помогал отцу торговать в лавке, бегал по поручениям, выносил мусор и учился вести записи в торговых книгах; а после смерти отца вел вместе с братом все торговые дела. От отца он научился уважать крепость раз данного слова и сам поступал так же: «Слово мое — крепче документа», — говорил он.

Получив наследство, Павел Михайлович затеял грандиозное предприятие — создание галереи русской живописи, затратив на это миллионное состояние. Чтобы помочь нуждающимся художникам, он избегал в быту роскоши, ему было гораздо важнее, что художники могут спокойно работать над своими картинами. Кому из русских живописцев не приходила мысль о том, что, не появившись в свое время Третьяков, не отдайся он всецело идее, не начни собирать воедино русское искусство, не было бы тех больших и малых картин, которые теперь украшают знаменитую Государственную Третьяковскую галерею. В большинстве своем будущие создатели зна-

---

менитых полотен приезжали в Москву и Петербург с медными грошами в кармане и зачастую лишь при финансовой помощи Третьякова имели возможность творить.

Преданность Третьякова России, русскому, была столь велика, что он, не любивший лишних трат, все же предпочитал переплатить, но купить у русского торговца. «Говорят, что в Париже лучше и дешевле, а я говорю, плати за худшую вещь дороже, да дома!»

Третьяков решил собирать картины русской живописи, когда еще ни Репина, ни Сурикова, ни Васнецова не было, когда «основной тон» в искусстве задавала бездушная Академия. Никто не верил в торжество русской национальной школы живописи. Но Третьяков — верил! Через все трудности и испытания пронес он эту веру.

Картины развешивал вначале в своем кабинете. Со временем там стало тесно, и они развешивались в столовой и гостиных. Павел Михайлович старался, чтобы художники были представлены лучшими вещами. «Если на выставках под картинами видели белую карточку с надписью «Приобретено П. М. Третьяковым», — это значило, что русская живопись может гордиться новыми выдающимися произведениями». Третьяков обладал абсолютным художественным вкусом.

В 1860 году двадцативосьмилетний коллекционер написал завещание: «В случае смерти моей, для всей этой галереи пока нанять приличное помещение в хорошем и удобном месте города, отделать комнаты чисто, удобно для картин, но без малейшей роскоши, потому что помещение это должно быть только временное. Из вышеозначенного капитала 266 186 рублей, выключая наследственный капитал 108 000 рублей, и на устройство галереи 150 000 рублей, останется 8186 рублей. Этот капитал и что вновь приобретется торговлей на мой капитал прошу употребить на выдачу в замужество бедных невест, но за добропорядочных людей. Более я ничего не желаю, прошу всех, перед кем согрешил, кого обидел, простить меня и не осудить моего распоряжения, потому будет довольно осуждающих и кроме вас, то хоть вы-то, дорогие мне, останьтесь на моей стороне».

В 1872 году, по проекту художника Виктора Михайловича Васнецова, Третьяков начал постройку художественной галереи. Здание должно было примкнуть к дому. К строительству приступили тотчас. Через год галерея уже достраивалась, штукатурились стены. Верхний зал, очень высокий, освещался окнами, прделанными под потолком. Но это освещение не давало достаточного света, и окна были замене-

---

ны застекленным потолком. Сколько хлопот было с этим потолком, когда приходилось проводить починку стекол, мыть или счищать снег!

Вход в галерею для домочадцев был идеально удобен: стояло только отворить дверь из жилых комнат. Для посещения публики вход был непосредственно в здании галереи.

«Что не делают большие общественные учреждения, то поднял на плечи частный человек и выполняет со страстью, с жаром, с увлечением и — что всего удивительнее — с толком. В его коллекции нет слабых картин», — с уважением говорили о Третьякове люди искусства.

Брат Третьякова, Сергей Михайлович, тоже собирал картины, хоть и не с таким размахом, как Павел Михайлович. Собирал иностранные. После смерти брата, П.М. Третьяков, согласно завещанию, взял его коллекцию. «Она так и останется, к ней не прибавится ни одной иностранной картины, мое же русское собрание, надеюсь, если буду жив, будет пополняться».

В течение четырех десятилетий Павел Михайлович служил любимому делу. «Я желаю, чтобы наше собрание всегда было в Москве и ей принадлежало, а что пользоваться собранием может весь русский народ, это само собою известно».

У Павла Михайловича был единственный его портрет кисти Крамского, от остальных предложений он отказывался. Да и Крамской вряд ли бы написал этот портрет, если бы не помог случай. В 1876 году Третьяков вследствие болезни некоторое время не мог двигаться. Кому первому — его жене, Вере Николаевне, или Крамскому — пришла мысль воспользоваться вынужденной неподвижностью Павла Михайловича, неизвестно. Третьяков увиливал, но, наконец все-таки согласился. Портрет был написан очень небольшой и очень быстро. Только через тринадцать лет И.Е. Репин напишет еще один портрет Третьякова. Репин писал портрет для себя, а Павла Михайловича удалось уговорить потому, что он любил Илью Ефимовича.

Третьяков был крайне скромн. Он не хотел вокруг себя шумихи, не хотел никаких похвал; спокойно, тихо он вершил свою задачу, ни разу, ни на один шаг не сбившись на сторону. Он шел, словно руководимый путеводной звездой.

«Как тихо, бесшумно, без всякой рекламы, без назойливых репортерских сообщений созидалась Третьяковская галерея, пока не выросла до степени художественного события, государственной заслуги... Материальная поддержка художников шла рядом с поддержкой нравственной. И как все это делалось скромно, почти стыдливо...» — писал о Тре-

---

тьякове современник. А между тем, Третьяков владел богатейшей коллекцией русской живописи!

В 1892 году Павел Михайлович передал Москве все собранные им картины, а также те, которые были оставлены ему умершим братом. Картин в галерее в то время было две тысячи. «Желая содействовать процветанию искусства в России, приношу в дар мою картинную галерею. Галерея должна быть открыта **на вечное время для бесплатного обозрения** всеми желающими...»

Кроме того, он передал городу дом в Лаврушинском переулке, там же, где находилась галерея. «Дом передаю для устройства бесплатных квартир для вдов, малолетних детей и незамужних дочерей умерших художников. 150 000 рублей — в Думу на это содержание».

«Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу, народу в каких-либо полезных учреждениях», — говорил Павел Михайлович.

Галерея была открыта Думой так торжественно, как не открывалось еще ни одно из городских учреждений. Переданная из рук Третьякова в руки своей Родине, галерея прославила его имя на весь мир.

Государственная Третьяковская галерея — национальная галерея русской живописи, художественный музей мирового значения. В мире существует ряд музеев и национальных галерей, обладающих великими ценностями. Но Третьяковская галерея единственная в своем роде. Ибо само становление галереи было в то же время процессом становления русского национального искусства, более того — русского национального самосознания.

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ ВАСНЕЦОВ. 1848 — 1926

Алёнушка

Главный свой багаж человек выносит из детства, и что бы ни случилось, как бы потом ни распорядилась судьба, детские впечатления остаются точным указателем при выборе пути.

Дом в деревне Рябово Вятской губернии, где провел свое детство Виктор Васнецов, был наполнен сказками. Рассказывала их стряпуха — долгими зимними вечерами, когда за

окнами не видать ни зги, в кухне топится печь, и дети, расположившись вокруг стряпухи, слушают ее тихий старческий голос. Сколько она знала этих сказок! Это была вторая Арина Родионовна.

Немудрено, что, став художником, Виктор Васнецов обратился к сказке. Он раскрывал в своих полотнах узорчатость, нарядность, фантазию, вековую народную мудрость, и, облаченную в поэтическую форму, мечту.

Это было новое направление в живописи, поэтому Васнецова приняли не все и не сразу.

«Трудно будет Виктору Михайловичу пробить рутину художественных вкусов», — говорил художник Крамской.

И критик Стасов замечал то же: «Русское искусство — точно барич навыворот воспитанный: оно было дрессировано так, чтобы говорить и на один манер и на другой: как угодно, только бы не по-своему, не своим языком и голосом. Да еще этим же и гордиться!»

Случалось, у Васнецова опускались руки. Что требовало от него общество, он делать не мог, а что делал — того не требовалось.

Однажды возле деревни Ахтырка под Москвой Виктор Михайлович встретил крестьянскую девочку-подростка. В ситцевом дырявом сарафане шла она, погруженная в какие-то думы, одинокая, замкнутая... И столько тоскливой печали выражали ее глаза, что Васнецову припомнилась родная Вятка.

Там дети тоже рано узнавали тяготы жизни. Отцы уходили на заработки в далекие горы на шахты, где, проработав зиму (их так и называли зимогорами), возвращались домой, рассчитывая гроши, чтобы хватило на всё — на подати и на жизнь.

Случалось, не возвращались, гибли в шахтах, оставляя сиротами семерых по лавкам. Не раз видел Витя, как плакали в лесу крестьянские женщины, в голос причитая над своей участью, обняв руками березоньку, грудь прижимаясь к ней и качаясь вместе с ней из стороны в сторону. Все, что они не смели выкричать, вырветь дома, делали на груди березоньки: она, родимая, и поймет и пожалеет.

У Васнецова появилась мысль написать картину «Алёнушка», и неясный еще образ девочки-сиротиночки стал обретать живые, волнующие черты.

Он сделал несколько этюдов с крестьянских девочек, несколько пейзажных этюдов, и, собрав материал, приступил к работе.

«Камушком на камушке» сидит Алёнушка у самого омута, вглядываясь в его темную, зовущую глубину. С милой детской неуклюжестью поджаты ее босые, натоптанные ноги,

---

печально склонилась голова, руки обняли колени. Давно выцвела ее когда-то голубая кофточка, в дырках старенький сарафан. Разметались, прядями спускаясь вниз, золотисторыжие волосы. Почти некрасиво ее заплаканное лицо... Печален и день без солнышка. Как слезы, падают на темную поверхность омута осинового листочки.

Картина появилась в 1881 году на очередной выставке в Москве, полюбилась зрителям своей задушевностью и простотой, но, видя в ней только сказочную Алёнушку, публика была несколько в недоумении.

По сюжету сказки, Алёнушка должна лежать на дне омута, с камнем на шее, а на берегу должен бегать козленочек.

Кто же не знает его предсмертного моления о помощи: «Сестрица Алёнушка, выплынь, выплынь на бережок! Костры горят высокие, котлы кипят кипучие. Хотят меня зарезати!»

Но Виктор Михайлович отбросил игру народной фантазии, бережно сохранив лишь существо сказки — грустное повествование о девушке-сироте.

Пейзаж тоже незамысловат: несколько молоденьких осинок и елочек, осока да серые камни.

И все-таки... как много в этом пейзаже было нежного, светлого! Как и в образе Алёнушки, обиженной судьбой, тихо оплакивающей свою участь.

Произведения такого скорбного и в то же время светлого единства еще не знала русская живопись. Это был не жанр, не сказка... Это была нежная лирическая поэма. Простая до последней степени, она вся вылилась из чистого чувства.

«Ясное солнышко», — назвал Васнецова Крамской, сумевший понять своеобразие его характера и почувствовать, как бьется в Васнецове особая струнка.

Снегурочка

Сказку о Снегурочке, девочке из снега, Васнецов знал с детства, но лишь взрослым человеком понял, как много вложено в этот нехитрый сюжет. Начать с того, что Дед Мороз и Николай Чудотворец — одно и то же лицо. Почитание Николая Чудотворца пережило в России многие столетия; простодушие народа перенесло на Николу черты Деда Мороза из древних славянских верований — и так сложился единый образ. Сама Снегурочка — это, пожалуй, елочка в зимнем, волшебном лесу, где вместо коряг — медведи; елочки — как боярышни в шубках и круглых шапочках; вокруг — избушки, снеговики, зверушки... и по этому сказочному миру бриллиантовые россыпи.

В 1881 году московский меценат Савва Мамонтов решил поставить на домашней сцене пьесу Островского «Снегурочка», предложив Васнецову написать декорации и сделать эскизы костюмов. Виктор Михайлович был озадачен. Во-первых, он никогда не писал декораций, во-вторых, известная ему сказка «Снегурочка» ничего общего не имела с сочинением Островского. У Островского Снегурочка — это девушка, которую отец Мороз, не доверяя легкомысленной матери Весне, воспитывает сам в дремучем лесу, куда ни пешему, ни конному нет дороги. И все-таки слышит Снегурочка нежные песни пастушка Леля, слышит смех парней и девушек из Берендеева посада, когда они устраивают игры на берегу реки... и любопытно ей. Весна упрекает Мороза: «С людьми Снегурочке жить надо. Играть в горелки с подружками, гулять с ребятами до полуночи. А там — полюбится один. На свете всё живое должно любить!» Но именно этого Мороз боится. Полюбит дочь и сгорит в любовном огне. Нет, пусть уж живет в лесу, играет с белками и зайчатами, прыдет снег, бобровою опушкой тулупчик свой и шапки обшивает... Однако Весна настаивает, и Мороз отпускает Снегурочку. Познает Снегурочка и человеческую тоску, и ревность, и пламя любви.

Подлинное искусство предполагает в творческой личности два главных свойства: природный талант и сильный характер, без которого ничего не будет, все пройдет впустую. Васнецов обладал тем и другим и принялся за рисунки. Чудным образом переплелись в пьесе Островского сказочные персонажи с людьми, жившими на Руси в незапамятные времена, поклонявшимся богу Яриле. Васнецов, следуя за автором, создал изумительную галерею древнего русского народа, во всем его чудесном и красивом облике. Спустя полвека художник Грабарь скажет: «Рисунки к «Снегурочке», находящиеся в Третьяковской галерее, в смысле проникновенности и чутья русского духа, не превзойдены до сих пор, несмотря на то, что целых полстолетия отделяет их от наших дней».

Васнецов написал к спектаклю четыре декорации. Как удалось, и сам не понимал.

И вот — поднялся занавес. Зрители глянули, и дыхание перехватило. Нежная зимняя лунная ночь, искры инея на сугробах, влажный ветер на деревьях... От засыпанной снегом коряги отделилась странная фигура, и все тотчас поняли — Леший.

*Конец зиме пропели петухи,
Весна-красна спускается на землю...*

Зрители перевели дух и улыбнулись, приветствуя и принимаемая сказку.

Постановка «Снегурочки» имела исключительный успех среди московских любителей искусства. А милый образ Снегурочки Васнецов запечатлел особо, изобразив ее на опушке леса. Чуткая ночная тишина вокруг, слышно, как позванивают березки обледенелыми веточками. Под горой река, а за ней — огни Берендеева посада. Манят Снегурочку эти огни, ей хочется к людям, но... словно чувствуя, что ей суждено погибнуть, не вернуться в свои холодные края, она прощается и со снегами, и с елочками; и сама она, как елочка в пышной шубке, украшенной тончайшими узорами. И столько в ней естественного, застенчивого, что... поистине — это образ России, жемчужины на земном пространстве, где «тысячи переливов, звуков нежных, неброских, но завораживающих настолько, что не отвести глаз».

Три богатыря

Муром. Былинное сердце России. Первые поселенцы обосновались здесь в 862 году, были очень привержены своим славянским богам, и когда князь Глеб пришел в Муром с христианской миссией, они убили его. Однако в сложные для русской земли моменты муромцы отбрасывали все свои пристрастия и неприязни и шли сражаться против врага вместе с христианами.

*Не для ради князя Владимира,
Не для ради княгини Апраксии,
А для бедных вдов и малых детей
Я иду служить...*

*Не скакать врагам по нашей земле,
Не топтать на конях землю русскую,
Не затмить им солнце наше красное!*

В мирное же время муромцы оставались непокорными, признавая только Перуна, Дажь-бога, Ярилу, жреца Богомила, который тридцать лет сидел на тридцати дубах Соловьем-разбойником, и прочих славянских богов.

Ни одно русское княжество не создало столько былин, как Муромо-Рязанское. Много в них особенного, выпуклого, поэтического. В городах и деревнях из уст в уста передавались муромские былины о подвигах богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича и других. Муромские

богатыри стали любимыми героями русского народа, поскольку славны не только физической силой, но и пониманием другой силы — добрососедства.

Мысль написать «Богатырей» появилась у Васнецова в 1867 году, то есть, в тот самый год, когда он с шестьюдесятью рублями в кармане, но с огромным желанием учиться в Академии художеств, приехал из Вятки в Петербург, где первое время только и делал, что справлялся с нуждой. Питался одной буханкой хлеба в день, и чем бы кончилась такая жизнь, неизвестно, да на счастье, встретил брата своего учителя, с которым познакомился, когда тот приезжал в Вятку. Он взял Васнецова к себе на квартиру, помог найти работу и посоветовал поступить в Рисовальную школу, где по воскресениям преподавал Крамской.

В это сложное для Васнецова время, как спасительная доска над бурлящим потоком, являлось перед ним детство: отчий дом, родители, братья, стряпуха, рассказывающая былины и сказки при свете свечи: «Муромец — сила, Попович — святость, Добрыня — доброта. Охраняют они землю русскую, и никакой ворог их одолеть не может!»

Вскоре Васнецов поступил в Академию художеств. Учеба, работа, творческие поиски, удачи и неудачи, участие в Передвижных художественных выставках, поездка во Францию, — вот и минуло чуть не пятнадцать лет. Но все эти года не покидала мысль о «Богатырях». В Париже, когда мечталось о России, сделал небольшой эскиз картины, показав художнику Поленову. Поленов пришел в восторг, и Васнецов решил подарить ему этот эскиз, но Василий Дмитриевич отказался:

— Нет, не возьму. Впрочем... возьму, но после того, как вы напишете картину.

Однако картина «Три богатыря» была написана только в 1898 году.

Россия. Спокойное могущество. Ей нечего бояться, она велика и не мстительна. Богатыри — ее застава. Они грозны для врага, но приветливы для друга. Их копья никогда не обратятся на беззащитного, их кони никогда не будут топтать мирные поля. В картине — высшая правда и высший человеческий закон.

На выставке к «Богатырям» было не протиснуться. Зрителям казалось, что этим богатырям тысячи лет, что они родились вместе с Россией. Все, кто смотрел на картину, видели незыблемость своей земли. Сколько невзгод, войн, жутких лет знала эта земля, сколько пожарищ... но она стоит и будет стоять, потому что ни одна другая не рождала таких богатырей, ни один народ не имеет в своей основе такую духовную крепость.

Васнецова стали называть историком, но он возражал: «Я не историк, я — сказочник, былинник, гуслир живописи... «Богатыри» мои не историческая картина, а только живописно-былинное сказание о том, что лелеял в своих грезах мой народ».

Лев Николаевич Толстой, увидев «Богатырей», был потрясен:

— Я никогда не задумывался, какими в жизни были наши богатыри, но, увидев картину, подумал, что именно такими и были защитники родной земли и никакими другими, в представлении народа, быть не могли.

Был потрясен и Федор Иванович Шаляпин:

— Выходят из вятских лесов и появляются на удивление изнеженных столиц люди, как бы из самой древней скифской почвы выделанные. Как духовно прозрачен при всей своей массивности Васнецов! Его богатыри, воскрешающие самую атмосферу древней Руси, вселили в меня ощущение великой мощи — физической и духовной. В истории русской живописи «Богатыри» занимают одно из самых первейших мест. Язык этой картины-баллады прост, величав, могуч, его прочтет каждый русский с гордостью, каждый иностранец с опаской, если он враг, и с чувством спокойной веры в такую мощь — если он друг.

БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ

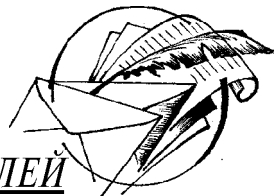
По стране ходит анекдот: ФСБ накрыло сеть подпольных кружков. В них изучали физику, химию, математику и другие школьные предметы.

И, кажется, этот анекдот вскоре станет самой настоящей правдой жизни, так как в старшей школе по новым стандартам очередной реформы образования будут в обязательном порядке изучать только три предмета: новейшей конструкции мифологию «Россия в мире», псевдопредмет ОБЖ и физкультуру.

Это супер! И если мне сейчас расскажут, что ради этих трех предметов стоит посещать школу после девятого класса, то я сильно удивлюсь. Зачем? Чтобы сдать ЕГЭ?

Чтобы ученики все-таки заживали в школу, где им предложат тренироваться по части ЕГЭ, им предлагается выбрать еще три предмета вот из этих: русский язык, математика, физика, химия, история, биология, иностранный язык. Только три! Понятно, что все будут выбирать русский, математику и иностранный.

Но не более пяти часов в неделю на эти предметы.

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

А дальше уже — тишина или так называемый «интегрированный уровень», легкий такой уровень, для дебильчиков. Говорят, что такую штуку с необязательными предметами, которые преподают, посадив детей в кружок, проделали в США, когда поняли, что негры не могут изучать математику и физику, и тогда в школьную программу публичной школы напихали всяких псевдопредметов.

«Ну а тому, кто в точных науках безнадежен, в старших классах предлагается предмет «естествознание», — пишет «Российская газета».

Мудрые читатели говорят, что у реформаторов руки чешутся сделать платным среднее образование, и они поэтапно подползают к этому скользкому вопросу. Заказ на эту реформу поступил еще в 2006 году от «Единой России».

Собственно, в 2010 году сделан последний шаг к платному среднему образованию. Естественно-научные предметы будут изучать в подпольных кружках платно.

Действительно, зачем быдлу законы физики? Ведь главная задача реформы, кроме коммерциализации «необязательных предметов», — это воспитание лояльного гражданина, который ни за что не сунет носа на Манежку. Только с этой задачей не справился даже тиран, двадцать лет управлявший Тунисом!

Но российские реформаторы решили попробовать!

«Российская газета» пишет, что «кроме знаний по русскому языку, математике, физике и т.д. стандарты обязывают учителя воспитывать у детей патриотизм, толерантность... Чтобы не было в следующий раз Манежной площади».

Авторами «нового образовательного стандарта» считается отставная начальница московского Департамента образования Любовь Кезина и гендиректор издательства «Просвещение» Александр Кондаков. Последний производит впечатление человека, который не в состоянии грамотно изложить даже как бы собственные идеи.

Новый образовательный стандарт не понравился ровным счетом никому: ни родителям, которые в школе изучали физику и химию, ни общественности, которая тоже состоит из родителей, ни прессе, которая тоже состоит из родителей. Кондакова начали трепать в прессе. Ему задали неприятный вопрос:

— Вам и вашим новым стандартам уже предъявляют претензии, что вы хотите заменить знания, необходимые для развития личности — воспитанием патриотов, верных государственной системе?

И Кондаков гордо ответил, что России в большей степени нужны патриоты нового образца, чем люди, знающие физи-

---

ку и математику. Как это трогательно напоминает полковника Скалозуба из грибоедовского «Горе от ума»!

*Я вас обрадую: всеобщая молва.
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших оказий.*

У России — большая история. Все уже было. Времена мракобесия отлиты в чеканные формы. И нынешние времена, несмотря на системный бред о модернизации, будут отлиты в сатирические стихи.

Новый образовательный стандарт живо напомнил читателям одну запрещенную в России книгу — «Майн кампф» Адольфа Гитлера:

«Преданность, верность, готовность к самопожертвованию, умение молчать — вот добродетели, которые очень нужны великому народу. Систематически поддерживать и воспитывать в школе эти чувства — дело гораздо более важное, чем многое из того, что заполняет ныне наши учебные программы. Такой же важной задачей воспитания является — систематически отучивать от слезливых жалоб, от вечного хныканья и т. д. Наша школа должна воспитывать детей в той мысли, что надо уметь, когда приходится, молча переносить и страдания, и справедливые удары... Если бы в наших народных школах молодёжь меньше накачивали школьной премудростью, но зато систематически воспитывали бы в ней чувство самообладания, то это очень и очень окупилось бы... Подводя итог, приходится сказать: наше государство сильно сократит общешкольное преподавание и выделит из него только самое главное и существенное... Вполне достаточно, если каждый получит в качестве основного только самое общее образование... Общеобразовательный минимум будет обязательным для всех, специальное же образование будет делом каждого отдельного лица. Сократив учебный план, мы выиграем много свободных учебных часов, и эти часы должны быть посвящены физическим упражнениям, воспитанию характера, воли и силы решимости».

Несмотря на такое неприятное сходство очередной реформы с самыми мракобесными своими предшественницами, партия власти практически не стесняется признать, что производство дебилов, поставленное на широкую ногу, может дать стране спокойствие и стабильность.

Но это напрасные надежды. Никаких патриотов наклепать на уроках преданности невозможно. Школьники будут

откровенно зевать и играть в электронные игры под партой.

В России с послесталинских времен традиционно принято игнорировать государственную пропаганду. Это менталитет народа. С этим ничего невозможно сделать. Ни церковь не поможет, ни уроки преданности в школе.

В СССР тоже почти каждый год терзали среднюю школу реформами. И никогда, за исключением 60-х годов прошлого века, эти реформы не были связаны с желанием власти улучшить преподавание предметов. До 60-х годов цели школьных реформ всегда ставились сугубо политические — сконструировать нового человека. В 60-х годах вдруг решено было усилить преподавание предметов, особенно химии. Во всех школах развесили плакаты: «Химия — царица наук». Эта реформа и дала СССР первое образованное поколение.

Справка:

Начиная с 40-х годов в СССР было как минимум 8 реформ образования. В 1958 году была принята образовательная реформа СССР. Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» неполная средняя школа стала 8-летней, а полная средняя — 11-летней. Было усилено трудовое обучение, в старших классах введена профессиональная подготовка. В 1964 г. восстановлен 10-летний срок обучения. Производственное обучение было сохранено лишь в средней общеобразовательной школе, имеющей соответствующую материальную базу (1966). В 60-е гг. получила развитие средняя общеобразовательная школа с усиленным изучением предмета — иностранного языка, математики, физики, химии, биологии и др.

Наверное, те, кто придумал очередную, нынешнюю, реформу школьного образования, облегчая нагрузку в старших классах, рассчитывали, что в школе будут учиться не очень способные дети. На таких в массе своей детей рассчитана американская пиплшкола. Как пишет одна из преподавательниц, эмигрантка из России, в американской школе «слишком много раскрашивания, вырезания, наклеивания, пробования на вкус, которые не только отнимают время от думания, — они ухудшают мышление. Во-вторых, форма в Америке преобладает над содержанием. Американцы начинают строить новое здание и при этом выбрасывают старые библиотечные книги...»

Российская школа, которая сложилась в результате реформы 60-х годов прошлого века, наиболее удачной из всех реформ русского школьного образования, была рассчитана на самых способных, все быстро схватывающих учеников. Ос-

---

тальным приходилось приспособливаться, списывать и мошенничать. Вот от этого хотят избавить школу нынешние доброты-реформаторы.

Но не проще ли создать разные школы: для способных и для не очень способных. Не умнее ли восстановить систему профессионального обучения для тех, кому сложно освоить объем теоретических знаний после 9-го класса? Почему же надо создавать в старших классах школы «ПТУ для патриотов», вводя для этого специальные предметы?

Патриотизму учатся у жизни. Патриотизм — это введение отдельной уборки мусора, которую до сих пор не освоила единственная страна Европы — наша. Это соблюдение экологии. Это очистка берегов и русел рек и озер. Это правильное управление лесными и водными ресурсами страны. Вот наглядные уроки патриотизма! А учебник патриотизма — в музее идиотизма!

«Неужели Россия и дальше будет откровенно бояться сообразительности своих сограждан?» — спрашивают читатели.

Ну, конечно, власть боится слишком умных граждан, они ей попросту не нужны, у нее есть свои дети. Но задача школьной реформы все-таки больше продиктована жадностью, чем страхом перед образованными, продиктована желанием коммерциализировать школу, для чего был заранее проведен соответствующий закон о праве школьных образовательных учреждений на коммерческую деятельность.

И эту реформу проводит президент Медведев, который почти серьезно рассуждал о модернизации, которая, мол, так необходима нашей стране!..

ДНЕВНИК РУССКОГО

1990 г.

3 января

Звонил Л. М. Леонов, говорили о судьбах Церкви и русского священства после революции. Эмигрировало всего 4% священников (в основном полковые священники, ушедшие с Белой армией) и 105 архиереев. Русская Православная Церковь разделила судьбу пасомого народа.

Еще при Ленине и по его инициативе (см. Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 666) началось истребление и тотальная секуляризация церковного имущества русского священства. К началу 1920-х годов было расстреляно около 250 тысяч священников и монахов. К концу 1930-х годов из 78 тысяч православных храмов было закрыто и ограблено более 90%. Из 1105 дореволюционных монастырей (см.: Указатель российских монастырей Денисова Л., СПб., 1905) почти все 100% были закрыты и разгромлены. Мощи российских святых были выброшены или сданы в музеи для атеистической «пропаганды». Богослужебные сосуды, иконные ризы из серебра и золота, колокола были изъяты и сданы как металлолом. В утиль пошли церковные книги, шитье, утварь. Иконы

Продолжение

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

и золоченые иконостасы зачастую сжигались прямо в храмах, а потом золу увозили для промывки и извлечения из нее золота. Герой последнего романа Л. М. Леонова все это пережил, перестрадал и по праву может считаться героем нашего времени. В свою очередь, и сам писатель — герой книги, ибо он давно понял, что стилистическая традиция русской классики со времен Октябрьской революции себя исчерпала и надо писать по-новому. Думаю, не ошибусь, если скажу, что удельный вес леоновской мысли — самый высокий в русской литературе второй половины XX века. Прав был старик С. Т. Коненков, когда сказал на I Съезде Союза художников СССР, что наше время требует от художника развивать в себе пророческий дар. К этому Л. М. Леонов всю жизнь и стремился.

4 января

Говорили с Леоновым по телефону о Горьком, большой очерк о котором, «Иллюзион счастья», опубликован в «Огоньке» (1990. Янв. № 1). На фотографиях — Сталин и Ворошилов в гостях у писателя в доме Рябушинского, М. Горький и Л. Леонов в Сорренто. Я спросил Л. М., кто сделал его фото с Горьким.

— Максим, — ответил Леонов и добавил, что они были на втором этаже виллы, которую снимал Горький в Сорренто. 1-й этаж снимал «профершпилевшийся» (словечко Леонова) итальянский барон.

О чем они говорили тогда в Сорренто? О чем мечтались им? То, что Россия до Первой мировой войны поставляла на мировой рынок до 40% экспорта пшеницы, оба писателя знали. Уверен, что ни один из них не мог себе даже представить, что в конце XX века Россия будет ввозить пшеницу. Тут к месту вспомнить горьковский каламбур. Писателя как-то в 1930-х годах спросили, как, дескать, дела. «Максимально горько», — ответил он.

«Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов», — сказал Сталин, выговаривая Буревестнику революции.

Когда Горький умер, врачи прямо на даче вскрыли его труп и мозги писателя бросили в ведро. «Неприятно было нести это ведро с мозгами еще недавно живого человека», — записет секретарь Горького Петр Крючков 30 июля 1936 года. Мозг Горького по распоряжению Сталина доставили в Институт мозга.

В последний год жизни Горького его отношения с Леоновым упали до самой низкой отметки. Почему? Во всяком слу-

---

чае, не только потому, что их поссорила Тамара Владимировна Иванова — жена Вс. Иванова. Было в этом охлаждении Горького и Леонова друг к другу что-то более глубокое, нежели дамские козни.

Леонов в канун Нового года сказал мне, что свою речь о Горьком, посвященную 100-летию со дня рождения писателя, он написал и произнес с чувством признательности и благодарности. Горький в тот день, когда у него обедали Сталин и Ворошилов, сказал о Леонове слова высшей похвалы, как художнику, которые послужили Леонову «охранной грамотой» на все правление Сталина.

5 января

После прогулки я читал Леонову новогодние поздравления от академиков Логунова и Виноградова, от Дрязгова, от редакции журнала «Наука и жизнь» и др. Леонов не скрывал своей горести и разочарования, что ни Астафьев, ни Белов, ни Распутин, ни Солоухин не поздравили его с Новым годом.

— Сорок копеек пожалели на телеграмму, — сетовал Л.М.

Немало горьких капель в леоновский вечерний чай добавил своей публикацией «Прошлогодних записок» С.П. Залыгин («Литгазета»). Не увидел Залыгин в творчестве Л.М. Леонова всего того, чем он восхищен у В.М. Шукшина и А.И. Солженицына, Ф.А. Абрамова и В.Г. Распутина, В.П. Астафьева и В.И. Белова.

«Я знаю, плохо ко мне писатели относятся», — сокрушался Леонов и привел модернизированный латинский афоризм: «Каждая книга имеет свою судьбу». И добавил: «И... каждый писатель».

Я спросил, как продвигается работа над романом. Л.М. ответил, что дело движется очень медленно, и рассказал, как легко ему работалось в молодости. Бывало, он включал до войны приемник, настраивался на волну с классической музыкой (Моцарт, Бах, Гайдн, Рахманинов), и все домашние помехи уходили в сторону. Музыка была как занавес, который плотно отделял его рабочий стол от звуков быта.

— Ничего не замечал и не слышал, — сказал Леонов. — Только работа.

В один из таких моментов погружения в музыку неожиданно по немецкому радио передали, что в Москву приезжает Риббентрон. Леонов, учивший в гимназии немецкий и французский язык, прослушал передачу и только хотел сказать о новости жене, как к нему на дачу приехал Федор Раскольников с женой. Оказалось, что дипломат Раскольников

не знал об этой новости и даже не поверил Леонову. Это была одна из последних встреч Леонова с Раскольниковым.

Настроение у Л. М. сегодня было не праздничное. Наверное, он, как и Максим Горький, мог бы сказать о себе: «Максимально горько».

6 января

Судя по звонку, Л. М. Леонов снова и снова возвращается в своем романе к рассмотрению личности Ленина и тех последствий, которые порождены идейными и практическими установками его правления Россией. Л. М. снова попросил меня попытаться найти высказывание Ленина, где он говорит о своей готовности к сотрудничеству с чертом. Я ответил, что в ИМЛ мне не смогли дать конкретной справки по этому поводу. Леонов же настаивал на том, что ошибки не может быть. Он помнит и знает, что Ленин «искал союза с чертом».

Леонов попросил меня почитать выдержки о Ленине из книги Н. А. Бердяева. «Истоки и смысл русского коммунизма» («Юность». 1989. № 11):

«У него (Ленина. — В. Д.) выработалось циническо-равнодушное отношение к людям. Он не верил в человека, но хотел так организовать жизнь, чтобы людям было легче жить, чтобы не было угнетения человека человеком. В философии, в искусстве, в духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек, у него были вкусы и симпатии людей 60-х и 70-х годов прошлого века. Он соединял социальную революционность с духовной реакционностью.

Ленин настаивал на оригинальном, национально-своеобразном характере русской революции. Он всегда говорил, что русская революция будет не такой, какой представляли ее себе доктринеры марксизма... Ленин не теоретик марксизма, как Плеханов, а теоретик революции... Он один заранее, задолго до революции думал о том, что будет, когда власть будет завоевана, как организовать власть. Ленин — империалист, а не анархист. Все мышление его было империалистическим, деспотичным. С этим связана прямолинейность, узость его мирозерцания, сосредоточенность на одном, бедность и аскетичность мысли, элементарность лозунгов, обращенных к воле. Тон культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно. Всякая рафинированность мысли и духовной жизни его отталкивала... Ленин не был дурным человеком, в нем было и много хорошего. Он был бескорыстным человеком. Абсолютно преданным идее... Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерож-

---

дению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе».

И опять Леонов возвращается к теме — детерминизм (предопределенность) и свобода воли. Он просил меня еще раз уточнить отношение марксизма к философским понятиям — детерминизму и свободе воли.

После вечернего чая мы слушали «радиоголоса». Американцы язвительно потешались, находя различные варианты зависимости между обилием у нас докторских диссертаций и отсутствием докторской колбасы.

— Не верю я в американское благоденствие и стабильность, — как давно решенное, заявил Леонов. — В один день все может измениться.

Выходило так, что Леонов вовсе не сторонник ни монополистического капитализма, ни догматического социализма. Марксизм-ленинизм как всеобъемлющее учение для Леонова — это вопиющее издевательство над здравым смыслом, неслыханное предательство.

8 января

Л.М. Леонов позвонил и сказал, что в знаниях о детерминизме и свободе воли он остается на прежних позициях и, таким образом, снял с меня задание об уточнении смысла философского учения (детерминизма) и философско-этической проблемы (свободы воли).

О ленинском выражении (взять черта в союзники) задание остается. Завтра по этому вопросу иду в Институт русского языка АН СССР.

Для Леонова не прошла незамеченной светская хроника, опубликованная в газете «Правда» (за 7 января с.г.): «Внучка тридцать четвертого президента США Д. Эйзенхауэра Сьюзен объявила о своем решении выйти замуж за советского ученого, народного депутата СССР Р. Сагдеева. Гражданская свадьба состоится 9 февраля в Москве, затем пройдет короткая религиозная церемония в американском посольстве. Супружеская чета будет жить как в Вашингтоне, где трое детей 38-летней Сьюзен ходят в школу, так и в Москве, где живут двое детей 57-летнего Сагдеева».

Впервые, начиная, наверное, с 1912 года, со времени своего основания, газета «Правда» опубликовала подобную светскую хронику. Леонов был весьма язвителен в своих комментариях.

9 января

Мой поход в Институт русского языка АН СССР по просьбе Л.М. Леонова увенчался успехом. Научный сотруд-

---

ник из сектора «Язык Ленина» Т.Ф. Иванова нашла иско-
мое. Ленин в речи по докладу о деятельности думской фрак-
ции 8 (21) мая 1907 года сказал: «Такие же праздные потуги
оппортунизма вижу я в переговорах с народовцами, защита
их ссылкой на Бебеля совсем слаба. Бебель, дескать, сказал:
если нужно для дела, хоть с чертовой бабушкой войдем в сно-
шения. Бебель-то прав, товарищи: **если нужно для дела** (вы-
делено мной. — В.Д.), конечно, тогда можно и с чертовой ба-
бушкой. Ну, а для какого дела оказались нужными ваши сно-
шения с народовцами? Ни для какого. Польза от них — ноль.
И, выходит, Бебель говорил хорошо, а вы понимаете его пло-
хо» (Ленин В.И. ПСС. Т. 15. С. 323).

10 января

Отдал Леонову выписку из речи Ленина.

— Он был циник, — заметил Леонов.

В Институте русского языка АН СССР научные сотруд-
ники сказали мне, что они работали над двухтомником «Язык
Ленина», из ИМЛ им было дано указание не включать в книгу
два слова «сифилис» и «проституция». Леонов на это мое со-
общение прореагировал однозначно: дескать, были на то при-
чины. Народная молва не зря грешит на Ленина.

Вечером по Би-би-си слушали о встрече редакции газеты
«Аргументы и факты» с читателями. Один из сотрудников
газеты доложил публике о своих «изысканиях»: дескать, пер-
вым мужем Н. К. Крупской был друг Фанни Каплан. Была и
у Ленина жена до Крупской, но пока данные о ней решили не
публиковать.

Вернулись к недавнему нашему разговору — о Сагдееве и
внучке Эйзенхауэра. Мягко говоря, Леонов не одобряет пред-
стоящее бракосочетание академика Р. З. Сагдеева с внучкой
Дуайта Эйзенхауэра Сюзьен. Сагдеев, располагающий все-
ми секретами нашей космической науки, должен, по мне-
нию Леонова, учитывать мнение тех, кто работает на него
как руководителя и терпит при этом трудности, кладя на ал-
тарь отечественной науки свои силы и здоровье. В качестве
высокого образца гражданственности Леонов назвал П.
Л. Капицу. Вместе с С.В. Кафтановым Леонов в годы опалы
Капицы побывал у него на Николиной горе и видел, как все-
мирно известный ученый работал в своей лаборатории, обо-
рудованной в сарае.

В Москве сейчас проходит первый фестиваль кинофиль-
мов, посвященных Русской Православной Церкви. Леонов
направил свое приветствие, оно опубликовано в Вестнике
фестиваля.

---

15 января

Был у Троицы, заходил в трапезную, поставил свечу предподобному Сергию, постоял, помолился, дабы дал Господь сил исполнить мне свое назначение до конца.

Читали Евангелие, потом проникновенно пел хор... Когда я вышел из Трапезной, подошла женщина и предложила мне купить у нее две иконы в киотах: Богоматерь Владимирскую и Серафима Саровского, и всего-то по 30 рублей. У меня было с собой копеек 80... Жаль.

Приехал поздно, в десятом часу вечера. Я еще и чаю не успел попить, как позвонил Л.М. Леонов. Рассказал ему о своей поездке. Так мы и не съездили вместе в лавру..

На мой вопрос, как движется работа, Леонов ответил, что в его положении, «когда корабль может перевернуться», единственный выход — это сделать мощную пробоину в днище, чтобы уравновесить крен. Но сил на это, как признался Леонов, у него нет. Я предложил в помощь «капитану» выход. А что если пригласить талантливого прозаика, попросить его прочесть роман и творчески «срастить капилляры» тех вставок, которые сделал Л. М. в последнее время. Леонов признался, что у него есть на примете такой человек, но относится он к Леонову не очень хорошо, и Л.М. боится отказа. Кто этот писатель, Л. М. так и не сказал. Мне почему-то подумалось, что Леонов имел в виду либо Ю.В. Бондарева, либо В.В. Солоухина. Я решил про себя поговорить с ними на этот предмет. А вдруг получится!

Сегодня Л.М. диктовал вариант, теперь уже наверное последний, своей «расправы» над Митькой Векшиным. И это спустя 63 года после выхода «Вора» в свет!

16 января

Мое предположение о том, что Ю. В. Бондарев и В. В. Солоухин могли бы творчески нарастить «капилляры» леоновских вставок в романе, оказалось неверным. Когда я сегодня предложил свою версию помощи, то Л. М. отклонил кандидатуру и Солоухина, и Бондарева. Л. М. дипломатично отметил, что они хорошие писатели, но в силу разных причин не смогли бы, как того хотелось Леонову, справиться с заданием. Так что Леонову самому придется отвечать за свой роман. Кивать ни на кого не придется.

— Как получится, так пусть и будет, — таков был смысл заключения Леонова.

А работается ему тяжело. Диктует он лежа. Если бы он мог видеть свой текст, тогда бы, конечно, было легче.

Тем не менее верится, что роман получится. Вернее, уже получился.

---

19 января

Л.М. Леонов в числе 40 академиков АН СССР 25 октября 1975 года подписал заявление советских ученых по поводу неприемлемого для них решения Нобелевского комитета о присуждении Сахарову премии мира. Откуда было знать норвежскому стартингу, что Нобелевскую премию мира они присуждают... русскому юридическому? Они-то принимали его как правозащитника космополитизма. В душе-то он был сломавшимся человеком, а отсюда и юродство. Прости его, Господи.

Наша сегодняшняя прогулка была окрашена грустью. Леонов, рассказывая, что за то время, пока мы с ним не виделись, ему работалось очень тяжело, через «не могу».

— Чуть с ума не сошел, — сказал Л.М.

Я просил Леонова «не пережимать», может быть, даже на время прекратить диктовку и отдохнуть в санатории.

По Би-би-си передавали фрагменты из книги «Укрощенное искусство». Леонов был и остался непримиримым в своих суждениях об авангардном искусстве. Он по-прежнему отдает предпочтение не эстетике авангарда, а этике нравственности, духовным традициям русского национального искусства. Поэтому для него Мейерхольд с его претенциозностью и вывертами был и остается хамом.

Я спросил Л. М., встречался ли он с И. М. Гронским после его реабилитации (середина 1950-х годов). Леонов ответил, что ему не ясна была роль Гронского в его судьбе, и потому он не стремился к встрече с ним.

29 января

Целую неделю я жил в Сергиевом Посаде, поминал родителей, просил здоровья и благополучия родным и друзьям, в том числе и Леонову. И он меня не забывал, звонил домой мне каждый день, справлялся, когда я приеду. Сегодня, сразу же по приезде позвонил Леониду Максимовичу.

— Я думал, что вы уж постриглись, — пошутил Леонов.

— К сожалению, завтра нам свидеться не придется, так как я снова уезжаю в Сергиев-град.

Мы обменялись новостями. Л.М. сказал, что он закончил еще одну новую редакцию эпилога романа «Вор». Удивительное дело, «Вор» не отпускает автора во всю жизнь: 1928—1959—1990. Если бы у него было бы в запасе еще 10 лет, то он, наверное, снова бы вернулся к «Вору».

«Остатний» роман движется медленно. Пока готовыми Л.М. считает лишь две главы...

Вчера у Леонова был в гостях Ю.Н. Белянкин. Он снимает фильм о Байкале.

Л. М. сказал, что ждет моего приезда, так как у него есть ко мне нетелефонный разговор.

11 февраля

Вот уже три недели живу в Сергиевом Посаде в своей тихой мастерской-келье в полукилометре от лавры. Затеял тяжбу с руководством Загорского художественно-промышленного техникума игрушки, развалившего художественное отделение и ведущего дело к перепрофилированию техникума. Удастся ли возродить техникум, пока сказать трудно, так как обстановка с подготовкой художников для традиционных народных промыслов всего сергиево-посадского куста очень сложная. Шесть веков тому назад преподобный Сергей Радонежский положил начало изготовлению резных деревянных игрушек. С тех пор игрушки мастеров Сергиева Посада отличались тем, что приучали детей к труду, любви к животным, развивали смекалку, вызывали восхищение красотой. Образная игрушка вплоть до 1930—1940 гг. была основным направлением в развитии промысла. В последнее десятилетие промысел, по существу, выродился, ибо национальные корни его были нарушены. Игрушки стали «интернациональными». Потеряли свою связь с народной жизнью, с ее нравственными идеалами. Нынешнее руководство техникума, с которым я воюю, не только не желает обратиться к живительным источникам — к народным традициям, но и насаждает изготовление и тиражирование всяческой нелюди вроде пресловутых чебурашек. Все это является следствием духовной деградации общества, раболепного откращения в угоду догме века от христианских заповедей, лежавших в основе воспитания детей. К чему это привело? Ответ можно найти в Нагорной проповеди. Мы семьдесят два года строили здание своего государства не на камне, а на песке.

Сегодня разговаривал с помощницей Л. М. Леонова — О. Я. Афанасьевой. Она сказала, что Леонид Максимович в последнее время работает как-то особенно плодотворно, окончательно освободившись от вынужденных недомолвок в своих оценках всего того, что творилось в родимом отечестве. Именно под таким углом зрения Леоновым был переделан эпилог к роману «Вор». Ежедневно он диктует Ольге Яковлевне краткие вставки в уже законченные главы нового романа, стараясь максимально использовать свой шанс в расстановке акцентов, вытекающих из логики его окончательного прозрения.

На днях Л. М. позвонил Чингизу Айтматову и просил выступить в защиту писателей, обложенных несправедливо

крупным «налогом с оборота». Спустя 70 лет все повторилось. Писателей, как во времена молодости Леонова, обложили налогом, наравне с кустарями «без мотора».

18 февраля

— Куда вы пропали? — спросил Л.М., когда я, приехав из Сергиева Посада, позвонил ему. И добавил: — Я знаю, вам игумен Андроник на меня наговорил.

Я успокоил Леонова. Игумена Андроника минувшей неделей я видел всего лишь один раз и то мельком. Да и что такого он мог сказать, чтобы испортить наши отношения с Л. М.?

Леонов с интересом выслушал о моих изысканиях, касающихся В.В. Розанова. Моя мастерская на Овражном переулке, д. 23, находится в пятнадцати минутах неспешной ходьбы от бывшего дома священника Беляева на Красюковке (Полевая ул., д. 1), где жил В.В. Розанов, и в пяти минутах от дома П.А. Флоренского (б. Дворянская ул.). Вечером после работы я, гуляя, иду мимо дома Флоренского, перехожу железную дорогу и иду по Березовому переулку и Лесной улице до дома Розанова. Этим маршрутом ходили друг к другу в гости и Розанов с Флоренским. После переезда осенью 1917 года в Сергиев Посад у Розанова не сложились отношения с лаврой, с Духовной академией. Ортодоксальному священству были чужды взгляды Розанова на Церковь, семью и брак. Натерпевшись от консистории за свое фактическое двоеженство (А.П. Суслова не дала развод В.В. Розанову), Василий Васильевич так и не смог окончательно наладить отношения с монашествовавшими, черным духовенством. Его отношения с белым священством были и проще, и лучше. Флоренский, Дурылин, Фудель, Беляев — можно назвать десяток священников, с которыми он дружил, но лавра, по существу, отторгла Розанова. Он сильно нуждался, голодал и холодал. Будь его отношения с монастырскими дружественными, можно не сомневаться, что Розанов не умер бы от истощения и голода. Церковь, монастырь не дали бы ему умереть. Доказательством справедливости моих предположений может служить то, что когда в позапрошлом году свояченица С.Н. Дурылина Н.А. Виноградова захотела продать собрание сочинений В. В. Розанова библиотеке лавры, то не смогла этого сделать. Монахи не захотели покупать книги Розанова. Надо сказать, что и Леонову сексология Розанова не по душе. Физически неприятна ему и розановская теория «бессемянности» Христа.

Придя вечером к Леониду Максимовичу, я нашел его в отличном расположении духа. Мы пошли гулять. Л.М. рассказывал о работе над книгой. Он убежден, что Господь Бог

не оставлял его без своего призрения во всю жизнь. Если для Бога — это всего лишь миг, то вся леоновская жизнь как раз вмещается в этот миг, и потому Л. М. от рождения и «до самой смерти» находится под оберегающей дланью Господа Бога. Даже и в том, что он стал слепнуть и не может в полную силу работать над текстом романа, Леонов видит промысел Божий. Значит, Господу Богу угодно, чтобы Леонов не завершил своего романа.

— Пусть мой роман будет как комета — с четко очерченной «головой» и размытым «хвостом», — сказал Леонид Максимович. И добавил: — Закончить роман я все равно не успею. Даже если бы жил еще семь лет. Впрочем, — прибавил он, — я знаю, когда умру.

Мы говорили о Евангелии. Леонов назвал гефсиманское моление о чаше самой пронзительной по человечности частью Писания. Христос, по Леонову, боится предстоящей смерти, он «струсил» перед ней. Он молит Бога Отца пронести чашу мимо, и в этом он весь как человек.

— А в каком месте Евангелия Христос более всего Бог? — спросил Леонов.

Я ответил, что больше всего Христос как Бог, по-моему, явлен тогда, когда, сидя в темнице после заушений и коронования терновым венцом, прощает своим врагам, ибо они «не ведают, что творят». Леонов ничего не сказал, ибо сам, как мне показалось, не мог оспорить моего ответа.

Заговорили о Москве. Леонов полон пессимизма в оценке судьбы Москвы как Третьего Рима. Однако у него нет сомнений и относительно того, что Четвертому Риму «не быти». Миру грозит катастрофа — человеческого духа, культуры и самой природы. Похоже, что «моторесурс» планеты Земля выработан полностью. Впереди — либо капремонт, либо окончательное списание цивилизации со всех счетов. Похоже, что человек далеко зашел в своем горе. А ведь человек был, судя по всему, возлюбленным дитятей Господа Бога. Леонов даже предполагает, что Бог, создав людей, поставил их выше ангелов. И что же вышло из этого? Одно свинство — житие в собственную утробу.

Леонов дал мне свой пригласительный билет на вечер, посвященный 80-летию Павла Васильева (1910—1937) и просил отправить телеграмму семье Стоновых, приславших Л. М. посмертную книгу Дмитрия Стонова. В свое время Леонов помог Дмитрию Стонову выйти из лагеря.

17 марта

Фрейд считал, что три великих произведения литературы — «Царь Эдип» Софокла, «Гамлет» Шекспира и «Братья

Карамазовы» Достоевского — родственны между собой тем, что их героев отличает подсознательное чувство соперничества к отцам, дабы завладеть своими матерями. Трудно сказать, насколько сопоставимы как носители «комплекса Эдипа» Смердяков и Достоевский, но сам факт подобной подсознательной «взаимозависимости» трудно оспорить.

Известно, что А. Т. Твардовский почитал мать и не любил отца. А мать А. Т. Твардовского, как рассказывал мне Иван Твардовский, прижила трех своих детей — Павла, Марию и Василия — не от Трифона Гордеевича. Александр Трифонович знал это, но все равно не осуждал мать.

18 марта

Главный разговор сегодня был о книге, которая, как сказал Леонов, завалялась у него на рабочем столе. Л. М., предвзято беседу, сказал, что религиозные мифы с детства занимали его. И вот теперь на склоне лет он пытается в меру своих сил и опыта решить «узловые» проблемы мироздания. Его, в частности, занимает и такой вопрос. Раз есть борьба между Богом и «рогатым», то не значит ли это, что «наш» Бог не всемогущ? А что, если над «нашим» Богом есть еще более вышестоящая сила? Словом, по Леонову выходит, как я понял, что в бесконечном мире есть и бесконечное число Богов. Следует добавить, что, занимаясь подобным еретичеством, Леонов исходит из того, что, во-первых, он даже не «клоп», а всего лишь еле заметная пылинка, и поэтому «в случае чего» он Бога обидеть не может; во-вторых, Леонов никак не может согласиться с трехмерностью пространства, в котором мы живем. Он убежден, что пространство многомерно (член-корреспондент АН Раушенбах говорил Леонову, что, по его соображениям, пространство по крайней мере тринадцатимерно). Отсюда Леонов делает вывод, что рядом с нами, буквально между нами, живут и сосуществуют иные, невидимые нам миры. НЛО, по мнению Л. М., и есть представители одного из «измерений» многообразного окружающего нас мира.

Будучи человеком мятежного духа, Леонов, по моему разумению, ведет в литературе поиски на самых передовых рубежах мысли и в то же время не порывает связи с «корнями» национальной культуры.

— Ваша нервно-психическая структура ближе к отцу или к матери? — спросил я Леонова.

— К матери, — ответил он, — а у младшего брата Бориса — к отцу.

После ужина Леонид Максимович продиктовал мне коротенькое письмо П. П. Дудочкину и просил отослать ему об-

---

ратно присланную переводную книгу Г.Хьетсо «Кто написал «Тихий Дон»?» (проблема авторства «Тихого Дона»), изданную в издательстве «Книга» (М., 1989). Читать книгу Леонов не стал, да ему и неинтересно, к тому же и времени совсем нет: «Свой роман завалился на столе. Я убежден в авторстве Шолохова».

Фрейда Леонов совсем не почитает, физиологические «выкладки» Фрейда не стыкуются с концепциями духа у Леонова.

1 апреля

— Шибко я постарел, пока мы не виделись? — спросил Леонид Максимович, когда мы вернулись домой с прогулки.

В пути он несколько раз останавливался. Идти ему было трудно. Чувствовалось, что у него тахикардия. Нет, я не скажу, что Л.М. как-то изменился со времени нашей последней встречи. Просто он давно не выходил на улицу, не с кем было гулять. Да и весенний авитаминоз очевидно сказывается.

— Я готов ко всему, — сказал Л.М., когда я пытался «успокоить» его.

— И я готов ко всему, — только и мог я прибавить. — Мне уже без малого шестьдесят...

— Понимаю. — серьезно ответил Л.М.

Свой поиск на «стыке» двухмерного и трехмерного «измерения» жизни Леонов настойчиво продолжает и по сей день, сам находясь уже на «стыке».

Судя по всему, смерть не шибко страшит Леонова. Будучи христианином, он «готов ко всему».

В течение всей своей писательской общественной деятельности Леонид Максимович всегда с интересом относился к писателям-фантастам, помогал наиболее талантливым и самобытным. (Вспомним его отзыв о необходимости поддержать издание книг А. Грина.)

В том, что сейчас все настойчивее пробивается в прессе интерес к секретам НЛО, Леонов видит веление времени. По моему убеждению, последний роман Леонова является, безусловно, новаторским в мировой литературе и непременно будет высоко оценен если не в нынешнем, то в следующем веке, обязательно.

Прощаясь, Леонид Максимович деликатно укорил меня за то, что я не выполнил его просьбу — не позвонил и не рассказал о своих «изысканиях» о струнах скрипки. Честно говоря, я предполагал, что он забыл об этом. Ан нет!

Я спросил у Леонова, какой у него знак зодиака, и был удивлен, что он не знает. Взяли справочник, вышли Близнецы.

---

9 апреля

Гулять мы не пошли, и фотокорреспондент А.С. Кулешов напрасно просидел «в засаде», дожидаясь, чтобы сфотографировать Леонова.

Л.М. попросил почитать ему газеты. Интервью с советником президента академиком С. Шаталиным в последнем номере «Московских новостей» привлекло внимание Леонова больше других материалов. Еще его заинтересовали в «МН» ответы южнокорейского организатора новой церкви Муна, который высказал убеждение, что вопреки всему нынешнему разладу, у России — большое будущее.

Заговорили о Шолохове. Леонов поделился своим мнением, как бы он написал сцену вызова Андрея Соколова к начальнику немецкого лагеря. Мне леоновский «вариант» понравился меньше, чем шолоховский. Факт остается фактом — «противостояние» не закончилось со смертью одного из «оппонентов». Оно продолжится и после смерти второго: смысл леоновского варианта таков. Дескать, нельзя хвалиться тем, что один может выпить литр без закуски, а другой с тремя бабами переспать. Леоновский Соколов, выпив стакан за свою погибель, сказал бы, что он не закусывает после первого, потому что в бараке умирает с голода его товарищ и он хотел бы отнести ему кусок хлеба с салом. А потом бы он показал, как умеют пить русские. Словом, «противостояние» продолжается, но на уровне «метода».

О своем последнем романе Леонов сказал, что он не успеет его закончить, но незаконченный свой роман он изначально делает как незаконченный роман. Для примера Леонов привел «Рабов» Микеланджело, которые, с его точки зрения, тоже не закончены. Здесь Леонов вплотную смыкается с концепцией Достоевского, что в произведении искусства должна быть та мера незаконченности, которая вызывает у читателя, зрителя желание быть соучеником творческого процесса, зовет к сотворчеству.

Леонов отозвался о незаконченной картине Павла Корина «Русь уходящая» как о неудаче художника. Ибо в этой, в общем-то, натуралистической картине нет продолжения глубины чувства, нет тайны. Вопрос тайны, «тайничка», как говорит Леонов, в произведении искусства — одна из главных задач художника. «Тайничок» есть в произведениях Данте, Шекспира, Достоевского. К этому должен стремиться всякий художник, но делать это интуитивно, по промыслу Божию, а не по заданной разнорядке.

Корин подошел к решению «Руси уходящей», по мнению Леонова, довольно примитивно и натуралистично. В фило-

---

софском плане даже лозунгово, а надо бы — с большим проникновением в философскую суть, ибо большевики «неведать бо что творят». Да и сам типаж не очень удачен. Леонов рассказал, как он на 3-й неделе Великого поста прожил (с каким-то инженером) в Параклитовой пустыни в 1920-х годах. Из провизии он захватил с собой хлеба и мешочек кураги. В Параклите он прожил 4—5 дней (!). Там он увидел монаха, скорбно-сосредоточенный вид которого глубоко тронул Леонова. Вот такой типаж, чем-то похожий на Сергия Радонежского, Леонов бы и хотел вывести в «Руси уходящей». (Леонов через своего сокелейника монаха Тимолая послал «скорбному» хлеба и кураги. Тот, в свою очередь, пришел и с достоинством поблагодарил.) Л.М. вспомнил, как Тимолай будил его к молитве-полунощнице, а он хотел спать и говорил: «Сейчас, сейчас...» и засыпал.

Лет 10—15 тому назад Леонов, не будучи способным сам изобразить, попросил художника Пинкисевича из журнала «Огонек» и одну женщину-художницу нарисовать картину по его снам. Л.М. рассказал художнику (каждому в отдельности, конечно!) свои сны. Пинкисевич должен был изобразить высокую стену, за ней деревья; в стене как бы забытая железная дверь с накладными скобами; из-под двери прорастает трава. В дверь давно никто не ходит, но она есть, значит, ходили, могут снова пойти... Пинкисевич сделал все профессионально, даже натуралистично, но тайны не было. Не получилось и у художницы. Она должна была изобразить другой сон — бугор, отлогий скат, внизу вдали одинокий домик, а вокруг — зеленый-зеленый луг. А над всем этим сказочным миром — иссиня-черное небо и в нем восьмиконечная дыра, а в дыре... Леонов не стал говорить, что именно должно быть в дыре. Второй сон, как я понял, Леонов вспоминал ежедневно по нескольку раз в течение 40—50-х годов. Было в этом для него какое-то пророчество...

Леонов вспомнил, как в 1931 году, когда он был в Сорренто, они шли с Горьким лимонной рощей и Алексей Максимович произнес в его адрес высшую похвалу. Только по прошествии времени Леонов понял, что Горький ожидал от него возражения: дескать, что я в сравнении с вами? Леонов промолчал тогда и теперь сожалеет об этом. Надо было понять психологию стареющего писателя, привыкшего к похвалам и успеху, и... потрафить ему. Но Леонов не понял тогда Горького. Впрочем, это трактовка самого Леонова, а может быть, Горький сказал тогда Леонову просто от избытка чувств и щедрости души? Кто знает?

---

14 апреля, Великая Суббота

Наконец-то я начал исполнение своего обета — паломничество в Троицкую обитель (маршрут разбил на несколько отрезков). Коснувшись рукой Спасских ворот Кремля, я прошёл Красной площадью мимо Василия Блаженного, Казанского собора, далее по Никольской улице, затем, неподалеку от места, где стояла часовня преподобного Сергия Радонежского, что в конце Ильинки, по Б. Мясницкой, бульвару, по Сретенке мимо церкви Троицы в Листах, мимо общества «Радонеж» (пр. Мира, 14). В обществе «Радонеж» осмотрел выставку икон Георгия Ивашенко из Ставрополя.

15 апреля, Пасха

Позвонил Л. М. Леонову, поздравил с самым большим праздником.

— Какие новости? — спросил Леонов.

— Новость одна — Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

Договорились завтра свидеться.

16 апреля

Похристосовшись, мы с Л.М. пошли гулять. Говорили о Сергиевой пустыни, там, под Петербургом, был настоятелем св. Игнатий (Брянчанинов), автор «Добротолюбия».

Вчера вечером по телевидению показывали американский кинофильм «Христос». Леонов сказал, что артист, сыгравший в заглавной роли, после этого фильма сниматься в кинобоевике не стал.

Леонова заинтересовало сообщение в «Комсомольской правде», где монах Свято-Данилова монастыря Аттавий говорит: «Мое мнение такое: НЛЮ действительно существуют, но это не инопланетяне, а духовная реалья. Потусторонние силы являются нам в том образе, в котором мы их можем воспринять». Леонов солидарен с Аттавием.

После прогулки я читал Л.М. газеты и журналы. В частности, статью Олега Михайлова «Разговоры с Леоновым» в журнале «Слово» (1989. №5). Несмотря на ряд неточностей, Леонов согласился с написанным.

Продолжение следует